BREEZE

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Если ходишь в бар ночью – будь готов к неприятностям. Причём чем дальше от центра находится этот бар, тем больше вероятность, что тебя утром выловят из реки...

•

Силоч Ю.В.
Некондиционный
1.

Если ходишь в бар ночью – будь готов к неприятностям. Причём чем дальше от центра находится этот бар, тем больше вероятность, что тебя утром выловят из реки. Разумеется, если ты перед этим сумеешь утонуть в этой мерзко пахнущей вязкой жиже.

Да, этот бар был ужасен с точки зрения личной безопасности и санитарии, однако я чувствовал себя тут намного спокойнее и уютнее, чем в небоскребах центра Нейро-Сити. Тамошние акулы, непрестанно грызшие друг друга за место под солнцем, пугали меня несоизмеримо сильнее. Глянцево-красивые, богатые, пытавшиеся забыть в бесконечных кутежах о том, что у них под ногами живут пятьдесят миллионов людей, что готовы сожрать их без соли, представься такая возможность. Старому цепному псу вроде меня не было места в их рафинированном мирке. Нет уж, увольте, лучше я буду пить дешёвый виски тут, в трущобах, чем нюхать кокаин с идеально вылепленных грудей стриптизерши там, на сияющей вершине города. Тут я хотя бы чувствую себя на своём месте.

Я уже допивал последний за сегодня стакан, когда двери распахнулись и в тесную прокуренную забегаловку ввалилась шумная компания. Молодые, самоуверенные, пьяные, одетые в куртки с эмблемами престижных колледжей и каких-то спортивных команд. Борзые щенки.

За годы службы у меня выработался настоящий нюх на неприятности, и эти парни ими просто смердели. Я съёжился за стойкой и опустил голову, постаравшись занять в этом мире как можно меньше места. Чёрт, лучше бы остался дома. И что они тут только забыли?.. Сидели бы сейчас где-нибудь в клубе, лапали официанток и шлюх, пили, нюхали, принимали… Но нет, видимо ребятам эти развлечения давно наскучили и им захотелось

пощекотать себе нервы.

- Э-эй! – громко крикнул бармену главарь шайки. У него был отчётливый итальянский акцент, который наверняка специально выставлялся напоказ. - Мы тут, и мы готовы скупить всё по часовой стрелке!

Компашка, смеясь и перешучиваясь, расположилась у стойки рядом со мной.

- Что-то хочешь мне сказать, старик? – с вызовом спросил заводила. Я повернул голову, дабы рассмотреть его и понять, что чутьё меня не подвело. Парень был высоким, черноволосым и кареглазым. Смуглый, спортивный. Красавчик – этого не отнять. Но также было прекрасно видно, что за внешней привлекательностью скрывается цистерна с дерьмом. Очень самоуверенным дерьмом. Вероятно, чей-то сынок. Если принять во внимание итальянский акцент, становилось понятно, чей именно.

Ну почему именно сейчас, когда я едва прижился?..

- Нет, ничего, – я торопливо отвернулся.

- Тогда какого хрена ты пялишься на меня, урод?

Дружки-прихлебатели жизнерадостно заржали, кто-то включил камеру на старомодных очках и принялся снимать происходившее на видео, подзуживая главаря:

- Давай, Лу, покажи ему. Нам тут не нужен этот мешок дерьма. Вышвырни его.

- Ты слышал, придурок? – спросил у меня тот, кого только что назвали Лу. - Нечего на меня смотреть. Знаешь, что бывает с теми, кто на меня пялится?..

- Всё в порядке, ребята, – я натянул улыбку на лицо и попытался подняться. - Я уже ухожу. Приятной ночи.

Лу задержал меня, взяв за плечи и толкнув обратно на стул. Что ни говори, а парень был силён. Во мне самом, несмотря на худощавое телосложение, было килограммов сто веса, но Лу сумел ощутимо на меня надавить. Здоровый отожранный бугай.

- Я еще не отпускал тебя, ублюдок!

- Давай, Лу, врежь ему!

Я скривился, как от зубной боли:

- Просто отпусти меня. Я не хочу проблем.

Щенка это, похоже, только раззадорило.

- У тебя уже проблемы, урод. Ты сейчас на моей улице, понял? На моей улице, придурок! – он взял меня за грудки.

Немногочисленные посетители уже покинули бар.

- Парни, успокойтесь, он и правда не хотел ничего плохого… - попытался вступиться за меня бармен, в уме уже подсчитавший убытки от грядущей драки.

- А ты вообще заткнись! – резко повернулся к нему Лу. - Заткнись и налей мне выпить, пока я вышвыриваю отсюда этого бомжа.

- Не надо меня трогать, – я старался говорить спокойно, не делая попыток освободиться от хватки итальяшки. - Пожалуйста, отпусти меня, и никто не пострадает.

- Не пострадает? – взвизгнул Лу. - Сейчас ты у меня пострадаешь!

Он резко оттолкнул меня, из-за чего я едва не упал, и вытащил из-за пояса пистолет.

Старый «Кольт 1911». Видавший виды, потёртый, но так же, как и полторы сотни лет назад, готовый убивать. Нестареющая классика.

Всё пошло наперекосяк, и я из-за этого ужасно нервничал.

- У меня есть такой же, – я распахнул пальто и показал свою кобуру. - Так что убери папин пистолет и просто дай мне уйти.

Я говорил и понимал, что никто меня не слушает. Кучке молокососов хотелось увидеть шоу, а их предводителю – его показать. Вечер безнадёжно испорчен, а значит, к черту всё это дерьмо. Сами напросились.

- Папин пистолет? Какое тебе дело, чей это пистолет, если он может вышибить тебе мозги?! – Лу сам себя накрутил до состояния полной невменяемости.

«Бла-бла-бла». Я уже не слушал. Знал, чем всё закончится. Закрыл глаза и ждал. В конце концов, его никто не заставлял.

«Бу-бу-бу, бу-бу-бу», смех прихлебателей… А, вот. Удар по лицу, звук взводимого курка и выстрел.

Прямо в голову.

Меня отбрасывает в сторону, и я падаю на пол, опрокидывая несколько стульев.

Щенки кричат что-то вроде «О-о-оу, прямо в башню!», главарь чувствует себя альфа-самцом и жадно пьёт налитый дрожащим барменом виски.

- За счет заведения! – натянуто улыбается он, клацая зубами от страха.

Так-с.

Короткая диагностика.

Попадание в голову, над правой бровью. Большая вмятина, немного повредившая лобные доли. Неприятно, но не критично. В конце концов, это всего лишь второстепенный кусок текстолита – процессор запрятан намного глубже, и нужно что-нибудь помощнее, чтобы до него добраться. Всё остальное в норме, не считая того, что я пьян и в бешенстве.

Когда щенки увидели, что я поднимаюсь с пола, то замерли в

ужасе.

Главарь выронил стакан и, не замечая моей вытянутой вперед руки, выпучил глаза, выхватил из-за пояса пистолет и начал выпускать в меня пулю за пулей.

- Сукин сын!!! – орал он в панике. - Почему ты не сдох?

- Да прекрати ты!.. Стой!.. Стой!.. – я из последних сил пытался уберечь щенка от самоубийства, но он не слушал.

Прихлебатели также повыхватывали пушки, и в скором времени мне должно было стать очень худо даже несмотря на субдермальную броню.

Ну и к чёрту, я больше не собирался никого спасать. Эти идиоты сами напросились.

Пистолет? Да, он был мне нужен для защиты. С его помощью я защищал таких вот олухов-задир от их собственной глупости. В смысле, они видели пистолет, просчитывали шансы на успех и отваливали. В противном случае с ними происходили очень неприятные вещи.

Лу я разорвал голыми руками. Это просто – как лист бумаги. Берёшь за два плеча и дёргаешь в разные стороны, глядя, как расплескиваются внутренности.

Дружки паниковали, палили в мою сторону, но попасть не могли – я двигался слишком быстро. Боевая программа предусматривала увеличение реакции и быстродействия, но энергии потребляла – жуть. Снова придётся валяться дома и килограммами жрать шоколад, запивая сладким чаем.

Друзья Лу прожили немногим дольше, но перед этим всё-таки сумели знатно нашпиговать меня свинцом. Да, я был быстр, но в данном случае всё решила плотность огня. Рука, бедро, две пули в боку. Больно, чертовски больно, даже для киборга.

Когда я вышел из боевого режима, то чуть не проблевался от открывшейся картины. Да, я сам это сделал. Да, я сделал это далеко не в первый раз. Но когда пол покрывает ровный слой крови и повсюду комьями валяются куски мяса, ещё недавно бывшие людьми, всё равно становится не по себе. Плюс я был по уши в крови, и от одного её запаха меня выворачивало наизнанку.

Вот дерьмо…

Я нашарил во внутреннем кармане пачку сигарет и зажигалку.

Из-под стойки послышались звуки опорожняющегося желудка. Я совсем забыл про бармена.

- Как ты, приятель? – спросил я, заглядывая за стойку и видя лишь широкую спину. - Только не бойся, я тебя не трону…

Через минуту бармен поднялся и теперь вытирал салфеткой седые усы, глядя на меня с любопытством и опаской. Вся его

рубашка и лицо были в кровавых брызгах.

- Так ты из этих… - сказал он.

- Да, – кивнул я. - Именно из этих.

- На, возьми, – бармен вытащил из-под стойки дробовик. - Пригодится. Этот парень, Лу… Он был сыном Коромальди. На тебя начнётся охота. Ты, конечно, крут, но…

- Да, - я взял дробовик и спрятал его, насколько было возможно, под пальто. - Лишним не будет. Спасибо. Сколько у меня времени?

- Ну… - бармен посмотрел на часы. - Я сильно испугаюсь и убегу из бара домой. Полицию догадаюсь вызвать где-то через час, но не больше. Прости.

- Всё в порядке. Спасибо тебе. Счастливо.

Я вышел из бара и свернул в темноту ближайшей подворотни. Надо было заглянуть домой, забрать хоть какие-нибудь вещи и снова отправиться в бега.

Час – это просто бесценный подарок.

2.

Я забрал из дома все свои вещи. Знаю, звучит так, будто я взял с собой целый контейнер барахла, но это не соответствовало реальному положению дел – всё, что я нажил непосильным трудом, уместилось в небольшом рюкзаке. Сменное бельё, пакет с отвратительной жратвой быстрого приготовления, чистые носки, рубашка, свитер и деактивированный полицейский жетон с крупной надписью «Служба безопасности Нейрокорп» и чуть поменьше «Эйдер Морт». Пальто и «парадные» брюки пришлось выкинуть. Жаль, пальто мне нравилось.

Такое малое количество вещей само по себе было хорошим поводом задуматься о том, на что я трачу свою жизнь, но для самокопания не было времени - надо было бежать.

Если не знаешь куда пойти – иди к женщине. Это правило ещё никогда меня не подводило.

Я отстучал каблуками по деревянной лестнице быстрый бодрящий ритм и выскочил на улицу, мгновенно окунувшись в холодный ночной воздух, пахнувший первым серым снегом, сыростью и испарениями. Да, районч ик так себе, зато квартиры дешевле некуда – так сказал мой риелтор, настолько фальшиво улыбаясь во все 32 зуба, что меня так и подмывало уменьшить их количество.

Нормальный был район. Как раз то, что надо для безработного отставника. Свалка переработанных человеческих отходов – пережёванных и выплюнутых городом неудачников.

Какую картину покажет ваше воображение при слове

«трущобы»? Если это стены домов-развалюх, покрытые похабными граффити, битые окна, переполненные мусорные баки, ямы в асфальте, узкие тёмные улицы, в которых отродясь не было освещения, трубы и теплотрассы, от которых шёл пар, то вы точно знаете, где я сейчас находился и откуда бежал.

Время позднее, на улицах царит тишина, но я был уверен, что это затишье перед бурей. Когда мистера Коромальди поднимут с постели и сообщат о гибели сына от рук какого-то старого ублюдка, тут же начнётся настоящий карнавал. Именно поэтому нужно было спешить. Отделить себя от противника простейшим и древнейшим из препятствий – расстоянием, забиться в нору и сидеть там тихо-тихо до тех пор, пока не представится шанс незаметно ускользнуть куда-нибудь подальше. В конце концов, в городе хватало районов, где меня ещё не хотели убить, и это было веской причиной для того, чтобы смотреть в будущее с некоторым оптимизмом.

Кайра жила в апартаментах через несколько кварталов от моего дома.

Автобус выплюнул меня вместе с ещё несколькими поздними пассажирами возле разломанной пластиковой остановки с цветастой рекламой нового микрорайона. Яркого, как китайская мягкая игрушка, и расположенного черт знает где. Они называли его «Город счастья». Лицемерные ублюдки. Все прекрасно знали, что окраинным районам суждено стать очередной перенаселённой клоакой, в которой правят бал разномастные «уважаемые бизнесмены» с итальянскими и мексиканскими фамилиями.

Было ясно как Божий день, что будет с этим «Городом счастья» через несколько лет. Яркая краска облезет, проложенные наспех коммуникации придут в негодность, дороги смоет дождями, а на поддержание «развитой инфраструктуры» в виде детского сада на сотню мест и средней школы, воспитывающей малолетних преступников, с жителей будут драть такие налоги, что те взвоют. Но это будет потом, сейчас там искусственные газоны, яркие детские площадки, и в смоге даже есть немного воздуха.

Я много где успел побывать и обнаружил, что любой город можно представить в виде девушки. В этом смысле Кайра была маскотом Нейро-Сити. Во-первых, она была шлюхой. Но не уличной, а в некотором роде элитной - принимала и обслуживала клиентов у себя дома, в тепле и уюте. Во-вторых, она выглядела очень нестандартно даже в нынешнее, богатое на всяческих фриков, время. Её идеальное тело было покрыто цветными татуировками, и мне в пьяном бреду частенько казалось, что они

шевелятся, сплетаясь в какие-то совершенно непостижимые узоры. Длинные и пышные чёрные волосы были полностью выбриты над левым ухом, и на оголённом месте красовался стилизованный под скорпиона серебряный мозговой имплантат-бустер.

Я позвонил Кайре с уличного телефона-автомата, уцелевшего лишь благодаря тому, что он уже лет сто как был никому не нужен.

- Привет. Это Морт. Я перекантуюсь у тебя пару дней?..

- Да, конечно, – Кайра всегда была легка в общении и позволяла пожить у неё в тяжелые времена. - Купи пива.

- Прости, я пустой. Ни гроша в кармане.

- Я переведу, не парься.

- Хорошо. Переведи мне тогда ещё чуток, куплю себе шоколадок. Жрать охота.

- Опять с кем-то подрался? – она была осведомлена о моих особенностях.

- Да.

- Хорошо, жди деньги, сейчас переведу, – она собралась отключиться, но я крикнул в трубку:

- Стой! Погоди!

- Что такое? Меня тут ждут…

- Просто хотел попросить тебя отключить Brains, пока я буду у тебя, ок?

- Ла-адно, – недовольным голосом протянула она.

- Ты у меня просто золото, – я повесил в трубку и порысил в ближайший супермаркет, замотав лицо длинным чёрным шарфом.

Люди в своем развитии свернули куда-то не туда, если женщина просит купить пива, а мужик клянчит деньги себе на шоколад.

Я съел четыре энергетических батончика по дороге к дому Кайры. Жрать хотелось просто неимоверно, и мне не терпелось употребить остальное.

- Привет, сладкий, – Кайра открыла мне двери в одном чёрном нижнем белье и чулках, чмокнула в щеку и забрала пакет. На завёрнутый в простыню дробовик она не обратила никакого внимания; от неё нестерпимо пахло сексом. - Топай в комнату и не отсвечивай, ко мне скоро придут.

Апартаменты были очень просторные и уютные – не чета моей грязной берлоге. Чёрт возьми, тут даже цветы в горшках стояли на окнах! Уму непостижимо, как они только выжили. Следующие два часа я провел, сидя на диване, уставившись в стену-экран, треская шоколадные батончики и слушая, как за

стеной трахают Кайру.

- У-ух… - наконец-то дверь за последним на сегодня клиентом закрылась и голая хозяйка дома заглянула ко мне. - Как ты тут? Не скучал? – глаза у неё были будто подернуты пеленой от удовольствия.

- Нет, всё нормально.

- Тогда я в душ. Тащи пиво сюда. Чёрт… - она посмотрела на чулок. - Опять стрелка. Козлы.

Спустя десять минут мы уже торчали перед экраном, смотрели какую-то чушь и пили пиво. Кайра в коротком мягком розовом халате выглядела очень уютной и домашней даже несмотря на татуировки и серебряного скорпиона на голове.

- Можно я всё-таки зайду в Brains? – спросила она, в сотый раз за вечер переключая канал.

- Нет.

- Да ладно тебе. По телевизору одно дерьмо! – она обиженно надула губки, но со мной этот фокус не прокатывал: я прекрасно знал, что она этими губками вытворяла.

- А в сети, значит, не дерьмо?

- В сети я хотя бы выбираю его сама.

Я рассмеялся:

- Выбранное тобой дерьмо не перестаёт быть дерьмом. К тому же я не хочу, чтобы о моём присутствии тут кто-то узнал. Не думаю, что ты настолько хорошо контролируешь свои мысли.

- Ах да. Ты же с кем-то подрался. Никого не убил, надеюсь?..

Я серьёзно взглянул на неё:

- Не смешно. Сама же знаешь, что когда включается боевая программа…

- … ты перестаёшь себя контролировать, я помню. Ты мне все уши этим прожужжал.

- Именно. Поэтому вопрос неверно поставлен. Надо было спрашивать, *скольких* я убил.

- И?.. - Кайра не отрывалась от телевизора и переключала каналы в поисках чего-нибудь стоящего. Ей было глубоко плевать на то, что кто-то умер в мучениях. Точно так же, как и остальному Нейро-Сити.

- Шестерых, – я не стал уточнять, что голыми руками разорвал на тряпки сынка Коромальди и что его папочка наверняка уже назначил цену за мою голову.

- Хреново, – она равнодушно пожала плечами и уставилась в экран, где показывали, как по сцене прыгает какой-то парень в цветастых обтягивающих шмотках. - Если что, я ничего не знала.

- Конечно. Уложи меня спать.

- Ага, располагайся как обычно. Я тоже пойду. Устала.

- Затрахалась? – не удержался я от колкости.

- Ага, - хохотнула Кайра в ответ, - а что, ты тоже хочешь?

- Прости, у меня голова болит, – я честно пытался шутить, но остроумие, как и всегда в обществе симпатичных женщин, меня покинуло.

- Конечно, болит, – кивнула Мисс Нейро-Сити. - У тебя же в ней огромная вмятина.

- Забыл про неё, – смутился я. - Спокойной ночи.

- Сладких, – Кайра, виляя бедрами, ушла к себе на рабочее место - огромную постель-траходром, пропитанную потом и любовными соками, а я, не раздеваясь, устроился на диване - и через несколько минут уже храпел.

Я сплю очень чутко и быстро реагирую на любой шорох. Ночью ко мне просто невозможно подобраться незамеченным – я тут же просыпаюсь, готовый к бою. Именно так я и думал до этой ночи.

Вломились уже под утро – часов в пять. Секунду назад царила мёртвая тишина и спокойствие, а потом р-раз… - и квартира до отказа забита угрюмыми мужиками самого что ни на есть уголовного вида. Меня стащили с дивана и в два счета скрутили руки за спиной. Сверху уселся какой-то амбал, вонявший застарелым потом и пивом. Из соседней комнаты зачем-то приволокли голую Кайру, которую, разобравшись что к чему, тут же перегнули через подлокотник дивана и собрались изнасиловать.

- Спокойно, мальчики, спокойно! – кричала она. - Давайте хотя бы не все сразу, я и так согласна, только без грубостей!

Я ни хрена не соображал. Может быть оттого, что заполировал дешёвый виски ещё более дешёвым пивом, может от недосыпа, а может и ещё от чего-либо. Мозги отказывались работать. Компания в квартире подобралась чрезвычайно разношёрстная. Я увидел нескольких байкеров с нашивками клуба ветеранов войн, кучу итальяшек в их неизменных костюмах в тонкую белую полоску и пару полусумасшедших латиносов, увешанных ножами так, будто они подрабатывали передвижными стендами в магазине холодного оружия. Видимо, дон Коромальди не стал размениваться на мелочи и собрал под свои знамёна всё местное отребье.

Мою многострадальную голову приподняли за волосы. Один из макаронников, с мерзкими длинными усиками и зачёсанными назад волосами, на которые, должно быть, был вылит литр геля, взглянул на меня в упор и заключил:

- Да, это тот самый ублюдок!

- Парни! – я прочистил горло. - Стойте. Давайте разберёмся…

- Нечего тут разбираться. Дону Коромальди хватит твоей башки. Он её над камином повесит.

- Ребята, не надо, – да, я чёртов идеалист и всегда пытаюсь урегулировать подобные ситуации без крови. - Просто отпустите меня, и разойдёмся миром. Тот парень сам нарвался. Вы просто не знаете, с кем…

- Мы знаем, с кем связались! – самодовольно произнёс напыщенный итальяшка и достал из кармана небольшую чёрную коробочку. Я мгновенно покрылся холодным потом. Вот же дерьмо. «Глушилка» для полицейских, чрезвычайно редкая и дорогая вещь. Штучный товар, за сборку и распространение которого полагалась мгновенная смерть без суда и следствия. «Нейрокорп» очень не любила посягательств на свою власть и псов своих оберегала с особым тщанием. До тех пор, пока они не вцепились ей в глотку.

- О-о, да я вижу, ты знаешь, что это! – макаронник явно хотел покрасоваться. Где-то за его спиной байкеры деловито насиловали Кайру, время от времени отвешивая ей оплеухи, дабы не дергалась. - Одно нажатие этой кнопки, и…

Придурок чертов. Злодей киношный.

Он договорил «тебе крышка», а его рука уже была в моей руке. Это прозвучало бы чертовски романтично, если б итальяшка не находился в одном конце комнаты, а я с его предплечьем – в другой. «Глушилка» хрустнула под моими пальцами и как в замедленной съёмке начала осыпаться на пол, а я уже развернулся и отправился на второй заход. Байкеры среагировали быстрее всего, но они были слишком заняты Кайрой для того, чтобы оказать адекватное сопротивление. Я прошёл сквозь них с необычайной лёгкостью и двинулся дальше – на оставшихся итальяшек, попутно расплескав по стенам мозги латиносов. Комната наполнилась криками, выстрелами и летевшими в разные стороны внутренностями.

Дьявол! Снова…

В который уже раз я стоял по колено в чужом мясе и испытывал жгучее желание сдохнуть самому. В меня попали – минимум две пули застряли в груди. Слава богам, что банды на окраинах используют только архаичное оружие. Был бы здесь хоть один Glock-50 - и валяться мне с дырявой шкурой. Опять я всё испортил. Не то чтобы я верил, будто эти громилы выслушали бы меня и отпустили восвояси, просто… Просто я очень не любил убивать, вот и все.

Кайра так и лежала голышом на подлокотнике дивана, кверху задницей. Один из байкеров доставал из-за пазухи обрез, но не успел. Нажал на курок раньше и превратил голову несчастной

шлюхи в кровавую кашу. Нет больше её классной причёски и серебряного скорпиона. Мне было ужасно горько от того, что я не сумел её спасти. Я пришёл к Кайре в дом, зная, что меня будут искать, и вина за её смерть лежит полностью на мне.

Снова, как когда-то, люди вокруг меня начали умирать, и в этом не было ни черта хорошего.

3.

Чувства обострились до предела, и я понял, что снаружи меня ждет тёплый прием. Об этом недвусмысленно сообщал топот ног по лестнице и звук тронувшегося лифта. Я находился на шестом этаже, а значит, у меня был некоторый запас времени. В квартиру ворвалась троица итальяшек, до этого торчавших на лестничной площадке. Они размахивали пушками, корчили рожи и матерились, но ни первое, ни второе, ни даже третье не спасло: они остались в квартире Кайры в виде тёмно-красного налета на обоях. Я накинул куртку, подхватил рюкзак, сорвал простыню, в которую был замотан дробовик, и выскочил в подъезд

Для начала пришлось раздвинуть руками двери шахты и взглянуть вниз, в темноту, откуда со скрипом и стонами поднимался набитый людьми лифт. Он уже почти прибыл на место назначения – двигался где-то между четвёртым и пятым этажами.

Я прыгнул вперед и, зацепившись за тяговые тросы одной рукой, второй оборвал их, как нитки. Лифт рухнул вниз, но аварийные тормоза сработали с похвальной поспешностью. Металлическая коробка всего лишь провалилась вниз где-то на метр, вызвав у ехавших внутри людей приступ паники. Надо сказать, весьма своевременный, потому что я не собирался давать охотникам за моей головой ни единой секунды форы.

Спрыгнув вниз, на крышу лифта, я сорвал вентиляционный люк, просунул в получившуюся дыру ствол дробовика и выпустил в доли секунды один за другим все семь патронов, устроив внутри что-то похожее на лавку мясника. Дробовик сломался пополам в моих руках. Древний Remington 770 не выдержал нагрузки. Упс, переусердствовал с перезарядкой, забыл, что двигаюсь в несколько раз быстрее обычного. Впрочем, патронов всё равно не было, так что старичок свою задачу выполнил на сто процентов. Я сбросил останки дробовика внутрь и, сорвав аварийные тормоза, с матом и искрами полетел вниз.

Можно было бы выскочить обратно на лестницу и перебить тех, кто поднимался пешком, но силы были на исходе. Надолго меня не хватит, поэтому я предпочёл выбрать самый быстрый путь вниз, даже несмотря на то, что он обещал стать самым

болезненным.

Шахта лифта была узкой и тесной. Это многократно усиливало звуки, поэтому гул и скрип падающего лифта полностью меня оглушили. От направляющих летели искры и микроскопические осколки металла, но причинить мне вреда они никак не могли.

Не в пример падению с четвертого этажа.

Я рухнул вниз вместе с лифтом и полностью потерялся под его обломками. Не было времени для того, чтобы обращать внимание на боль, но где-то на задворках мозга билось осознание того, что очень скоро этот отчаянный полет аукнется мне долгими часами страданий. Стряхнув с себя обломки, я поднялся, подпрыгнул и на лету вышиб одну из створок дверей, ведущих на первый этаж. Отдача от собственного удара бросила меня обратно: пришлось во второй раз почувствовать, каково это – падать на мешанину из дерева и металла. Позвоночник, и без того выдержавший за сегодняшний день немало испытаний, едва не сломался.

Спешить, спешить, спешить. С каждой секундой выполнения боевой программы силы утекают из моего многострадального тела. Впрочем, убегать осталось совсем недолго.

Из подъезда я не выскочил, а вышел аккуратно, опасаясь нарваться на пулю.

За ночь намело кучу снега, но теперь, под утро, он превратился в вязкую жижу, напоминавшую цветом и консистенцией горячий шоколад. Других сравнений я старался не подбирать.

Возле подъезда стояли штук пять авто на любой вкус и четвёрка мотоциклов. Я выбрал себе чёрный «чоппер» с огромным хромированным черепом на вынесенной далеко вперёд «вилке», завёлся, развернулся и помчался куда глаза глядят – лишь бы подальше отсюда.

Холодный сырой ветер хлестал меня по лицу, будто влажной тряпкой. Мощный мотоцикл тихо урчал новеньким двигателем и бодро катил по пустому ночному городу. Хорошо, что мне не попался любитель старинных двигателей внутреннего сгорания и спортивных глушителей, иначе найти меня было бы проще простого – достаточно просто следовать за звуком. Первым делом нужно было немного попетлять по улицам, дабы запутать следы и сбить с толку погоню. Это я проделал настолько блестяще, что едва не потерялся сам.

Всё-таки сбежал.

Да, я вырвался, но заплаченная за это цена заставляла задуматься о суициде.

У меня не осталось сил, в груди застряли две пули, всё тело ободрано после поездки верхом на лифте, а спина грозит отказать с минуты на минуту. Ситуация совсем безрадостная. Нужно было срочно найти какую-нибудь еду и место для того, чтобы зализать раны. Замороженный бургер, который я забрал из дома, нисколько не помог – я еле сумел запихнуть его в себя во время короткой остановки на перекрёстке. Жрать хотелось так, что даже мысль о каннибализме уже не казалась такой отвратительной.

Впрочем, во всём нужно искать и позитивные стороны. Например, у меня есть транспорт и оружие (я умудрился не потерять кольт), и это чертовски грело душу.

Через двадцать минут я понял, что больше не в силах выносить голод, и остановился для того, чтобы ограбить придорожный магазин. Я не питал иллюзий по поводу того, что меня кто-то покормит бесплатно, поэтому и решился на подобное. Да уж, офицер Морт. Если скатываться – то на самое дно. Последние несколько лет моей жизни были не самыми лучшими, но и они казались безоблачно счастливыми в сравнении с тем, что я пережил за предыдущие несколько часов.

Мотоцикл был припаркован на улице, возле ржавого пожарного гидранта, а сам я, вновь замотав лицо шарфом и вытащив пистолет из кобуры, направился к ярко светившимся дверям круглосуточного магазинчика, приютившегося рядом с автобусной остановкой.

Эйдер Морт, в своё время один из лучших копов отдела внутренних расследований, распахнул двери пинком, взял на прицел жирного охранника и крикнул стоявшей за кассой некрасивой женщине в желтой рубашке-поло:

- Пакет! Достань пакет, сука!

Та коротко взвизгнула, но повиновалась. Сорвала с крючка белый пластиковый пакет, открыла кассу и собралась выгребать оттуда наличные, но я её остановил и указал стволом на полку с энергетическими батончиками:

- Не двигаться! Шоколад!

Продавщица не понимала, чего от неё хотят, пока я не рявкнул:

- Вытащи жопу из-за кассы и сложи в пакет эти долбаные шоколадки!

Я был очень странным грабителем. Деньги меня действительно не интересовали – по крайней мере, те, которые были напечатаны на бумаге и не имели практически никакой цены из-за инфляции. Вот от сотни-другой новых кредитов я бы не отказался, но украсть их вот так – с пистолетом наголо - было просто невозможно.

- Теперь к холодильнику! – когда кассирша очистила почти всю прикассовую зону от шоколадных батончиков, я указал стволом в другую сторону. - Десять банок NRG! Больших! Живо, тварь!

Охранник всё это время сидел и с ужасом таращился на меня. Его синяя рубашка с коротким рукавом мгновенно намокла подмышками, и это было просто омерзительно.

Пакет получился очень увесистым.

- Никто. За мной. Не идёт. Буду стрелять! – отчеканил я и выскочил обратно на улицу, где уже светало.

Мельком взглянув на своё отражение в стеклянной двери, я понял, что представлял собой ужасное зрелище. Грязный, ободранный, окровавленный, с огромной вмятиной во лбу и блестящими глазами сумасшедшего, под которыми залегли чёрные тени.

Забросив пакет в кофр и вынув оттуда пару батончиков, я вскочил в седло и помчался прочь, пытаясь одновременно вести мотоцикл и есть. Получалось хреново, но голод немного отпустил. Интересно, на сколько кило я похудел за сегодняшнюю ночь? Какая-нибудь фотомодель-анорексичка все локти бы сгрызла от зависти.

Нужно было убираться из района и чем скорее, тем лучше. Рано или поздно Коромальди и его головорезы загонят меня в угол, и тогда не помогут ни полицейские имплантаты, ни опыт, полученный в многочисленных переделках.

Ночь заканчивалась, начиналось утро, и я надеялся, что оно не станет для меня последним.

4.

Всё было очень плохо. Настолько, что хуже просто некуда. Впрочем, зная, насколько я везучий, ожидать счастливого спасения было бы просто наивно. Коромальди, старый сукин сын, не побоялся перекрыть все выезды из района.

Не доезжая до гейта – ворот из одного района в другой - я попал в жуткую пробку. Ехавшие по встречной полосе водители показывали знаками, что пути дальше нет - и нам придётся развернуться. Проехав между плотно стоявшими рядами машин и вдоволь надышавшись их выхлопными газами, я увидел, что именно произошло.

Ворота огромной серой махины из металла и бетона, перекрывавшей проезд по мосту-эстакаде, были надёжно запечатаны, а рядом (было хорошо видно) бродили, по предварительным подсчетам, где-то два десятка вооружённых людей. Водители были в отчаянии – они не придут сегодня на

работу, а это означало мгновенное увольнение без выходного пособия. Но несмотря на это с людьми Коромальди спорить никто не решался - машины разворачивались и ехали обратно по свободной полосе.

Развернулся и я, но, по понятным причинам, не доезжая до гейта. Поймал в спину кучу завистливых взглядов – неповоротливые развалюхи, купленные в кредит, никак не могли соперничать с мотоциклом в маневренности.

Хорошо, что мои мозги не имеют прямого доступа к Сети, как почти у всех жителей Нейро-Сити. Слушать жалобы неудачников в Brains не было никакого желания.

Не нужно было быть нобелевским лауреатом, чтобы догадаться – остальные гейты тоже перекрыты. Коромальди серьёзно подошёл к делу. Я прекрасно понимал, как делаются подобные дела, и знал, что следующим шагом станет какое-нибудь видеообращение к гражданам, обещающее награду тому, кто меня найдёт и пристрелит. Если с несколькими десятками охотников за головами я ещё мог играть в кошки-мышки, то, когда против меня будут все местные…

Пасмурное утро накрыло Нейро-Сити серым покрывалом уныния. Я ехал обратно, стараясь выбирать самые глухие и безлюдные улицы, надеясь хоть ненадолго затеряться. У мотоцикла кончилось горючее, и я, припарковав его в замусоренном темном проулке между домами, двинулся дальше пешком, прихватив из кофра пакет с награбленными шоколадками и энергетическими напитками.

Я как следует насытился по пути к гейту, но продолжал запихивать в себя шоколад едва ли не насильно, до тошноты и чувства заполненного до краёв желудка. Сказал бы мне кто-нибудь в детстве, что я возненавижу шоколад и сладкую газировку…

Какая ирония. Я потратил уйму сил на то, чтобы выбраться из трущоб, а теперь сам возвращался сюда, в поисках места потемнее и погрязнее.

Нужно было что-то делать, пока не стало слишком поздно. Мозги работали на полную катушку, просчитывая все возможные варианты. Если я не выберусь из района, то не пройдёт и двенадцати часов, как стану трупом – вот и все перспективы.

Ах да. Вы наверняка задаёте себе вопрос: почему я не обращусь в полицию?

Отвечаю.

Во-первых, потому, что не хочу загреметь еще на двести пятьдесят лет в тюрьму за массовое убийство, а во-вторых, как бы сюрреалистично это ни звучало, Коромальди с его ребятами и

были полицией района V. После событий, предшествовавших моему списанию со службы и заключению в виртуалку, большие боссы «Нейрокорп» решили больше не тратить деньги на неблагонадёжные полицейские силы. Совет директоров провёл необходимые расчёты и практически единогласно проголосовал за предложение отдать право на поддержание порядка на окраинах в частные руки. То есть, если раньше Коромальди считался властью второй, теневой, то теперь он раздал своим громилам лицензии, удостоверения, оружие и назвался частной полицейской организацией. Приобрёл легальный статус и закреплённое Корпорацией право крышевать мелкий бизнес и отстреливать конкурентов из других семей, не сумевших вовремя прогнуться.

Да, именно отстреливать.

Судебная система? Вы шутите.

С мрачными мыслями я шёл по заваленным мусором кривым и узким улицам. В грязи и лужах отражались огромные аэробусы, на которых богатые и красивые задницы целыми стаями улетали на юг, подальше от безграничной сырости и серости окружающего мира.

Им не было никакого дела до проблем бывшего копа с покорёженной психикой и изуродованным телом, зато мне очень хотелось раздобыть какой-нибудь древний ЗРК, забраться повыше и пустить ракету по тепловому следу их самолёта. Просто чтобы почувствовать себя счастливым, глядя на то, как обломки горящим дождем осыпаются на землю.

У меня был только один выход из положения, поднимавший мою вероятность выжить выше нулевой отметки.

Рутланд. Морган Рутланд. Мой коллега, тоже принимавший участие в бунте полицейских, но сумевший вовремя унести ноги и потому избежавший виртуальной тюрьмы.

Долбаный счастливчик.

У меня был старый канал связи с ним, старый настолько, что я не был уверен, сработает ли он. Информации ко мне просачивалось крайне мало – я почти всё время после освобождения был в запое, но знал, что Рутланд находится в розыске по подозрению в организации нескольких терактов. В Нейро-Сити он считался чем-то вроде коктейля из Осамы Бен Ладена и Троцкого.

Организация, сколоченная им из бывших копов и наёмников, в своё время навела в городе очень много шороху и даже едва не пристрелила кого-то из совета директоров «Нейрокорп». После этого за них взялись очень серьёзно, и Рутланд предпочел залечь на дно, лишь изредка давая о себе знать при помощи новых

взрывов и террористических атак.

Если кто-нибудь в Нейро-Сити и знал способ вытащить меня, то только он один. Однако в этом городе ничего не делалось бесплатно, и цена за услуги подобного рода была очень высока.

Я криво усмехнулся.

Выбор у меня невелик: либо рабство, либо могила, ведь так? Так что нечего и дергаться. Всё, что я сейчас мог сделать, это отсрочить свою смерть, а там будет видно.

Я нашёл уцелевший телефон-автомат и сорвал переднюю панель, обнажая его переплетённое проводами нутро. Немного приподнял ноготь безымянного пальца и вытащил из-под него тонкий шнур с разъёмом-иглой. Нашарил в хитросплетении проводов тот, что был нужен мне, и тут же вонзил в него иголку.

Кто-то из восторженных гиков сравнивает момент подключения к Сети с сексом. Не буду спорить – у каждого свой фетиш. Лично для меня она всегда была обычным инструментом – безо всяких восторгов о едином информационном пространстве, безграничных возможностях, виртуальной вселенной и прочей ереси для подростков.

Я в своё время хорошо изучил Сеть изнутри и видел, насколько она тесна, скучна и грязна, а неограниченные возможности, о которых твердит в своей рекламе «Нейрокорп», – всего лишь чтение чужих, никому не нужных мыслей в Brains, реклама да безграничное море порно. Более чем двухтысячелетний путь технического развития человечество прошло ради того, чтобы знать, что твой приятель ел на завтрак, и иметь возможность смотреть на сиськи в режиме 24/7.

Я не мог этого понять.

Сигнал прошёл, на том конце раздалось едва слышное пощёлкивание – зашифрованный канал всё ещё работал.

- Добрый день! Вы позвонили в офис компании «Ультратек», – защебетал приятный женский голос. - С кем вас соединить?

- Отдел маркетинга, мистер Мантихор.

Голос резко поменялся, пощёлкивание усилилось.

- Надо же, какие люди, – сарказм в голосе Рутланда был таким осязаемым, что на него можно было облокотиться.

- Мне нужна помощь. Срочно, – сказал я, без всяких предварительных ласк переходя к делу. - Только ты можешь мне помочь. Всё серьёзно.

- Кажется, я даже знаю, в чём дело. Это из-за тебя перекрыли въезд в район V?

- Да.

- И ты хочешь, чтобы я тебя оттуда забрал?.. – судя по голосу, Моргану очень хотелось поиграть со мной, но времени на это не

было.

- Да. Прилетай и забери меня отсюда.

- Цена велика. Мы очень крупно подставимся, если вытащим тебя из-под носа у полицейской операции…

- Знаю я твою цену! – прорычал я в трубку. - Моя бессмертная душа - твоя навеки. Согласен, на всё согласен, просто прекрати выпендриваться и забери меня!

- Хорошо, – посерьёзнел Рутланд. - Но мне нужно будет время на подготовку. Заберись куда-нибудь на крышу и забаррикадируйся. Ты будешь рядом с этим телефоном?

Я осмотрелся, оценив высоту окружавших меня угрюмых серых зданий:

- Да, ищи меня поблизости. Не опаздывай.

Рутланд отключился, я вытащил иглу из телефонного провода.

Даже несмотря на то, что я поступил правильно с точки зрения логики и инстинкта самосохранения, страх грыз меня изнутри и подсказывал, что я вынул голову из пасти Сциллы лишь для того, чтобы ринуться в объятия Харибды.

Выбранное мной здание было немного выше остальных.

С крыши огромной двадцатиэтажной «свечки» просматривался почти весь район V – бескрайнее грязно-серое море типовых развалюх, налепленных как попало. Где-то посреди них торчали ржавые стрелы подъёмных кранов, которым уже не суждено было ничего возвести – они были давно заброшены.

Выход на крышу был только один – и это не могло не радовать.

Я сорвал с железных дверей навесной замок и заперся при помощи стальной арматуры, которую просунул в пазы для замка и завязал узлом. Не бог весть какое препятствие конечно, но в моем положении рассчитывать на лучшее не приходилось.

Побродил по крыше, набрал немного хлама, который подтащил к дверям, усилив импровизированную баррикаду, а затем уселся, прислонившись спиной к стене, и принялся ждать спасения. Я не был уверен в том, что у Рутланда есть воздушный транспорт, и, говоря «прилетай и забери меня», попал пальцем в небо. Хотя бы потому, что иного пути в район не существовало.

Пошёл снег – крупный и белый, как куски ваты.

Он щедро осыпал землю, скрывая грязь, оставленную людьми, и придавал окружающему миру вид кристально чистый, нетронутый и невинный. Даже район V выглядел, как белое платье невесты. Я отдыхал душой, глядя на снег, поэтому даже немного расстроился, когда он прекратился. Снова подул холодный сырой ветер, немного разогнавший влажную

пасмурную пелену. Я посмотрел в сторону центра и увидел, как там, где здания окончательно сливаются в единое целое, превращаясь в исполинский муравейник, возвышаются небоскрёбы делового центра и их мать-прародительница – башня «Нейрокорп».

В сравнении с этой исполинской иглой, пронзавшей облака и уходившей куда-то в бесконечность, все остальные здания казались карликами. Небожители из совета директоров находились сейчас выше всех, далеко за облаками, там, где светило солнце. Они не видели и не хотели видеть того, что творится у них под ногами. Занятые своими делами – интригами, подсчётом прибылей, войнами с другими корпорациями и зомбированием населения Нейро-Сити, они как-то походя строили новый мир, наполняя его вещами, которым лучше было бы не существовать вовсе.

Каждый раз при взгляде на небоскрёбы меня обуревало непонятное чувство. Какая-то странная тоска, что ли. Лишь повзрослев, я понял, что это ощущение возникало у меня еще и при взгляде вверх, на редкие звёзды, пробивавшиеся сквозь смог и слепящий неоновый свет. Деловой центр был таким же далёким и недоступным. Меня тянуло туда, как мотылька на свет, но шансы попасть в башню «Нейрокорп» были равны шансам улететь куда-нибудь на Альфу Центавра. Ноль целых, ноль десятых.

Разумеется, совет директоров ежедневно скармливал своим подчиненным дерьмо в духе «Работайте усердно и окажетесь тут». «Шансы есть у каждого», - говорил они.

«Чушь собачья», - отвечал им я.

Холод и ветер пробирали до костей. Я прыгал для того, чтобы согреться, но это плохо помогало – всё тепло уходило наружу через разодранную куртку. Не знаю, как я продержался несколько часов и не околел.

Мое внимание привлёк нарастающий шум, донесшийся снизу – с улицы. К моему зданию двигалась целая колонна машин. Судя по количеству, сюда пожаловали все охотники, нанятые Коромальди. Мчались, обгоняя друг друга, торопились вцепиться мне в глотку. Сверху они казались крошечными и совсем не страшными.

Позади всей этой гонки плёлся длиннющий белый лимузин. Кажется, сюда пожаловал сам большой босс. Приехал, дабы убедиться в моей смерти и самолично втоптать останки в грязный снег.

Рутланд, где же ты, когда так нужен?..

Времени осталось мало. Я присмотрел себе несколько удобных позиций, что позволили бы мне успешно отстреливаться,

но патронов в «Кольте» было всего семь, и всё равно пришлось бы идти врукопашную. Вскоре железные двери задрожали под ударами с той стороны. Головорезы Коромальди пытались таранить её, стреляли, орали друг на друга, но это не помогало. Потом наступил небольшой период затишья. «Ушли за автогеном», - подумал я, борясь с подступающим ужасом и до рези в глазах всматриваясь в небо над городом.

Я угадал. Через полчаса из-за дверей послышалось характерное шипение.

«Рутланд, не будь копушей, поторопись, - мысленно скулил я, - иначе всё, что ты сможешь от меня получить, – немного генетического материала, да кучу металлолома».

Счёт шёл уже на секунды.

Я вытащил «Кольт» из кобуры и заметил, что страх уступил место безразличию и злой решительности. Ну и чёрт с ним, с этим Рутландом. В конце концов, я сам заварил эту кашу и, порвав на куски надоедливого итальяшку вместе с шакалами-прихлебателями, сделал мир немного лучше. Совсем как в старые добрые деньки, когда я был молод, наивен и хотел нести в мир правосудие и справедливость.

Двери скоро распахнутся, баррикада будет сметена, и на крышу полезут те, от кого я клялся защищать так называемых «простых граждан». Мне предстояло напоследок почистить этот мир от грязи, так что… Какого чёрта? Идти в последний бой нужно с воодушевлением и огнём в глазах.

Как я и предсказывал, автоген вскоре вырезал дверную коробку, и она выпала наружу. Я высунул ствол из-за угла и три раза выстрелил в проём. Кто-то закричал, раздалась ответная пальба, которая меня зацепить никак не могла.

- Он забаррикадировался! – визгливо кричал кто-то.

- Сукин сын! – ревел одновременно брутальный бас.

Я не слушал никого из них. В голове вертелась лишь одна мысль: «Минус три патрона».

Время чертовски растянулось. Совсем как в виртуальной тюрьме – когда быстродействие мозга ускоряется в тысячи раз, и час, проведённый в тюремном терминале, оборачивается сотнями лет абсолютного бездействия для сознания. Ужасные мучения.

Мне казалось, что за оставшиеся минуты я могу сделать так много, как никогда раньше, поэтому боялся уже не смерти, а этого призрака вечности. Да, было страшно прожить слишком долго, и я буквально рвался на пули, дабы поскорей всё закончить.

Боевые имплантаты плюс ярость, помноженные на отчаяние. Нехитрое уравнение с заранее известным результатом. Море

крови и горы трупов.

Баррикаду смела своим весом рванувшаяся вперёд толпа народу. Судя по панике в глазах, никто не хотел первым покидать спасительное укрытие и попадать ко мне в лапы, но у бедолаг просто не было выбора – их вынесли наружу, как из вагона метро в час пик. Под моими руками захрустели первые кости, снег оросила первая кровь. Какой-то идиот выпалил поверх голов атакующих, и пули улетели куда-то в сторону центра Нейро-Сити.

Было очень много криков и аппетитного хруста. Я стоял в дверном проёме и вовсю работал руками, как будто плыл баттерфляем в море плоти. Волна атакующих быстро закончилась, и я поймал грудью и лицом первые пули, вылетевшие из темноты. Они опрокинули меня на спину - и стало понятно, что это начало конца.

Я откатился и выстрелил в тех, кто прорывался на крышу, ступая по трупам своих менее удачливых коллег. Мозг автоматически отсчитывал пули в магазине «Кольта».

Четыре.

Пять.

Шесть.

Семь.

Всё.

Четыре пули – четыре трупа. Прицеливание, учитывая то, с какой скоростью я двигался и думал, было плёвым делом. Головы подонков взрывались фонтанами мозгов и крови одна за другой.

Опустевший пистолет я бросил в пятого по счету охотника за моей шкурой – огромного заросшего латиноса с укороченным дробовиком. Тяжёлая пушка, попав в лоб, сломала ему шею, нестриженная голова, полная вшей, запрокинулась назад, коснувшись затылком спины.

Из дверей снова начали палить, прямо в спины тех, кто рвался на крышу.

Мне пришлось откатиться в сторону – еще одно хреновое решение. Я проиграл сражение за вход, потерял удобную позицию, и моё окружение было делом времени. Никакая броня не выдержит такого количества выстрелов в упор. Прощайте, офицер Морт.

Я спрятался за огромной стальной коробкой вентиляции, по которой тут же забарабанили пули. Судя по голосам и не прекращавшейся пальбе, на крышу уже протиснулась пара десятков нападающих, и в будущем их число могло только увеличиться. Не высунешься – слишком плотно прижали огнём. Сейчас они обойдут меня с обеих сторон и расстреляют до состояния дуршлага. Вон, уже кричат «заходи слева».

Так же, как и патроны в пистолете, мой мозг отсчитывал мгновения до гибели. Почему-то показалось ужасно интересным, через сколько секунд это произойдёт.

Один.

Два.

Три.

Четыре…

Непонятный, но знакомый звук заставил меня обернуться назад, к краю крыши.

Сначала я вообще не понял, что происходит, но потом, когда пришёл в себя и отвлёкся от рассматривания проносившейся перед глазами жизни, осознал, что обшарпанный полицейский вертолёт, поднимавшийся над зданием, – настоящий.

Старичок BFC-13, патрульный работяга, на котором я в своё время налетал уйму часов. Все эти модели подчистую списали пять лет назад, когда расформировывали полицию, но, видимо, этому экземпляру повезло попасть в правильные руки. В глаза бросилось, что на пилонах вместо спецсредств для разгона толпы установлены вполне себе взрослые пулемёты и блоки неуправляемых ракет.

Зрелище, что ни говори, эпичное, только «Полета валькирий» в качестве саундтрека не хватало.

Пальба прекратилась на доли секунды, но быстро возобновилась с удвоенным рвением. Теперь нападающие стреляли не по моему укрытию, а старались сбить вертолет. «Хрен вам», - злорадно подумал я, поскольку броня «вертушки» огонь легкого оружия сдерживала играючи. Те из головорезов, что были поумнее, разбегались в стороны и старались укрыться.

Пулемёты на пилонах зашевелились, и я понял, что сейчас произойдёт. Упал мордой в грязь, закрывая голову руками, и тут же услышал грохот крупнокалиберных выстрелов и свист пролетавших надо мной пуль.

BFC-13 как следует прошёлся по крыше длинными очередями и, когда счёл, что его работа окончена, завис, открыв дверь, ведущую в десантное отделение. Я, не заставляя себя ждать, поднялся и, несмотря на боль, одним прыжком заскочил внутрь. Вертолёт сорвался с места, набирая высоту, но я успел напоследок увидеть, что на крыше валяется целая куча кровавых ошмётков, а белый лимузин Коромальди догорает где-то внизу.

5.

Я был спасён. В самый последний момент. Что я чувствовал? Сложно описать. Фигурально выражаясь, мою голову вытащили из гильотины тогда, когда её лезвие уже начало падать. Я в полной

мере ощутил на своей шее прохладный ветерок, предшествующий моему обезглавливанию.

Шок.

Да, я был в шоке. Меня трясло, как в лихорадке. Хотелось кричать – но не от радости, а просто для разрядки. Складывалось полное впечатление, что я был не рад собственному спасению и сам хотел бы остаться там, на крыше, позволив охотникам довести дело до конца.

К тому моменту, как я взял себя в руки и выглянул в узкий иллюминатор вертолёта, мы отдалились от района V километров на двадцать. Я не узнавал улиц, над которыми мы летели, но это было, в принципе, и неважно – муравейник везде муравейник. Намного более интересным было осознание, что меня везут не куда-нибудь на окраину, а в центр города. Дороги становились шире, а движение на них интенсивнее, дома – всё выше и выше. Вдали промелькнуло несколько небольших пятидесятиэтажных кондоминиумов.

В воздухе появились цветастые частные вертолёты, летевшие по чётко очерченным трассам, незаметным для обычного глаза, не использовавшего специальные зрительные имплантаты. Увидеть разметку можно было только через программу дополненной реальности.

Мы летели под самыми облаками, из которых на город высыпались мириады снежинок.

Изнутри старичок патрульный, на котором я летел, выглядел так же, как и снаружи – обшарпанным и затасканным. Салон освещала тусклая красная аварийная лампочка. Огнетушителя нет, аптечки тоже – наверняка утащили ради обезболивающих, содержащих опиаты. Даже обивка с сидений содрана. Вообще, вертолёты этой серии были достаточно комфортабельными – при условии, что не были списаны и не служили в качестве боевой машины террористической организации.

У меня была масса вопросов, которые было бы здорово задать пилоту, но BFC-13 такой возможности не предоставлял – десантный отсек от кабины отделял толстый лист металла. Не нужно быть инженером для того, чтобы понять – это далеко не лучшее конструктивное решение.

Так или иначе, я летел в неизвестность со стойким ощущением, что продал душу дьяволу. Лихорадка после внезапного спасения сменилась гнетущим чувством, будто меня впереди не ждёт ничего хорошего, и, если как следует вспомнить историю моей жизни, можно было сделать вывод, что так оно и есть. Не то, чтобы я был таким уж выдающимся неудачником, просто взлётов в моей жизни было намного меньше, чем падений,

да и те оказывались какими-то невысокими и неубедительными. Например, сегодня. Я избежал гибели от рук гангстеров. Это плюс. Мне придётся работать на террориста, который рано или поздно пошлёт меня на заведомо смертельное задание ради каких-то своих идей. Это минус.

Я всегда прекрасно умел влипать в истории.

Единственное, чего бы мне сейчас хотелось, это остаться в живых, обрести покой и шанс начать жить заново. Не тяготиться прошлым, не бегать от гангстеров по всему городу и не ввязываться в чужие войны. Несложная работёнка, пусть и с маленькой зарплатой, съёмный угол и немного виски. Я был бы счастлив.

Вертолёт неожиданно спикировал, заставив мой желудок на мгновение зависнуть в невесомости, а потом плюхнуться всем весом вниз. Я вылетел из кресла и со всего маху протаранил головой какую-то железяку. В глазах потемнело, я едва не потерял сознание. Машину болтало так, будто она уходила из-под обстрела. Влево, вправо, крутое пике – резкий набор высоты.

- Ах! Ты ж! Дерь! Мо! – выкрикивал я, летая по всему вертолёту и стукаясь о стены, пол и потолок.

Наконец, вертолёт заложил особенно крутой вираж и стал заваливаться на левый борт. Я, как мешок картошки, рухнул в сторону, ставшую теперь низом, и с удивлением обнаружил, что вместо люка в корпусе вертолёта зияет оплавленная дымящаяся дыра. В неё я и выпал, наблюдая за происходящим, будто в замедленной съемке, даже не сообразив, что покидать вертолёт подобным образом может быть опасно для жизни.

Последнее, что я запомнил перед тем, как отключиться – переплетение труб, антенн и проводов, присыпанных снегом. Я рухнул прямо на них, и на короткое мгновение пришёл в себя от вспышки невыносимой боли, прежде чем снова погрузиться во тьму.

Не знаю, сколько времени я провёл в беспамятстве, но пробуждение было не из приятных. Кто-то меня жёстко перезагрузил – это было понятно по тому, что дополненная реальность включилась на полную катушку, а расширения, блокировавшие рекламу, куда-то пропали. Перед моими глазами маячила и переливалась всеми цветами радуги целая куча виджетов, которые я в своё время долго убирал, чтобы не мешали. Полный сброс до заводских настроек. Возможно, я смогу откатить изменения и найти файлы с настройками, но это будет позже.

Пробраться сквозь весь этот визуальный мусор и понять, где я оказался, было не так уж просто. Тело не слушалось.

- Как ты, приятель? – мужской голос раздался где-то справа

от меня. - Ты можешь говорить.

- Я… Нормально… - в горле пересохло. Голос звучал так, будто я восьмидесятилетний курильщик.

- Сейчас вернём тебе болевые ощущения. Постепенно не получится, у меня не хватит мощности, так что напрягись и постарайся потерпеть.

Ах ты ж чёрт побери! Если б я мог двигаться, то тело скрутило бы винтом. Я заорал как резаный от пронзившей тело боли.

- Оу-оу! – всё прекратилось так же быстро, как и началось. Боль снова отступила, видать, мой добрый доктор её отключил.

- Так, а теперь давай по пунктам. Где бо-бо? У тебя виджеты включены? Расскажи, что у тебя за повреждения, а то очень не хочется тебя вскрывать.

- Вскрыть и не получится… - проворчал я и принялся считывать данные из окна со схематичным изображением моей бренной тушки. К слову, после обновления данных она была окрашена красным в намного большем количестве мест, чем мне хотелось бы. - Зачитаю полный отчет.

- Валяй.

- Дыхание и сердечно-сосудистая система в норме. Вмятина во лбу и в районе левого уха, небольшое повреждение мозга… Сейчас… Ничего серьёзного, он почти не задет. Сломана левая ключица, три ребра с левой стороны, одно из них почти пробило легкое. Перелом левого предплечья в двух местах, правого – в одном. Также сломан указательный палец на левой руке. Много гематом. Ушибы, кровоизлияния, огнестрельные ранения и деформация субдермальной брони. Кровотечение остановлено. Метаболизм ускоренный. Регенерация ускоренная. Двигательные функции отключены.

- Подробнее о регенерации, – приказным тоном велел невидимый пока собеседник.

- Сломанные кости и повреждённые внутренние органы восстановлены на пятьдесят три целых и три десятых процента, – повиновался я. Деваться некуда, надо рассказывать.

- Ушибы, кровоизлияния, огнестрельные ранения и деформация субдермальной брони восстанавливаются с более низким приоритетом – десять процентов.

- Что с энергией?

- Восполняется за счёт ускоренного метаболизма и вводимой прямо сейчас внутривенно глюко…

- Ясно, – прервал меня доктор. - Восприятие?

- Слух и зрение функционируют нормально. Тактильные ощущения отключены. Болевые рецепторы отключены.

- Это хорошо… - протянул доктор. Ну, по крайней мере, я думал, что это доктор.

- Где я? – нужно было перехватить инициативу и узнать хоть что-нибудь.

- В моей клинике.

«Ага, значит, все-таки врач», - радостно подумал я.

- У меня небольшой частный кабинет. Я имплантолог. Доктор Клайн. Мне повезло, что я тебя нашёл. Файлы калибровки целы?

- Да, док.

- Я открою тебе доступ к изменению настроек. Откалибруй заново конечности и не шали.

Ну, наконец-то.

Нужные файлы пришлось как следует поискать. Это заняло какое-то время, но в результате я всё же сумел избавиться от кучи спама, мешающей мне нормально видеть. Огляделся, насколько позволяла крепко зафиксированная голова, и увидел, что нахожусь в стерильно-белой комнате, заполненной всякими неизвестными мне штуками явно медицинского назначения. У меня в ногах на специальном столике лежал набор хирургических инструментов, небольшой моток проводов и «умный» лазерный паяльник, предназначенный для установки и ремонта имплантатов.

- Готово?

- Ага, – буркнул я в ответ.

- Тэк-с… Тогда мы сейчас будем тебя чинить, – доктор оказался одетым в белый халат моложавым мужчиной с аккуратно подстриженной рыжей бородкой и короткими волосами. В глаза бросались кисти рук – они были полностью искусственными. Новые имплантаты – точные, изящные, оформленные под настоящую кожу. Я бы и не заметил, что руки не родные, если б не суставы и небольшие эмблемы «Нейрокорп» на костяшках.

- Сейчас я подам наркоз, и мы тебя прооперируем. Я полагаю, те кости, что сильно повреждены, можно выкинуть, они восстановлению все равно не подлежат…

- Делайте, как знаете, док, - я с благодарностью посмотрел на него. - И спасибо вам.

- Спасибо? – нехорошо усмехнулся врач, вставляя в катетер иглу. - Тебе спасибо. Ты обеспечишь мне безбедное существование на пару месяцев, а то и больше.

- Простите?.. – насторожился я. - Наверное, вы меня приняли за кого-нибудь другого. У меня нет денег.

Врач рассмеялся.

- Деньги будут, дружище. У меня. Полицейские имплантаты

на чёрном рынке стоят о-очень дорого. Иначе зачем мне было тебя сюда тащить? – он переложил на столик с инструментами миниатюрную «болгарку» и посмотрел мне в глаза. Чёртов ублюдок не шутил. Он восстановит мое тело, а потом либо продаст единым куском, либо распилит на запчасти, предварительно вытащив из мозга файлы с настройками, которые я для него любезно восстановил.

Я оцепенел от ужаса и покрылся ледяным потом. Не такой смерти я ждал, ох, не такой. Впрочем, как обычно. Небольшой взлёт – и ещё большее падение. Совершенно ничего нового.

- Ах ты мерзкий ур… - заговорил я, намереваясь хотя бы высказать подонку то, что думал, но даже этого сделать не удалось.

- Спокойной ночи, – криво усмехнулся доктор Клайн, и у меня перед глазами всё поплыло. Очередная отключка, на этот раз последняя. Прощайте, офицер Морт. Чёртов неудачник…

***

Голоса звучали глухо, как будто меня накрыли подушкой. Я и не сразу понял, что просыпаюсь после наркоза. Прийти в себя было непростой задачей.

- Ты всё доделал? – холодный голос был мне знаком, вот только командные нотки я слышал в нём впервые.

Это сон, точно. Просто наркотический сон.

- Да… - голос доктора, только в этот раз не такой самоуверенный, а испуганный, дрожащий и жалкий. Похожий на блеянье овцы.

- Отойди в сторону. Глазастик, начинай откачивать наркоз. Балу, присматривай за доктором.

- Да, босс, – ответил Рутланду густой насыщенный бас, который просто обязан был принадлежать перекачанному здоровяку.

Нет, Эйдер. Не тешь себя надеждами. Вертолёт сбит почти над центром города. Рутланд не псих, он не станет рисковать своими людьми ради того, чтобы спасти такого неудачника, как ты. И уж тем более не придёт лично. Подсознание сыграло с вами злую шутку, офицер...

Засыпай…

Засыпай и ни о чем не думай. Скоро всё закончится.

Я старался поглубже нырнуть в спасительное забытье и отогнать глупую галлюцинацию, однако почему-то не засыпалось. Даже наоборот, в голове прояснилось, я почувствовал прилив сил и всё лучше осознавал происходящее. Появились первые чётко сформулированные мысли.

- Он пришел в себя, – ещё один голос. Высокий, с хрипотцой.

Наверное, это тот самый Глазастик.

Я с трудом разлепил веки.

Первое, что бросилось в глаза, – вид кабинета. Стол с инструментами опрокинут, стекло на шкафу разбито, на полу мусор и пятна крови. Я огляде… Я огляделся! Я мог двигаться!

- Тише, приятель. Всё хорошо, – сказал мне парень, стоящий за терминалом управления. Судя по голосу, это Глазастик. Высокий, тощий, в камуфлированных штанах и гавайской рубашке. С искусственными глазами, из-за которых создавалось впечатление, будто он надел сварочные очки. В длинных коричневых дредах хорошо заметен какой-то сор.

Доктор Клайн стоял рядом с ним и имел весьма бледный вид. У него на лице красовался внушительный синяк, игравший в ярком свете ламп десятками оттенков – от чёрного до нежно-голубого.

В мягком кресле за рабочим столом доктора, заваленном гаджетами и запчастями для имплантатов, вальяжно развалился Рутланд. Да, он полностью поменял себе лицо, и глаза смотрели по новому - угрюмо и настороженно. От былого Моргана не осталось и следа. Теперь он был похож на итальянского мафиози времён сухого закона. Точёные черты лица, карие глаза, зачёсанные назад тёмные волосы… И громила позади кресла. Видимо, тот самый Балу. Как я и предполагал – здоровенный амбал с металлическими руками, которые тот даже не потрудился скрыть под искусственной кожей или хотя бы плохоньким пластиком.

- Привет, Эйдер, – ухмыльнулся Рутланд и встал с кресла. - Ну и доставил же ты мне хлопот… Одевайся, мы уходим.

Мой взгляд, направленный на побледневшего доктора Клайна, был красноречивее любых слов. Морган заметил это и, усмехнувшись, добавил:

- Можешь попрощаться со своим лечащим врачом.

6.

Мою одежду найти нигде не удалось, поэтому пришлось воспользоваться шкафом доброго доктора Клайна. Судя по найденному там дорогому пальто и чёрному костюму, док не был стеснен в финансах. Рутланд и Глазастик обыскали клинику и распихали по карманам особо ценные предметы и препараты.

- Гляди, это «Ящер», – Глазастик показывал Моргану упаковку ампул, содержащих сыворотку, применяемую для усиления регенерации и профилактики отторжения имплантатов. К сожалению, всё еще бывали случаи, когда организм не хотел срастаться с железом.

Покинув клинику Клайна, мы вышли на оживлённую улицу. Чутьё, выработанное годами жизни в мегаполисе, подсказывало, что мы находимся где-то высоко, скорее всего, в районе сорокового - сорок пятого этажа одного из крупных кондоминиумов-ульев.

Огромная голограмма, висевшая в воздухе во дворе-колодце, глубоком и тёмном, как шахта в ад, гласила, что я нахожусь в микрорайоне «Вольфрамовое древо». Никогда не слышал о таком. Впрочем, и не нужно было – я примерно представлял себе его планировку, поскольку частенько бывал в подобных ульях еще во время службы в полиции.

Несколько хитро переплетённых пятидесятиэтажных зданий, образующих круг. На крыше – посадочные площадки для вертолётов и шпили разномастных антенн. Внутри – двор, в котором, собственно, я и увидел голограмму. Несколько уровней (насколько я помню, десять или двенадцать), объединённых автомобильными развязками, лифтами, пешеходными мостами, трубами, кабелями и техническими ходами. Обычный микрорайон, типа приснопамятного «Города счастья», только выстроенный вертикально вверх. Огромный и чудовищно сложный механизм, разобраться в котором до конца не смог бы даже тот, кто его создал.

Можно было прожить всю жизнь, не покидая «Древо», и я был уверен, что некоторые так и поступали.

Рождались в госпитале на пятом уровне, шли в одну из школ уровне на втором-третьем, устраивались в небольшую компанию, типа клиники Клайна или микромаркета, покупали небольшую квартиру-ячейку на двадцать квадратов, ходили развлекаться в клубы, бары и торговые центры по соседству, женились, рождали детей и умирали. Счастливые люди, не обременённые амбициями и целями.

Было заметно, что «Древо» знавало лучшие времена. Я шёл позади Рутланда, замотав шарфом нижнюю половину лица для того, чтобы не засветиться на понатыканных тут и там камерах видеонаблюдения, и осторожно оглядывался по сторонам. Грязь, граффити, изношенные и поломанные коммуникации, разбитые лампы, из-за которых в «Древе» царила полутьма, мусорные кучи, группки молодых людей неприятного вида – всё это было признаком того, что район уже вовсе не такой престижный, как раньше.

Я усмехнулся, увидев рекламный щит, разрисованный каким-то художником-самоучкой. На нём была изображена полуобнажённая голубоглазая блондинка с выдающимися формами. У неё на голове в районе виска был прикреплён

мозговой бустер новой модели, к которому она прикасалась указательным пальцем.

«Прямой доступ в Сеть! Игры и дополненная реальность! Голосовая, текстовая и зрительная связь! Более миллиона бесплатных приложений! Встроенное приложение для Brains! Еще больше памяти! Скорость мыслительных процессов ещё выше!»

Ух ты! Должно быть круто. Я уже почти захотел купить эту игрушку. А яичницу она по утрам готовит?..

«Ещё изящнее. Ещё мощнее», - гласила надпись рядом с бустером, а внизу постера некрупно, но отчётливо был выведен основной слоган компании.

«Нейрокорп. Будь лучше».

Местный Да Винчи намалевал на бустере свастику, а слоган перечеркнул, написав поверх «Нахрен Нейрокорп».

Молодец, парень. Полностью с тобой согласен.

Одна из мелких банд, кучковавшихся в темноте под разбитым фонарём, хотела было нас остановить, но им хватило одного взгляда на Балу для того, чтобы принять верное решение и убраться с дороги.

Мы шли достаточно долго, вдыхая спёртый воздух, вонявший тухлятиной, потом и выхлопами, спотыкаясь о разбросанные бутылки и любуясь граффити. Я уже пришёл в себя и начал задумываться о том, чтобы сделать ноги. Рутланд, конечно, молодец, что спас меня, и я был ему за это благодарен, но не настолько, чтобы идти на смерть ради каких-то непонятных игр с Нейрокорп. Впрочем, думать о побеге можно было сколько угодно: позади меня шёл Балу, сбоку – Глазастик, впереди – Рутланд. Они зорко следили за мной и порвали бы на ленты за любое мало-мальски подозрительное движение.

- Сюда! – Морган свернул в какой-то неприметный переулок, увлекая меня за собой.

В темноте скрипнула дверь, пахнуло сыростью.

- Включайте «ночники». Эйдер, ты тоже не тормози.

Как оказалось, мы ушли с улиц для того, чтобы лишний раз не привлекать к себе внимания. Нам предстояло пройти техническими ходами, в которых, судя по состоянию, нога человека не ступала со времен постройки.

Мы миновали вереницу длинных коридоров, комнат, заполненных проржавевшими сырыми трубами, мрачных залов с насосами, цепями, крюками, котлами и ещё чёрт знает чем, и в итоге подошли к шахте технического лифта. Тут не было ни дверей, ни ограждений. Сразу за небольшим порогом начиналась сорокаэтажная бездна. Рутланд нажал на обе кнопки, и внизу что-то едва слышно загудело. Тросы поползли вверх.

Потянулось долгое и томительное ожидание.

- Куда нам? – спросил я.

Балу неопределённо хмыкнул, а Глазастик не удержался от сарказма:

- Разумеется, вверх, сэр. Там вас ждет вертолёт, а на месте прибытия уже стоит роллс-ройс с вашим дворецким за рулём.

- Тише! – шикнул на него Рутланд.

- Простите, босс, – потупил взор Глазастик, - не удержался…

Кабина лифта добралась до нас минут через двадцать. Дребезжала она неимоверно. От лифта, если честно, было одно название – платформа из гофрированного металла, со стенами и дверьми, наскоро сваренными с помощью нескольких труб и сетки-рабицы.

Вниз.

Внутри лифта дребезжание, разумеется, только усилилось. Было страшновато осознавать, что до нас этим динозавром пользовались лет эдак шестьдесят назад.

- Боже, эта хреновина может ехать *ещё* медленнее? – вздохнул Глазастик, и в этот момент я был с ним согласен.

- Рут… - попытался я обратиться к Моргану, но он оборвал меня:

- Не сейчас. Я скажу, когда ты сможешь задать все вопросы.

Как скажете, господин генерал, сэр. Я пожал плечами и принялся разглядывать уровни, мимо которых мы проезжали. Ничего особенного, везде одно и то же. Кромешная темнота, строительный мусор, трубы и кабели, переплетённые в самых затейливых сочетаниях… Работать тут электриком или сантехником? Нет, спасибо, лучше расстрел.

Тем временем двадцать минут истекли, а лифт и не думал останавливаться. Мы проехали нулевой уровень, который, по идее, должен был стать последним, но продолжали двигаться куда-то вниз. В непроглядную тьму, скрывавшую моё будущее.

В конце концов, лифт заскрипел пуще прежнего, затрясся крупной дрожью и опустился… на крышу.

Сначала я не понял, где именно очутился, – думал, это какой-то очередной подземный технический этаж, заваленный разным металлическим хламом и строительным мусором, но, как следует оглядевшись, заметил несколько антенн и отключенные вентиляционные установки. Как раз за такими я прятался от головорезов Коромальди, жаждавших прострелить мне голову.

Я отключил «ночник», заметив вдалеке какую-то яркую полоску.

Ей оказался тонкий луч дневного света, пробивавшийся откуда-то сверху и освещавший крышу другого здания, немного

ниже нашего. Десятиэтажный блок апартаментов с выбитыми стеклами. Подойдя к краю под пристальным взглядом Рутланда и команды, я взглянул вниз и понял, наконец, в чем тут дело.

«Вольфрамовое древо» было построено прямо поверх целого района старого города.

Здания и вся сопутствующая инфраструктура были почти целы. Почти – потому, что «Древо» стояло на исполинских железобетонных сваях, врытых то тут, то там, как казалось на первый взгляд, в совершенно хаотичной последовательности.

Вон, одна свая пронзила десятиэтажное здание, почти полностью его разрушив. Другая установлена чуть дальше, прямо посреди дороги. Железобетонная дура настолько широкая, что полностью перекрывает шестиполосную автостраду и даже немного вылезает на тротуар.

Грандиозное зрелище. Колоссальное в своих масштабах подземелье.

- Если ты закончил любоваться видами, может, пойдем? – спросил Рутланд.

- Да… Конечно, – опомнился я и последовал за своими спасителями-конвоирами.

- Когда строили первые кондоминиумы, пришли к выводу, что сносить старые районы слишком долго и дорого, – говорил Глазастик, спускаясь с нами по тёмной пожарной лестнице. - Расчёты показали, что вбить пару десятков свай, установить на них фундамент и уже на этой основе строить ульи проще и дешевле. Так что под всем центром Нейро-Сити есть такой вот «подвал». А под ним ещё и старые коммуникации. Канализация, напри…

- Заткнись! – резко оборвал его Рутланд. Его шаги и голос разносились гулким эхом по пустому подъезду. - Поговорите, когда доберёмся до места.

Спуск окончился. Мы вышли на улицу. Рутланд осмотрелся и указал рукой куда-то влево:

- Нам туда.

Шаги гулко отдавались эхом на пустынных улицах, обречённых стать огромным музеем. Заповедником старого мира, похороненным под тысячами тонн бетона, стекла и стали.

Даже воздух здесь застыл. Холодный и сырой, но в то же время затхлый.

Я задирал голову вверх, смотрел на крыши брошенных домов, некоторые из которых были разрушены, и не видел почти ничего, кроме тёмно-серого бетонного неба, державшегося на сваях. Дневной свет был здесь очень редким гостем – один жалкий лучик, пробивающийся из-за решётки ливневых стоков, на целый

квартал. Сточные воды, насколько я понял, сливались сюда же – трубы из кондоминиума не уходили в землю, а обрывались примерно на уровне крыш здешних домов, извергая потоки мутной вонючей жижи.

Наша компания брела по улицам, ведомая Рутландом, который каким-то неведомым образом ориентировался в этом хаосе. Мы перебирались через завалы, образованные рухнувшими зданиями, обходили моря сточных вод, и в конце концов добрались до вестибюля метро. Неужели ещё глубже?

- Особого приглашения ждешь? – угрюмо посмотрел на меня Рутланд, и я последовал за ним. Мой взгляд выхватывал из темноты детали окружающей обстановки, окрашенные прибором ночного видения во все оттенки зелёного цвета. Турникеты, короткий эскалатор, покрытый ржавчиной, потёки сырости на стенах, обвалившаяся штукатурка, покрытая плесенью реклама. В лицо пахнуло затхлым туннельным сквозняком.

Как я и ожидал, мы прошли до конца платформы и спрыгнули на пути.

Туннель встретил нас негостеприимно – сырой воздух, повсюду лужи, на стенах обрывки кабелей. Время от времени мы проходили мимо технических ходов, зиявших чернотой даже на фоне той непроглядной тьмы, что царила повсюду в этом подземелье, и где-то на задворках сознания просыпался давний страх. Казалось, что оттуда выпрыгнет нечто жуткое, первобытное, давно ждущее добычи, и утащит к себе в логово. Реликтовый монстр, приспособивший брошенные человеком туннели под своё логово.

Однако бояться стоило не каких-то неведомых чудищ, а вполне реальных людей, шедших рядом со мной. Эта мысль была отголоском одного из первых уроков, что преподала мне жизнь: окружающие могут оказаться намного страшнее монстров под кроватью. У самого опасного существа в твоей жизни будет не длинная шерсть и острые зубы, а строгий костюм и подтверждённое законом право втоптать тебя в грязь, не оставив и мокрого пятна.

Время тянулось, как старая безвкусная жвачка. Шаги, рикошетившие эхом от потолка и стен туннеля, сводили с ума своим однообразием. Мы прошли три станции – брошенные, безликие, строго-функциональные, зловещие. Везде одно и то же. Сырость, вездесущая плесень, запустение, сквозняк, всегда дующий в лицо.

Я уже начал уставать от подобного перехода, но туннель внезапно закончился, уступив место длинному мосту.

- О! – обрадовался Глазастик. - А я знаю, где мы! Ничего себе,

какое у вас чутье, босс.

- Подхалим, – буркнул Рутланд в ответ, но было заметно, что похвала подчинённого ему приятна.

Где-то далеко-далеко справа от меня пробежала вереница крошечных огоньков, оглашая окрестности металлическим лязгом и гулом электродвигателя. Поезд с действующей линии. Догадаться было нетрудно – мы шли по заброшенной эстакаде. Метро здесь выходило на поверхность и притворялось монорельсом. Взглянув вниз, я заметил глубоко под нами какие-то руины. Ещё один похороненный живьём квартал, намного старше того, который мы прошли.

Только сейчас мне стал понятен истинный масштаб колоссальной пустоты, погребённой под новым городом. Я попытался представить, сколько под центром Нейро-сити таких вот «культурных слоёв», и мне стало страшно. Небоскрёбы были в буквальном смысле построены на костях и руинах, простирались из ниоткуда в никуда. Казалось, что земли под нами просто не существует – лишь бесконечно длинная череда этажей, спускающаяся в самый ад.

К слову о спуске – мы как раз дошли до станции. Первым на платформу вскарабкался Балу, он и помогал остальным. С меня никто не спускал глаз. Сперва втащили Рутланда, потом меня, затем Глазастика. Я усмехнулся: ситуация как в той старой головоломке про лодочника, что должен был перевезти на другой берег волка, козу и капусту. Мне не верили, и это было правильно. Я сбежал бы при первом же удобном случае.

Вниз по эскалатору – и мы снова на улицах. Тут было теплее, чем под «Древом» и в туннелях метро, хотя, возможно, мне просто так показалось из-за того, что пропал сквозняк.

Впереди было светло – ПНВ показывал окружающее в жизнерадостных светло-зелёных тонах. Отключив его, я увидел, что над домами, к которым вёл нашу компанию Рутланд, поднимается багровое зарево, освещающее бетонные небеса этого района.

- Значит, так, – Рутланд остановился и повернулся ко мне. - Через рынок будем идти быстро, нигде не задерживаясь. Ни на что не отвлекайся, ни с кем не говори, не пытайся отстать. Я спасал твою шкуру не для того, чтобы потерять в толпе или влипнуть в историю. Попробуешь убежать – богом клянусь, прострелю тебе башку безо всяких сомнений. Никто на это и внимания не обратит. – Рут ткнул меня пальцем в грудь, отчего я едва не пошатнулся: силы в Моргане было немерено.

- Слушаюсь, босс, – я приложил к виску два пальца и ухмыльнулся как можно оскорбительнее.

Рутланд лишь кивнул и повёл нас вперед.

Зарево, увиденное мной, оказалось светом от целых гроздьев красных бумажных фонариков. Они были развешаны по веревкам, протянутым от столба к столбу над широкой автострадой, превращённой в огромный базар.

Мы вышли из темноты и с ходу нырнули в плотный людской поток.

Наверное, здесь можно было найти всё. Я перестал удивляться после того, как заметил восьмидесятимиллиметровый миномёт с ценой, намалёванной на куске картона. На сколоченных из досок и обломков пластика лотках лежали нелегальные имплантаты, оружие, все виды наркоты, которые только существовали на свете. Те товары, что подороже – только образцы, зачастую вообще голограммы, те, что подешевле – в огромном количестве, хоть оптом.

Все возможные виды валют, разумеется, поддельные, ворованные чипы-кредитки, хакерские программы, андроиды целиком и по частям, секс-куклы и живые шлюхи всех полов и возрастов, зомби (люди, которых взломали, удалили воспоминания и урезали мыслительные способности до самого минимума), человеческие органы…

Вообще было бы интересно побродить по этому рынку без эскорта, просто с целью поглазеть или прикупить что-нибудь, но, сдаётся мне, в одиночку сюда лучше было не соваться. Морды окружающих были недружелюбны, а те, что всё-таки улыбались, делали это неискренне, словно говоря: «Я кину тебя, приятель. Даже не сомневайся».

Здесь пахло людским потом, мусором, сыростью и какими-то острыми специями. От небольших закусочных, расположенных на первых этажах заброшенных зданий, исходил аромат экзотических блюд, приготовленных, наверняка, из того, что я не стал бы есть ни при каких условиях.

Тут даже кто-то постоянно жил. Продавцы и их хозяева, работницы закусочных и борделей, бродяги, стремившиеся украсть хоть какую-нибудь еду с лотков, и андроиды-слуги, выброшенные хозяевами.

Последние представляли собой особенно жалкое зрелище.

Они бесцельно бродили тут и там, как сошедшие с ума люди, и предлагали одинаковыми синтетическими голосами свои услуги. Один из этих несчастных разложил на металлическом листе разномастные объедки и приставал к прохожим с фразой: «Время ланча, сэр». На моих глазах какой-то полоумный бородатый бродяга размозжил ему голову стальной трубой. Мне не было жаль – страдания слетевшего с катушек робота были

окончены, и этому можно лишь порадоваться.

«Нейрокорп» выпускала новую модель прислуги каждый год, и люди, зомбированные рекламой (Полезные функции! Инновационный дизайн! Покупай или тебе нечем будет доказать свой высокий статус!) просто не могли не приобрести новую игрушку. Старую, как правило, выгоняли из дома, чтобы не занимала места. Сдать на запчасти не было возможности, точно так же, как и продать самому – за попытку нелицензированной торговли электроникой выписывался огромный штраф.

Народу здесь было множество – сотни, если не тысячи. Целая толпа, причём разнородная: белые, чёрные, азиаты, индусы, киборги и андроиды. Общим у них всех был только деловой вид. Кто-то искал товар, кто-то пытался его продать, кто-то искал клиента на ночь, кто-то выслеживал жертву, знавшую, что охота начата, а потому постоянно озиравшуюся по сторонам.

Забавно.

«Нейрокорп», такая крутая у себя наверху, с новыми полицейскими роботами, вертолётами и рекламной машиной, превращавшей человека в безмозглый кусок потребляющего мяса, не имела здесь никакой власти. А может быть, что более вероятно, просто не хотела тратить время и ресурсы на непопулярные мероприятия, предпочтя четко очертить границы. Зефирный мирок обитателей небоскрёбов и элитных кондоминиумов неприкосновенен, точно так же, как и здешняя клоака. Зато любые попытки привнести в один мир что-либо из другого всегда пресекаются с равнодушной жестокостью полицейского андроида-убийцы.

Если всё пойдет так и дальше, то со временем здешние обитатели эволюционируют в морлоков.

Кажется, наш путь подходил к концу. Мы оставили позади шум и многолюдье рынка, снова окунулись во тьму и топали по заброшенным улицам. Я снова включил ПНВ и увидел, наконец, куда меня ведет Рутланд. Мы подходили к старому полицейскому участку. Ну конечно. Где же ещё бывшие копы будут чувствовать себя комфортно?

Обыкновенное типовое строение – схема была одобрена в незапамятные времена, во всём городе полиция ютилась вот в таких зданиях – трехэтажных, крепко сбитых, с узкими окнами и цокольным этажом, полностью занятым под гараж.

На крыше закреплены огромные обшарпанные белые буквы «NCPD», а чуть ниже - щит с шестиконечной звездой и надписью «Служить и Защищать».

Двустворчатые двери распахнулись изнутри, открывая путь в тёмный, как сама ночь, участок.

К моей тёмной, как сама ночь, судьбе.

7.

Я не успел переступить порог участка, как на голову мне опустился чёрный мешок, а в живот грубо ткнули стволом крупного калибра.

- Без глупостей. Руки в гору!

Я повиновался, и на моих запястьях с хорошо знакомым «вжж» и «пик» в конце затянулись наручники. Забавно. Не так давно я надевал их на других людей, но с тех пор, как всё пошло наперекосяк, сам ношу с завидным постоянством.

- Топай, – невидимка ткнул стволом в спину. - И, повторяю, без глупостей. У меня в руках не архаика, а «Осада».

Ого!

Неплохо.

Полицейский вертолёт, участок, наручники, а теперь ещё и дробовик, очень метко прозванный «метлой для коридоров». Адская машинка, которую использовал SWAT. Признаться, вертолёту я был удивлён меньше – настолько нереально было достать новое оружие.

- Давай его ко мне в кабинет, – послышался из-за спины голос Рутланда, и меня повели.

Морган занял кабинет начальника - до смешного предсказуемо. Я понял, куда меня ведут, даже не видя дороги – планировка участка, напомню, была стандартной, и моё тело знало, где надо было повернуть, где поберечь колени от стоявших возле стен металлических скамеек, где переступить через порог.

Меня грубо опустили на стул, и я едва удержался на нём, пошатнувшись.

- Выйдите, – с меня сняли мешок, и я увидел, как Рутланд садится в кресло напротив меня. Он включил настольную лампу, и тени метнулись по углам – резкие, чёрные, изломанные.

С первого взгляда становилось понятно, что в этот кабинет Морган стащил едва ли не всю мебель, оставшуюся после того, как полиция покинула здание. На потемневшем от времени белом виниле стен были хорошо заметны прямоугольники, оставшиеся от висевших тут раньше фотографий и дипломов, окна заколочены листами фанеры и заткнуты тряпками для того, чтобы не пропускать свет наружу. Кругом пыль, грязь и запустение.

- Поговорим, – за моими сопровождающими захлопнулась дверь, Рутланд откинулся на спинку ободранного офисного кресла, я последовал его примеру.

- Что я сказал перед тем, как меня взяли? Самая последняя

фраза.

Рут едва заметно улыбнулся:

- Вообще-то это я хотел задавать вопросы.

- Если хочешь получить ответы, докажи, что ты – это ты.

- Можно подумать, с новым лицом ты меня не узнал… - Рутланд ухмыльнулся. - «Нужно рассыпаться, встречаемся в доках, терминал пять, пароль от ворот два-пять-ноль-один». Доволен?

- Вполне, – кивнул я в ответ. - Можешь проверить меня.

Морган придвинулся к столу и подался вперёд.

- В этом нет необходимости. Пока док латал твою тушку, я излазил мозги вдоль и поперёк и могу сказать с уверенностью, что ты – тот самый Эйдер Морт, из-за которого мы все в этой заднице и оказались…

- Слишком громко сказано, Рут. Слишком громко, – покачал я головой.

- Да неужели? – террорист номер один притворно удивился. - Ну да ладно. Это и неважно, я тебя ни в чём не виню. В конце концов, ты открыл мне глаза. Ну, на происходящее вокруг, – Рут кивнул куда-то вверх. - И особенно на Нейрокорп.

- Не благодари, – смиренно ответил я.

- И не собирался, – в голосе Рутланда зазвенел металл. - Давай сразу к делу, без всяких предварительных ласк. Я тебя спас, – Морган подчеркнул голосом последнее слово. - Даже два раза, если ты помнишь.

Я помнил.

- Ради тебя я угробил вертолёт и, когда узнал, что его сбили, лично попёрся на поиски, рискуя нарваться на ново-копов. Они, к слову, сами тебя искали, и если бы не я и доктор Клайн, подобравший тебя и спрятавший в клинике… Ты слышал про Распоряжение Экхарта?

Я отрицательно покачал головой.

- Да ладно, ты что, в бункере живёшь? Дальше дна бутылки не видишь? – не дождавшись ответа, Морган продолжил: - «К подозреваемым в совершении преступлений, либо лицам, укрывающим сведения о преступлениях, допускаются меры дополнительного физического воздействия», – процитировал Рутланд с каким-то непонятным мне удовольствием. - Об этом трубили все СМИ, как о величайшем достижении демократии и торжестве принципов гуманизма.

- Пытки? – спросил я.

- Именно, – кивнул Морган всё с той же, почти невидимой улыбкой.

- Вау. Спасибо, – слишком уж много сарказма вложил я в эти

слова, намного больше, чем хотел изначально. - Слушай, Морган, я прекрасно понимаю, что ты меня вытащил. Даже два раза. Но, умоляю, не надо устраивать из этого шоу. Ты не красивая девушка, не надо набиваться на комплименты. Ты ведь, вроде как, спас меня не бескорыстно, а потому, что я тебе очень нужен. В противном случае ты бы даже не дёрнулся. Хочешь, чтобы я осознал всю степень ответственности перед тобой? Так я осознаю. Я же сказал: «Моя бессмертная душа – твоя навеки». К чему это представление, если я и так согласен с тобой сотрудничать? – да, тут я лукавил, но исключительно для пользы дела.

- Очень рад твоему «согласию», - язвительно сказал Рутланд. - Но, боюсь, этого мало. Что бы ни говорили в Сети, мы не банда наёмников. Они, конечно, есть, в моём деле без их услуг никуда, но костяк организации составляют именно идейные борцы. И ты должен будешь стать таким же, как и остальные, или… - он сделал красноречивую паузу. - …Ты меня понял. К тому же, - голос Рута стал презрительным, - у меня здесь не центр реабилитации алкоголиков и бывших заключённых. Поэтому для начала тебе придётся доказать, что у тебя ещё остался порох в пороховницах и тюрьма тебя не сломала.

Как же мне надоели эти его закидоны. Морган и в старое время умел и любил работать на публику: он был не лидером, а больше актёром и оратором. Меня же подобный подход категорически не устраивал. Да и, честно говоря, кто из вас вынес бы подобное глумление?

- А ты как думаешь, сломала она меня или нет? – я почувствовал, что закипаю. - Сам бы попробовал провести двести пятьдесят лет запертым в собственной голове!

- Морт, я…

- …Это недолго, всего час реального времени, – меня понесло, в ушах зазвенело от адреналина. Я был близок к истерике. Это напрашивалось уже давно – нервное напряжение последних дней копилось и только и ждало возможности вырваться наружу.

- Можно это устроить хоть сейчас, чисто для ознакомления. Даже не полный срок – лет пятьдесят хватит. И уже потом, когда ты выйдешь из стазиса…

- Эйдер! Заткнись!

- …После долгих и мучительных лет пребывания наедине с собой, мы и посмотрим, останется ли у тебя порох в пороховницах. Увидим, как ТЫ себя будешь вести, и не понадобится ли ТЕБЕ тот самый центр реабилитации. Не начнешь ли ТЫ пить или баловаться наркотой...

- Если ты не…

- Заткнись. Нахрен. Сам. И прекрати гнуть передо мной пальцы. Чего ты хочешь этим добиться? Окей, ты произвёл на меня впечатление, я поражён твоей крутизной, а теперь изволь говорить со мной по-человечески, либо не мучай и разбери уже на долбаные запчасти. За полицейские имплантаты много дадут, доктор Клайн не дал бы соврать.

- Знаешь, - Морган придвинулся ко мне поближе, нависая над столом и глядя в глаза, - было бы очень простым решением тебя зомбировать.

Меня как будто сунули под холодный душ.

- Я вижу, тебе самому эта идея не нравится. Да-да. Это было бы проще, - Рут наслаждался мгновением моего испуга и тем, что сумел перехватить инициативу. - Влезть в твой мозг, выкинуть несколько блоков памяти, сделать надрезы в двух местах, припаять чип-ингибитор – и никаких проблем. Вместо офицера Морта у меня был бы идеальный слуга.

- Так почему же ты этого не сделал? – сумел я взять себя в руки. Морган блефует. Он не пожалел ради меня вертолёт и отправился искать лично. Вряд ли только затем, чтобы превратить в послушный кусок мяса с имплантатами. Да, я был нужен Рутланду, и он вряд ли бы дошёл до сознательной порчи столь дорого обошедшегося ему имущества. Только сейчас в голову пришла мысль, что я для Рутланда значу больше, чем потерянный вертолёт.

- «Проще» не значит «лучше», – Морган вернулся на место. Перестал нависать над столом и пытаться давить авторитетом. - Мне нужны твои боевые навыки. Морт–овощ будет бесполезен. Я вон могу слуг-дроидов на рынке собрать, перепрошить и получить целую армию болванок безмозглых… Нет, дружище. Ты останешься в трезвом уме и добром здравии. И если не станешь идейным – тебе же хуже. В конце концов, у меня есть надёжный инструмент давления.

После этих его слов мою шею слегка защипало, как будто кто-то пустил по ней слабый разряд тока.

- Чувствуешь? – Морган широко улыбнулся, отчего мне очень захотелось дать ему в морду. - Это твой поводок. Чип на основе старых бандитских глушилок для копов. Будешь хорошим мальчиком, и я не стану увеличивать мощность разряда.

- Вот же… - я едва не выругался. Этот сукин сын всё-таки меня поймал. Побег откладывался на неопределённый срок. От ярости я сжал кулаки до побеления костяшек, но вслух ничего не сказал. Да и не нужно было – Морган и без того всё видел по моему лицу.

- Я не садист, делать больно тебе не стану. Но не сомневайся

– чип способен испепелить твою голову по одному моему сигналу. Это предосторожность номер один. Прибор управления чипом есть не только у меня, так что, если попробуешь меня убить и сбежать, тебя ждёт разочарование. Это предосторожность номер два.

Отлично. Прекрасно. Замечательно. Тут хочешь – не хочешь, а станешь идейным борцом с тиранией Нейрокорп. Что ж, очень изящное решение.

- Ночь проведешь в камере, не снимая наручников, – Рутланд не дождался моего ответа и решил завершить беседу. - Не обижайся, это предосторожность номер три на тот случай, если ты вдруг захочешь наломать дров.

Дверь у меня за спиной открылась. Я обернулся и увидел Балу, который жестом приказал мне подняться.

- Эй! – окликнул меня Рут, когда я переступал порог его кабинета. - Добро пожаловать в семью!

8.

В принципе, всё было не так уж и плохо.

В камере я действительно провёл только первую ночь, потом ночевал вместе со всеми, на третьем этаже, в обжитых людьми Рутланда кабинетах. Они мне не доверяли, но и не сторонились, и вскоре я сошёлся с одной небольшой компанией, в которой обретались уже знакомые мне Балу и Глазастик, а также Малой – шестнадцатилетний мальчишка-уголовник из трущоб, обокравший не тех людей, и Азимов – боевой андроид с полнофункциональным искусственным интеллектом. Я жил с ними в одной комнате. Не то чтобы я собирался подружиться с этими парнями, но наладить отношения было очень неплохо. В конце концов, мне предстояло идти в бой, и будет лучше, если они будут прикрывать мне спину, а не стремиться подставить под огонь.

Кроме нас, в организации Рутланда было полно народу, навскидку человек сто пятьдесят. Основу, как и говорил Морган, составляли бывшие копы, принимавшие участие в полицейском бунте и вынужденные теперь скрываться от полагающейся им виртуальной тюрьмы. Также было несколько команд SWAT, в те нелёгкие времена принявших сторону мятежников – но у них была своя тусовка, поскольку общаться с людьми они нормально уже не могли. Слишком много имплантатов, слишком мало плоти. Вместо кожи – тёмно-серый кевлар с креплениями под снаряжение, вместо лиц – газовые маски. Единственным, кто мог контактировать с этими консервными банками, был Азимов, но тот не особо горел желанием это делать. Он вообще мало чего

хотел из-за того, что, по словам Глазастика, почти постоянно пребывал в депрессии. Мне хотелось узнать, как машина вообще может что-то чувствовать, но спросить пока что стеснялся.

Ну и, разумеется, среди нас был определённый процент различного сброда, по большей части уголовного. Наёмники из разных стран, убийцы, маньяки, хакеры – все те, кому светила бы виртуалка или электрический стул, не согласись они стать непримиримыми и идейными борцами против Нейрокорп.

Люди зверели от длительного бездействия, не помогало даже то, что мы большую часть времени находились отдельно друг от друга. Между копами и уголовниками частенько вспыхивали короткие и жёсткие драки, которые разнимал безукоризненно верный Рутланду SWAT, однако это не добавляло миролюбия ни одному лагерю, ни другому. Мы торчали в полицейском участке, как пауки в банке. Окружавшая обстановка давила – грязь, запустение, холод, отсутствие нормальной еды, частые перебои с водой и постоянный страх довели бы до истерики даже самых стойких. Что уж говорить про неуравновешенных уголовников и полицейских, потерявших свою старую жизнь и не получивших взамен ни единого шанса хоть как-нибудь наладить новую?..

Рут гонял нас до седьмого пота, заставляя мыть и перемывать заново полы и кабинеты, чинить безнадёжно сломанные коммуникации, в меру возможностей делать ремонт в помещениях, усиливать баррикады на окнах первого этажа, ходить патрулём по окрестностям, выискивая признаки слежки, и так далее, но это не особо помогало держать нас в узде.

Брошенный полицейский участок напоминал пиратский корабль с экипажем, состоявшим из людоедов, готовых друг друга сожрать без соли, несмотря на жуткую усталость и закрученные до предела гайки дисциплины.

- …А я ей и сказал: «Садись ко мне в фургон. Смотри, у меня тут есть сладости, игрушки – между прочим, настоящие, не голограммы какие-нибудь! Еще консоль с играми…» Смотрит на меня, а глазки голубые-голубые, и волосики светлые, просто ангел.

Мы стоим на первом этаже, в импровизированной столовой, готовимся получать свежую порцию серой безвкусной бурды. Грязный кафель, мигающие лампы дневного света, пар, отвратительные запахи, измотанные дежурные по кухне. И Вонючка, стоящий сразу за мной и рассказывающий о своих похождениях.

Его монологи вызывают у меня тошноту, а этот придурок, похоже, окончательно съехал с катушек, раз говорит постоянно, испытывая моё терпение. Его пробовали бить, но бесполезно –

вместо криков он лишь продолжал рассказ на повышенных тонах, время от времени переходя на отвратительный визг.

- Боже, ты хоть когда-нибудь заткнешься? – это Балу. Стоит передо мной и борется с подступающим бешенством.

Вонючка визгливо смеётся. Жиденькие сальные волосы с проседью, обрамляющие лысую макушку, трясутся, не изменяя формы, поскольку застыли от грязи. Брюхо, выпирающее из-под рабочего синего комбинезона, колышется не в пример активнее. Низенький, толстый, мерзкий.

- …Она садится ко мне в машину. Такая прелестная, что я еле сдерживаюсь. Радостная, улыбается, не верит своему счастью. О-о, да-а… Первым делом бросается к конфетам. Они все очень любят конфеты, такое ощущение, что родители им их никогда не покупают…

Я смотрю на котёл с нашим варевом. Он кипит. Серая жижа, которую нам предстоит съесть, бурлит, переливаясь через край. Точно так же, как и мои эмоции. Балу, похоже, тоже сдерживается из последних сил.

- А конфеты у меня не простые, - хихикает мерзавец, - со снотворным. Они просто делаются. Подходят любые. Разрезаешь напополам, выкидываешь начинку и запихиваешь вместо неё совсем чуть-чуть. Можно даже четвертинку таблетки, этого хватит. А можно какой-нибудь лёгкий наркотик. Так даже быстрее… Они во время процесса так даже удовольствие получают, улыбаются во сне… - урод боится, но не может перестать говорить. В районе паха у него что-то топорщится. Слишком маленькое для взрослого мужика.

- Закрой! Свою! Поганую! Пасть! – отчеканил я, повернувшись к Вонючке и стукнув стальной миской о стойку так, что ублюдок дернулся.

От стайки уголовников, уже сидевших за длинным грязным столом, раздались подбадривающие вскрики:

- Вонючка, нам интересно!

- Да, что было дальше? Рассказывай во всех подробностях!

Кучка придурков – негры, мексиканцы, азиаты, все в шрамах и с татуировками банд на лицах. На головах – разноцветные банданы – тоже знак принадлежности к той или иной «семье». Скалятся. Нарываются. Провоцируют, зная, что SWAT накажет того, кто ударил первым. А Вонючка продолжает, приободрившись и глядя на меня мелкими заплывшими глазками.

- А потом составляешь конфету, как была, и чуть проведешь разогретым ножом – шоколад застывает, и конфета как новенькая.

- Приятель, перестань, нам не хочется это слушать, –

встревает Балу, и я замечаю, что его металлические кулаки крепко сжаты, а глаза нехорошо блестят.

- Так вот, она наедается конфетами и засыпает, – ноль внимания, фунт презрения. - И тут наступает мой черёд… Я беру её спящее тельце и тащу к себе. От неё классно пахнет карамелью, ну, вы знаете, эти детские шампуни…

- Если ты не перестанешь, – произношу я как можно спокойнее, хотя глаза застилает кровавая пелена, - тебе конец.

Он не слушает и продолжает говорить вещи, ужасные настолько, что я отказываюсь их воспринимать. Усталость и напряжение последних дней, улюлюканье уголовников и омерзительное хихиканье Вонючки сложились в сложное блюдо, приправленное яростью.

- И вот, когда я уже почти… - от волнения и возбуждения его голос дрожит, между ног появляются мелкие мокрые пятна, увидев которые я срываюсь.

Балу не успел среагировать, боевая программа включилась едва ли не сама собой. Никто не успел ничего понять или хотя бы просто заметить движение. Голова Вонючки улетела в угол, как старый футбольный мяч с лохмотьями-волосами, и гулко рухнула на пол, глядя на окружающий мир всё с той же смесью страха и похоти. Из сонной артерии оставшегося стоять тела брызнула алая кровь, которую всё ещё перегоняло сердце, не знавшее, что мозга, нуждающегося в кислороде и питательных веществах, больше нет.

Уголовники в момент вскочили со своих мест, откуда ни возьмись, появилось оружие, и мне было бы худо, если б не Балу, с которым мы встали спина к спине. Ножи, заточки, дубинки, пистолеты. У кого-то руки раскрылись «розочкой», являя миру складные острые лезвия чуть ли не полуметровой длины – нелегальные имплантаты скрытого ношения, горячо любимые разномастными бандитами. Я успел сломать руку одному отморозку, пытавшемуся проткнуть меня заточкой, а Балу едва не зашиб ещё двоих, когда бойцы SWAT пришли в себя, достали дубинки и, выстроившись в линию вчетвером, прошли сквозь беснующуюся толпу, как нож сквозь масло. Тем, кому не повезло попасть под удар, крепко досталось – спецназовцы били с математически выверенной точностью, строго по нервным узлам, и охота сопротивляться быстро пропадала даже у самых горячих голов.

Один из бойцов SWAT, глядевший на мир ничего не выражающими стеклянными фасеточными глазами, прорубился ко мне и занес дубинку для удара. Имплантаты давали мне способность соображать и двигаться намного быстрее обычного

человека, но эта железяка была еще быстрей. Уклониться не вышло, и удар дубинки, хоть и пришедшийся вскользь, опрокинул меня на пол, заставив на пару мгновений потерять сознание.

Не прошло и десяти секунд, а все уже лежали на полу, корчась от боли. Я в том числе.

- Что тут происходит? – в столовую с перекошенным от ярости лицом ворвался Рутланд и, получив короткий доклад, приказал, ткнув в нас пальцем: - На сегодня этих двух оставить без еды! Следующая неделя – патрулирование коллекторов! Выполнять! – рявкнул он напоследок, и нас с Балу, взяв под руки, вышвырнули наружу, в коридор.

Спустя час мы уже брели в тёмной канализации, по колено в ледяной вонючей жиже. Спасибо, что для такой работы нам хотя бы выдали резиновые сапоги с высоким голенищем.

- Могло быть и хуже, – бурчал я себе под нос. - В конце концов, я же его убил…

- Да брось, – пыхтел Балу позади меня. - Он же обычная «отмычка». Ему цена – пять центов.

- «Отмычка»? – переспросил я.

- Да, – кивнул Балу и пояснил: - Смертник.

- В смысле, на него надевают пояс со взрывчаткой и?..

- Нет, тут другое, – мой напарник помотал головой. - У них другие задачи. Надо же кого-то посылать проверять, нет ли где-нибудь мин, турелей или подобного добра? Ещё Рут любит давать им задания, с которых невозможно вернуться живым. Например, грохнуть кого-нибудь или бомбу заложить.

Наши фонари вспарывали темноту туннелей, выхватывая поросшие плесенью и водорослями бетонные стены, проржавевшие решётки, трубы, протянутые вдоль стен, и жижу, отвратительную жижу под ногами. Тёмно-зелёную, густую, мутную, застоявшуюся.

- То есть они сами не знают о том, что они смертники? – ухмыльнулся я, поняв циничный замысел Рутланда.

- Разумеется. Этим ублюдкам говорят, что их вытащат, даже обсуждают куда посылать вертолёт, – Балу коротко хохотнул, отчего эхо прокатилось далеко по туннелю и никак не хотело умолкать. - А когда миссия выполнена, и «отмычка» больше не нужен, его просто глушат через чип в шее. Ну, либо таймер бомбы срабатывает сразу же, а не через какое-то время. Или оружие взрывается… Много способов.

- Мило.

- Ага.

Мы замолкли и топали по маршруту в тишине, нарушаемой лишь нашим тяжёлым дыханием и хлюпаньем под ногами.

- Прости, что втянул тебя в это, – сказал я, отчего-то остро почувствовав себя виноватым.

- Перестань, – отмахнулся Балу. - Не ты бы ему голову оторвал, так я. Вонючка всем давно надоел, у него уже крыша поехала. Сраный педофил, – он аж сплюнул от отвращения. - Ненавижу педофилов…

Последняя фраза меня почему-то заинтересовала.

- А чем ты занимался до этого? Ну, до того, как попал к Рутланду.

- Служил, – коротко ответил Балу запыхавшимся голосом. Он был слишком большим для этой клоаки, и передвижение по туннелю давалось ему непросто.

- О, так ты тоже коп? – удивился я.

- Патрульный. А ты?

- Детектив. Отдел внутренних расследований.

- О-о, – улыбнулся Балу. - Крутой парень, да?

- Как видишь, не круче, чем SWAT, – ухмыльнулся я в ответ.

- Ну да, ну да… Мало кто может быть круче, чем SWAT.

Мы посмеялись.

- А почему ты так ненавидишь педофилов? – решился я задать вопрос.

Реакция Балу меня напугала.

- Не твоё дело! – огрызнулся он, заводясь с пол-оборота и заставляя меня отшатнуться.

- Оу-оу! – я примирительно поднял ладони вверх. - Полегче! Я не хотел.

- Не лезь, куда не просят! – Балу прошел вперед, обдав меня запахом крепкого застарелого пота. - Я же не прошу тебя рассказать, как так получилось, что ты сломал жизни сразу всем копам в Нейро-сити…

Обиду пришлось проглотить, несмотря на то, что очень хотелось высказаться.

- И на том спасибо, – пробурчал я и последовал за умолкшим напарником.

За всё оставшееся время патруля мы не произнесли ни слова.

9.

Незадолго перед событиями, получившими название «Бунт полицейских», меня перевели в отдел внутренних расследований. Многие люди тогда охарактеризовали бы мою карьеру как «блестящую», однако вскоре моя жизнь показала, что не намерена отходить от старого правила – чем выше взлёт, тем ниже падение.

Казалось, ещё совсем недавно я был патрульным. Сопляком, из которого поимка серийного убийцы сделала героя.

- Купи два костюма и погладь, – пробурчал тогда капитан, глядя на меня бесцветными глазами, глубоко посаженными на бульдожьем лице. - Ты у нас теперь грёбаная звезда, да ещё и красавчик. Надо соответствовать образу, – и подписал приказ о моём повышении до детектива.

Я не успел оглянуться, как прошло несколько десятков лет, в течение которых я вдоволь насмотрелся на боль, смерть, человеческую жестокость и разучился верить кому бы то ни было. Как раз из-за последнего меня и взяли в отдел внутренних расследований, хотя, как мне кажется, цинизм, отвращение и недоверие к людям выдавали абсолютно всем копам на вечеринке в честь годовщины начала службы.

Моё многострадальное тело вскрыли, старые имплантаты, положенные простым копам, выдрали, установив взамен несколько более мощные, дабы я имел преимущество в схватке с «оборотнями». Впрочем, статистика говорила, что это железо не слишком уж и помогало – процент погибших в перестрелках копов из отдела внутренних расследований был удручающе высок.

Я не успел проработать и пары месяцев, как всё произошло.

Сетевые издания и выпуски новостей тогда кричали об экономической реформе, которую затеял департамент финансов Нейрокорп.

Миловидные девушки с голограмм зачитывали одни и те же слова каждый день по нескольку раз, заставляя мозги расслабляться, принимать то, что они произносили, на веру и преисполняться энтузиазмом по поводу светлого будущего Компании и города.

- Новая валюта, уже прозванная на улицах «новобакс», будет представлять собой полностью виртуальную расчетную единицу. Выглядеть это будет как небольшой чип, который можно встроить в мозговой бустер,– щебетала темноволосая девушка в старомодных очках и платье с чудовищным вырезом.

- А мозговой бустер есть сейчас практически у всех, верно, Мэг? – вторил ей напарник, красавец с внешностью голливудского героя-любовника: светлые волосы с идеальным пробором, идеально сидящий серый костюм, мужественный подбородок.

- Конечно! Все хотят быть умнее! Новая валюта здорово облегчит расчеты, бумажные деньги, наконец, окончательно уйдут в прошлое! Ваши сбережения нельзя будет отобрать или украсть, и вы никогда не забудете дома кошелек! – звонкий смех.

Я сижу в машине с напарником. По крыше барабанит дождь, на стекло то и дело падает отсвет неоновой рекламы ночного клуба. Огромные буквы «NUDE GIRLS» на фоне бесконечного

мрака. Они мигают, на короткие мгновения выхватывая наши лица из темноты. День был тяжёлым, и очень хочется отдохнуть – просто посидеть в машине, молча. В пустом тёмном переулке.

- У тебя настоящий табак? – спрашиваю я, заметив у напарника пачку сигарет.

- Да. Хочешь? – Стравински был хорошим парнем. Хоть и молодой, но уже повидавший виды. Он мне нравился, и поэтому я не строил из себя крутого парня, как любили делать многие копы. Ну, вы знаете: «я не собираюсь с тобой дружить, между нами только работа» и прочее дерьмо из второсортных детективов.

- Нет, спасибо. Бросаю.

- Как знаешь…

Говорящие головы телеведущих парят в районе зеркала заднего вида, чуть ниже. Такие довольные, что хочется дать им по морде и окунуть целиком в жизнь на окраине.

- Что ты об этом думаешь? – спрашиваю я у Стравински, кивая в сторону голограмм.

- Думаю, что ничем хорошим это не кончится, – он мотает головой.

- Хм?

- Не знаю. Чутьё. Не хочу сейчас ломать голову над этим, прости.

- Да всё в порядке. Я сам сейчас как выжатый лимон.

У меня тоже было смутное предчувствие, что затея Нейрокорп не так уж хороша и столь агрессивная пиар-кампания была призвана скрыть нечто очень важное.

К глубочайшему сожалению, я оказался прав.

В первый же день новый чип получил почти миллион человек – в основном из центра города и элитных кварталов. Чипы были бесплатными и, действительно, удобными в обращении, хакнуть их было чрезвычайно сложно, а отбирать – бесполезно: этого никто не оспаривал, тут Нейрокорп сдержала слово, и потребители получили именно тот продукт, на который рассчитывали.

Обратной стороной медали стала потрясающая по своим масштабам инфляция, очень сильно ударившая по окраинам. В первую же неделю за один новый доллар можно было получить пять старых, потом – десять и более. Выдача чипов была приостановлена из-за политики Нейрокорп, предполагавшей постепенную замену старой валюты, а не такой стремительный переход. Почти двадцать миллионов человек враз оказались за чертой бедности. Зарплата, выдаваемая стародолларами, стремительно обесценивалась. Все накопления, своевременно не переведенные в новобаксы, сгорели, а поскольку чипы больше не

выдавали, не было никакой возможности получить новые деньги.

Кто-то подсуетился и организовал производство поддельных чипов в промышленных масштабах, но подделка на то и подделка – обычный кусок пластика, дающий доступ к электронному кошельку, счёт которого велся всё теми же бумажно-металлическими стародолларами.

Окраины просто обезумели.

Грабежи и погромы, совершавшиеся с целью добыть хоть немного еды, стали обычным делом. Под прикрытием общей анархии зашевелились и обычные уголовники – убийцы, насильники, садисты, педофилы.

Нас с напарником оторвали от непосредственных обязанностей и отправили на усиление патрульным. После нескольких дней и ночей без сна, наполненных пожарами, стрельбой и арестами, мозг отказывался соображать. Мы буквально жили в машине, лишь изредка покидая её для того, чтобы сходить в сортир или купить кофе и пончики.

В конце концов, всё, вроде бы, начало затихать. Нас отпустили по домам, я смог, наконец, принять душ и выспаться, но затишье оказалось временным – на окраинах зрела буря.

Меня поднял с кровати звуковой сигнал, бившийся внутри черепа. Я приложил палец к мочке уха, включая коммуникатор и дополненную реальность. Перед глазами повисло ярко-красное окно с сообщением: «Экстренно! Вне всякой очереди! Тревога! Немедленный сбор в участке!»

Продрав глаза, я помчался на работу, гадая, что там такое приключилось, и уже на выходе из дома заметил поднимавшееся над домами красное зарево пожара. Над головой, едва не цепляя крыши, промчалась тройка полицейских вертолётов. Я почувствовал, как страх, родившийся где-то в районе желудка, завязывает мои внутренности в узел.

Участок напоминал растревоженный пчелиный улей. Рядом с ним в беспорядке стояли личные машины детективов и патрульных, там же были припаркованы несколько синих бронированных грузовиков с надписью SWAT, на крыше гудел двигателем вертолёт.

Внутри было не протолкнуться. Копы носились туда-сюда, многие держали в руках дробовики и пистолеты-пулемёты. Я едва заметил в этом хаосе своего напарника.

- Эй! Стравински! Э-эй! – я размахивал руками и пытался перекричать оглушительный гомон десятков голосов.

Напарник меня заметил и жестами подозвал к себе.

- Какого хрена тут происходит? – спросил я.

- Мятеж! – прокричал Стравински, выглядевший чертовски

напуганным. - Толпы с окраин собрались и идут в центр! Нас посылают организовать заслон и остановить их, пока отдел спецрасследований и SWAT найдут и уничтожат зачинщиков!

Новости неутешительные, но мне стало спокойнее, поскольку ситуация хоть немного, но прояснилась.

После получения оружия (мне достался дробовик, а Стравински – пистолет-пулемёт) мы залезли в бронированный синий грузовик с надписью «NCPD Anti-Riot», где уже сидели в ожидании отправки ещё десять человек из нашего участка. Мы были похожи на каких-нибудь добровольцев из древних войн - просто кучка уставших и взволнованных штатских, которым всучили оружие. Кто-то трещал без умолку, пытаясь таким образом справиться с волнением, кто-то ругал всё подряд, но большинство всё же приняло самое здравое решение – уселись поудобнее и пытались дремать.

Внутри «коробки» было тесно, мне не досталось кресла, поэтому пришлось плюхнуться прямо на пол, усыпанный песком и покрытый чьими-то грязными следами. Я попытался устроиться с максимально возможным комфортом, но все эти попытки пошли прахом из-за какой-то железяки, упиравшейся мне острым углом прямо в спину, как бы я ни сел.

В конце концов машину набили людьми под завязку и она тронулась, набирая скорость. Несмотря на относительно ровные дороги, нас всех сильно трясло и мотало, люди то и дело роняли оружие, и, если бы среди нас нашелся идиот, додумавшийся примкнуть магазин, не обошлось бы без трагедии.

- Хватит тыкать мне стволом в лицо! – возмущался Стравински, так же, как и я, устроившийся на полу в проходе. Ему в лицо смотрело огромное дуло «Осады», и это чертовски нервировало.

- Боже, я как будто в метро попал, – пробурчал кто-то, вызвав серию нервных смешков, а какой-то клоун из числа новичков вынул из кармана однодолларовую бумажку и протянул своему соседу со словами:

- Передайте за проезд!

Шутка была так себе, но она хотя бы немного разрядила обстановку.

Под потолком возникла говорящая голова, принадлежавшая нашему начальнику. Я находился сразу под ней.

- На полноценный брифинг нет времени, так что слушайте внимательно, повторять я не буду! – прохрипел шеф прокуренным голосом. - Наверняка вы уже слышали, что всякая шваль с окраин решила пограбить центр города. Они идут несколькими толпами и уже почти достигли границ района. Задача копов, патрульных и

SWAT – не пустить их в центр, ваша задача, как отдела внутренних расследований, – проследить за тем, чтобы они выполняли приказы. Подчеркиваю, ЛЮБЫЕ приказы. Полномочия у вас самые широкие, фактически Департаментом полиции вам дан полный карт-бланш. Действуйте по обстоятельствам, но без лишних нежностей, любой коп, не выполняющий приказ, поступивший из департамента – наш клиент. Можете его переубеждать, можете арестовать, можете пристрелить нахрен в назидание остальным – мне плевать. Главное, чтобы толпа не прорвалась в центр. Вопросы есть?

Вопросов ни у кого не было, а если и были, то мы предпочли держать их при себе.

- С богом, парни, – шеф отключился.

Дело приобретало очень серьёзный оборот, и, судя по лицам, никому это не нравилось. Не то чтобы мы жалели копов, которые через одного были куплены местными князьками и получали от них зарплату втрое большую, чем платил Департамент, просто сам факт того, что зашла речь о настоящих, кроме шуток, боестолкновениях, очень напрягал.

Впрочем, нам должно быть полегче – хотя бы не будем торчать на переднем крае. Сможем отсидеться за спинами полицейских, подбадривая их выстрелами в спину и цитированием закона о полиции, что предусматривал строгое наказание за неподчинение приказу в экстренной ситуации.

«Коробка» затормозила, открылись двери, и мы, толкаясь и цепляясь стволами друг за друга, кое-как вывалились на свежий воздух. Вспотевшие, сонные, помятые, уставшие, злые и грязные, как черти.

Наша машина стояла на эстакаде, ведущей из одного района в другой. Сейчас она была перегорожена транспортом и наспех расставленными бетонными блоками. Огромные гейты, намертво отделяющие районы Нейро-сити друг от друга, появятся потом – через пару лет после сегодняшних событий, но на тот момент я об этом, разумеется, не знал.

Порывистый ветер приносил с собой целый ворох типично городских ароматов, среди которых неоспоримо лидировал запах гари. Открывавшийся с высоты пейзаж был очень красив – всё-таки даже в типовых районах есть своя прелесть. Особенно если смотреть ночью и издалека, когда не видны граффити, мусор и бродяги с их украденными из супермаркета тележками и самодельными домиками, собранными из всего, что попалось под руку. Россыпь огней многоэтажных зданий, оранжевые фонари, огоньки машин – всё это выглядело издалека очень гармонично, как будто район был небольшой галактикой, вращавшейся по

своим собственным, непонятным простому зрителю, но чётко очерченным и мудрым законам. Не в пример копам, что носились между машин едва ли не в панике, суетясь и выкрикивая какие-то команды.

К слову, полицейских было не так уж и много – что-то около сотни плюс пятнадцать человек из нашего отдела. Честно говоря, я ожидал большего.

Старшим офицером в нашей машине был О'Доэрти, правая рука начальника отдела внутренних расследований, которого сегодня никто не смог найти. Видимо, старик раньше нас почуял неладное и предпочел потеряться.

О'Доэрти вылез первым и теперь вовсю надрывал глотку, подзывая к себе старшего. Судя по всему, этого ирландского жополиза выдернули прямо из-под любовника – об этом говорил перегар, бегавшие от возбуждения глаза, красные, ярко выделявшиеся следы от наручников на запястьях и хорошо заметные следы пощёчин. Его брюки и плащ были смяты, на рубашке не хватало пуговиц, а тёмные волосы всклокочены и заляпаны чем-то, о чём я не хотел знать.

- Старший офицер! Ко мне! – голосил О'Доэрти до тех пор, пока к нему не подошёл сухой старик в отглаженной до хруста форме капитана полиции.

- Кто вы? – спросил он, настороженно глядя на нашего красавчика.

- Офицер О'Доэрти, ОВР, - он показал жетон. - Нам приказано следить за выполнением приказов Департамента.

Капитан скривился, но ничем больше не выдал своего недовольства – репутация у нашего отдела была, что ни говори, мрачная – полномочий хватало для того, чтобы смешать с грязью кого угодно, даже святого, и потому проблем никто не хотел.

- Доложите обстановку! – приказал О'Доэрти.

- Толпа движется оттуда, – Кэп указал рукой вниз, туда, где развязка опускалась на уровень земли и сливалась с дорогой, а над зданиями виднелось багровое зарево пожарищ и почти непрерывно гудели сирены. Не полицейские, а пожарные.

- Мы стоим тут и готовимся обороняться. На всё про всё у нас есть ещё двадцать минут, потом тут будет жарко.

Я стоял недалеко и вполуха слушал разговор начальников, когда заметил в оцеплении одного старого знакомого.

- Рутланд! – крикнул я и помахал рукой.

Тот меня узнал и кивнул в ответ.

Мы служили с ним в отделе убийств до того, как меня перевели в ОВР, и никогда особо не дружили – так, перебросились как-то парой фраз, но, тем не менее, было приятно увидеть знакомое лицо. Тогда, кстати, оно было настоящим – смазливым и по-детски пухлым личиком молодого парня, имевшего успех у всех женщин возрастом от пятидесяти. Голубые глаза и светлые кудри придавали ему огромное сходство с каким-нибудь херувимчиком из числа тех, что печатают на открытках в честь Валентинова дня.

Морган отвернулся и исчез где-то в лабиринте машин и блоков, а я подошел к О'Доэрти, который показывал, где кому встать. Возбуждение потихоньку уходило из его глаз, но адекватнее они не становились. Скорее всего, он ещё и под наркотой. Больной придурок.

- Морт! Стравински! Вон к той плите! – дождались мы своей очереди и поплелись занимать позицию.

- Слишком близко… - поёжился напарник, будто от холода. Я разделял его чувства.

Расстояние, которое отмерил нам О'Доэрти, было пугающе недостаточным для того, чтобы чувствовать себя спокойно. Лишние двадцать метров для пули пустяк. Впрочем, нам ли бояться - с бронёй, силовыми устройствами и прочими игрушками, положенными ОВР?

Наверняка О'Доэрти просто хотел крепко держать ситуацию в своих руках на тот случай, если у кэпа сдадут нервы и тот

окажется стрелять по толпе. Но лично я бы поспорил, у кого они сдадут быстрее – старый капитан производил впечатление человека, чьи нервы отлиты из высоколегированной стали.

Потянулись минуты томительного ожидания.

Копы вроде успокоились и заняли позиции, негромко переговариваясь между собой. Мигалки на их машинах работали вхолостую, без сирен, и окрашивали мир в красно-синие цвета. Я подключился к полицейскому каналу связи и полминуты слушал, как кэп одёргивает своих подчиненных.

А потом показалась Толпа.

Именно так – с большой буквы.

Я впервые видел столько людей одновременно, и это чертовски пугало. Тысячи. Десятки тысяч. Они выходили с одного из крупных проспектов и плелись в нашу сторону.

- Боже мой… - произнёс кто-то сдавленно, забыв отключить трансляцию, и тут же получил выговор от капитана.

- Проблемы, сынок?..

Мы ждали толпу вооруженных головорезов, настраивались на тяжёлый бой с ублюдками-маргиналами, которых не жаль отправить на тот свет, и потому увиденное было сродни нокауту. К нам шли обычные люди – мужчины, женщины, старики, дети. Разумеется, среди них был определённый процент отребья, вышедшего поживиться и утолить свои потаённые садистские желания, но в то, что они все… Как-то не верилось.

Простые обыватели. Серые, замордованные тяжёлой работой и жизнью в трущобах. Заезженные мужики и постаревшие до срока женщины, брошенные старики, оставленные без соцобеспечения. Недорого, но прилично одетые, не зверьё, на которое я насмотрелся за годы службы, – те самые «обычные граждане», которым я давал клятву «служить и защищать». Некоторые несут плакаты с надписями вроде «Дайте еды!». Первые сомнения в правильности моих действий появились именно в тот момент, когда я понял, что мне придётся стрелять в этих людей, которые вовсе не были похожи на поджигателей и убийц.

Однако я в своё время насмотрелся на различные массовые беспорядки, когда такие обыватели моментально зверели, скидывая человеческое обличье, и оборачивались настоящими монстрами, способными вызвать удивление и уважение у самых матерых садистов.

- Их слишком много, кэп, – чей-то голос на полицейской волне. Пытается говорить спокойно, но в интонациях явно прослеживается едва сдерживаемая паника.

- Тебя это останавливает? – голос кэпа невозмутим, но я

уверен - ему тоже страшно. Несмотря на все попытки изобразить из себя мужика со стальными яйцами, в черепе бьётся мысль, что несколько десятков тысяч человек, припёртых к стенке голодом, ему так просто не разогнать и не остановить.

Толпа подходит всё ближе, и у меня начинают дрожать колени. Я смотрю на Стравински: он бледен, как лист бумаги. Наверняка моя рожа тоже перекошена от ужаса, что уж говорить о копах, находящихся на переднем крае. Мозг сверлит осознание того, что из привычной картины что-то выбивается. Что-то явно не так, и мне требуются почти две бесконечные минуты для того, чтобы понять – люди молчат. Им нечего говорить, и в их глазах такая обречённость, что меня сбивает с ног.

Кто-то дрейфит и явно хочет сбежать. Я вижу, как некоторые копы мнутся на месте, но пока обходится без нашего вмешательства – капитан справляется сам, высматривая оробевших и поддерживая дисциплину.

Толпа вступила на эстакаду, а люди всё продолжали выходить с проспекта и двигаться к нам. Конца толпы никто не видел. Сколько же их там? Боже сохрани…

- Примкнуть магазины, – у капитана сел голос, что с головой выдало его тревогу, как бы он ни пытался это скрыть.

- Это безумие… Это невозможно… - слышу я чей-то сдавленный панический шёпот. Голос знаком, я хочу обернуться, но слишком загипнотизирован надвигающейся толпой, этим титаническим приливом из человеческих тел, чтобы хоть как-то отреагировать.

- Он бежит! – вскрикивает вдруг Стравински, и я оборачиваюсь, слыша, как визжит двигатель одной из машин.

О’Доэрти.

Этот мудила сбежал первым.

- …Невозможно! – пищит он тоненьким голоском, забыв отключить микрофон, и я отчётливо слышу хорошо знакомые нотки подступающего безумия. - Это… Их слишком… Хе-хе… - после истерического смешка трансляция обрывается, но нам и так уже становится не до неё. Копы, увидевшие это представление, заголосили на все лады.

- Он бросил нас!..

- Надо отступать! Они сами бегут!

- Сэр, разрешите…

Однако кэп был непреклонен.

- ТИШИНА В КАНАЛЕ!!! – рявкнул он так, что у меня едва не заложило уши. - Если в ОВР работают истеричные девочки, это не повод нам быть такими же! Примкнуть магазины!!!

Я вижу, как сухая фигура поднимается из-за машины и

отвешивает сочный пинок сидящему рядом патрульному. Капитан мечется между своими подчиненными, размахивает пистолетом и бьёт по головам всех, кто не выполняет приказ.

- Примкнуть магазины, я сказал! – его голос даёт петуха и срывается, но дело уже сделано – люди очнулись.

Как в замедленной съёмке, дрожащими руками достаю из подсумка на поясе огромный стальной барабан с патронами, вставляю его в «Осаду» и передергиваю затвор. Я готов стрелять, но от одной мысли о том, что проделает дробовой заряд, попавший в столь густую толпу, становится страшно.

Мы слышим, как люди начинают что-то нам кричать.

- Не стреляйте, прошу вас! – тонким голосом пытается до нас дозваться женщина с маленькой девочкой на руках. - Прошу вас! Мы просто хотим есть!

- Ребята, пожалуйста, не надо! – мужик с поднятыми руками, одетый в синий рабочий комбинезон. - У нас всю зарплату инфляция съела! Ничего не осталось! Не стреляйте, прошу!

Позже я понял – если бы люди были озлоблены, оскорбляли нас и кидались камнями и коктейлями Молотова, как в старые добрые времена, всё было бы по-другому. Я первым нажал бы на спуск и до конца жизни спал спокойно, без кошмаров и «мальчиков кровавых в глазах». Если бы, разумеется, выжил. Как много, оказывается, может сделать миролюбие…

- Готовьсь!.. – прорычал капитан, и сотня стволов взметнулась вверх.

Боже, неужели он не видит, что нас сейчас порвут на куски? Для того, чтобы остановить такую толпу, понадобится что-то помощнее сотни стволов. И на психологический эффект надеяться не стоит – люди голодают и прекрасно знают, что уже мертвы. Тут нужна армия. Меня затошнило, страх свернулся клубком где-то в желудке. О'Доэрти был прав, это невозможно. И, к моему стыду, жалость тут ни при чём – нам всем здесь очень хотелось жить.

Толпа не останавливалась, люди подходили всё ближе и пытались достучаться до нас, рассказать о своих проблемах, поднимали повыше детей и плакаты «Нечего есть!».

- Цельсь! – казалось, между этими двумя секундами прошла целая вечность, за которую я успел досконально рассмотреть лица всех, шедших в первом ряду, проанализировать их мимику и интонации, с которыми они говорили, и понять...

Понять…

Понять…

- СТОП!!! Отставить! – рявкнул я как можно увереннее.

Копы застыли, озадаченно оглядываясь.

- Кто приказал?! – просипел капитан в рацию. - Кто приказал?! Тут я командую!

- Офицер Эйдер Морт, ОВР. В отсутствие начальства беру командование на себя! – я сам не знал, откуда во мне взялось столько смелости, и понимал, что придётся позже за всё ответить, но Рубикон был перейдён и мосты через него сожжены.

Ответом мне было невнятное сипение и чей-то крик:

- Врача! Врача! У кэпа сердечный приступ!..

Я прислонил дробовик к бетонной плите и сам сполз по ней на землю, закрыв лицо руками. Только теперь до меня дошло, что я весь мокрый, и пот стекает чуть ли не десятью ручьями. Руки и колени дрожали, меня колотило, как будто в приступе лихорадки, а толпа шла всё дальше и дальше, обтекая машины и перелезая через бетонные плиты.

В центр города, который я только что обрёк на разграбление.

10.

От размышлений меня оторвал короткий вскрик Глазастика, прищемившего себе палец затвором архаичной штурмовой винтовки.

- А я говорил, что доиграешься, – флегматично пробубнил Балу, державший свое оружие не в пример аккуратнее. Ещё бы – такая мощь нуждалась в крепких руках и нервах. Забытый предохранитель, случайное срабатывание, бум! - и люди в машине превращаются либо в фарш, либо в кучки пепла. Зависело от того, какие боеприпасы в барабане - осколочные или зажигательные, с белым фосфором.

Нас, переодетых в серые рабочие комбинезоны, уже час везли по оживлённой магистрали в белом фургоне без окон с надписью «Грузоперевозки Чарли». Периодически машина застревала в пробках, и тогда от бесконечного дерганья туда-сюда становилось очень туго. Малой едва держался, казалось, ещё чуть-чуть - и он упадёт на пол и умрёт в муках без чужой помощи. Даже я в конце концов почувствовал, что меня укачивает, и очень старался удержать ужин внутри себя.

Почти два часа ночи. Нейро-Сити светится и переливается огнями, как рождественская ёлка, засыпаемая холодным колким снегом. Мы катим на задание.

- Чертова хреновина… – Глазастик слизывал кровь с разбитого ногтя и морщился от боли.

- Ну вот. Бой ещё не начался, а кровь уже пролилась, – улыбнулся Малой, сегодня всклокоченный даже больше обычного.

- У него всё всегда так, – Балу даже не поворачивался. Сидел с закрытыми глазами и, наверное, дремал. Либо просто делал

вид.

- Проштите, шэр, – не вынимая палец изо рта, сказал ему Глазастик. - Больше не повторитша, шэр. Разрешите чиштить шортиры всю шледующую неделю, шэр!

Малой засмеялся:

- Ну ты и клоун.

- Цыц, мелочь. В угол поставлю, – равнодушно ответил Глазастик, рассматривая палец, судьба которого волновала его намного больше, чем выпад Малого.

- Ой-ой. Ты сам-то намного меня старше?

- А сколько тебе? – Глазастик повернул голову.

- Шестнадцать. Скоро семнадцать будет.

- Тогда... – если бы у Глазастика были зрачки, то он закатил бы глаза, считая, - я старше тебя на шестьдесят пять лет. Так что давай-ка в угол.

- Да ладно! Ты гонишь! – сказал Малой, недоверчиво сощурив глаза. - Этого не может быть.

- Может, - вздохнул Глазастик. - Если ты… А, неважно. Забей.

- Нет уж, - запротестовал юнец. - Либо рассказывай, либо ты просто соврал.

- Слишком долгая история, – отмахнулся Глазастик. – А мы уже почти приехали.

- Врёшь, – уверенно сказал Малой. - Точно врёшь. Трепло.

- Заткнись, – покосился на него Балу, и парень тут же умолк. - Он не врёт, мы с ним давно знакомы. Он уже был ветераном, когда я только-только пришёл. А история и впрямь долгая.

«Да уж, - подумал я, искоса рассматривая Глазастика, который снова занялся покалеченным пальцем, - кругом одни странности».

Машина сбавила скорость. Я подумал, что мы снова попали в пробку, но, судя по тому, что мы несколько раз повернули и дорога пошла под уклон, место назначения было уже близко.

Остановились. Два коротких стука, донёсшихся из кабины водителя. Условный сигнал, оговорённый заранее.

- Надеваем маски - и на выход, – Балу поднялся с ободранного сиденья и, полусогнувшись, держа гранатомёт наизготовку, вышел из машины первым.

Я натянул на лицо чёрную балаклаву-«невидимку», сшитую из материала, не воспринимаемого камерами и глазными имплантатами, и последовал за ним. За спиной чертыхался Глазастик, пытавшийся унять боль в пальце, и над чем-то хикикал Малой, что мог стоять в фургоне, практически не нагибаясь.

Глаза быстро привыкли к темноте, даже не пришлось включать «ночник».

Хлопнула дверь с водительской стороны, и к нам подошёл Азимов, нацепивший какую-то серую простыню, больше похожую на саван, что скрадывала его очертания и не давала разглядеть, кто перед тобой – человек или андроид. Он стоял перед нами молча, смотрел единственным глазом, расположенным в центре головы, и, не шевелясь, ожидал приказаний.

Мы находились в тёмном переулке между домами. Как и многие подобные места Нейро-сити, его стены были покрыты граффити, а на земле валялись груды гниющего мусора. Я толком не мог сказать, где мы находимся, но, судя по всему, район не из спокойных – далековато от центра. Темно, хоть глаз выколи – от фонарей тут мало толку, единственное освещение - низко висящие облака, окрашенные в инфернально красные тона фонарями, окнами и вывесками. По обе стороны от нас вздымались панельные стены апартаментов. Откуда-то валил пар, с неба сыпались мелкие снежинки. Холодный ветер продувал комбинезон насквозь. Я ёжился от холода, укрываясь от вонявшего бензином сквозняка за машиной, и удивлялся, почему не мёрзнет Балу, оторвавший у своего комбинезона рукава. Снежинки, падавшие на его металлические руки, не таяли, и я счел это забавным.

Спустя пару минут в переулок въехали три машины, прорезавшие тьму ослепительно белыми лучами дальнего света. Балу тут же взял их на прицел, скрывшись за огромным контейнером, полным мусора. Я, Малой и Глазастик встали полукругом между нашим фургоном и гостями, взяв оружие наперевес. Азимов куда-то пропал. Мы были освещены примерно по пояс, пролетавшие сквозь лучи света снежинки отбрасывали на нас непропорционально большие тени.

Двери открылись, из машин вылезла целая куча шкафообразных ребят с пистолетами и дробовиками, зажатыми в огромных волосатых кулаках.

Вперёд вышел Глазастик, положивший винтовку на плечо, дабы подчеркнуть собственную крутизну. Наверняка он видел себя кем-то вроде Джона Рэмбо из древнего фильма, но на деле, как верно заметил Малой, оставался всё тем же клоуном.

- Привет, парни, – он жизнерадостно улыбнулся. - А где босс?

- Я тут, – из толпы амбалов выступил немолодой полный мужик в белом пальто и шляпе. - Давай побыстрее, тут грёбаный северный полюс.

- Я со своей стороны – ради бога… Как там у вас положено? Покажите товар – покажите деньги? – хохотнул Глазастик.

- Соображаешь, – хищно улыбнулся босс. - Давайте сюда ящики, – приказал он, повернувшись к своим громилам, и те

утопали обратно к машинам.

Через минуту на асфальт глухо бухнулись тяжёлые цинковые ящики, поднявшие небольшую пургу.

- Открывайте, – кивнул на них Глазастик.

- Все? – недовольно спросил босс.

- Ага.

- Как скажешь, – он пожал плечами и дал знак своим людям.

Те открывали защёлки на ящиках и откидывали крышки, являя миру содержимое.

Архаичное оружие и взрывчатка, россыпи патронов и гранат, кое-какая амуниция, в основном, плохонькая – старая и поношенная, какая-то электроника, запчасти, судя по виду, от имплантатов…

- Может, тебе накладную выдать? – проворчал босс, глядя на то, как Глазастик копается в ящиках, проверяя наличие товара.

- И счёт-фактуру, ха-ха-ха!.. – Глазастик заткнулся, увидев, что кроме него никто не смеётся. - Нет, не нужно. Мы верим тебе, – он поднялся. - Ребята, тащите сюда! – Азимов вытащил с пассажирского сиденья чемодан стародолларов. Там было несколько миллионов, что по нынешним временам было не такой уж и большой суммой.

- Насколько мне известно, аванс в новобаксах переведён, – сказал Глазастик, передавая боссу чемодан.

- Да-да, переведён… Скажи Рутланду, что это был последний раз. Больше мы с вами не работаем, – босс ёжился на холодном ветру.

- Что? – удивился Глазастик. - Да ладно тебе, Брокки, какого хрена? Мы же сотрудничаем чёрт знает сколько времени!

- И это становится всё более опасным. Я ещё продам стволы мексикашкам или нигерам, но вам – нет, приятель. И не проси. Это уже дело решённое, – отрезал босс, отворачиваясь и направляясь к машине. - Разговор окончен!

Я едва успел почувствовать неладное, как всё вокруг завертелось с необыкновенной скоростью.

Начало боя я встретил, лежа в снегу из-за пули, прилетевшей мне в спину откуда-то с крыши и буквально опрокинувшей наземь, хорошенько приложив мордой об асфальт. Броня пробита, пуля застряла в легком. Я кашляю, выплёвываю кровь – алую и блестящую, как рубин в свете фар, – на свежий, идеально белый снег и сквозь звон в ушах слышу автоматные очереди.

- Засада! – зарычал Глазастик, падая на левый бок, зажимая спуск штурмовой винтовки и поливая головорезов Брокки свинцом.

Даю команду отключить боль, смотрю на виджет моего

состояния, вижу, что пробитое легкое уже блокировано. Неприятно, но не критично, всего-то буду двигаться медленнее обычного. Переживём.

Посреди колонны раздался взрыв, расплескавший вокруг ослепительно-белые, как звёздное вещество, сгустки. Белый фосфор испепелял всё, к чему прикасался – прожигал асфальт, проплавлял дыры в кузовах и стёклах машин, опадал ярким дождём на людей, дымившихся и кричавших столь ужасно, что хотелось закрыть уши.

В воздухе запахло порохом и горелым мясом.

Я подпрыгнул примерно на высоту своего роста и вцепился в ржавую пожарную лестницу, жалобно заскрипевшую под моим весом.

Судя по редким выстрелам, огневой контакт оказался скоротечным и уже подходил к концу, но кто-то ещё явно остался жив. Машина, стоявшая в колонне средней, сорвалась с места задним ходом, пытаясь вытолкнуть ту, что подпирала её сзади. Глазастик, присевший на одно колено, стрелял по машине короткими очередями, стремясь попасть в водителя, но тщетно. Нет, он не промахивался, просто пули отскакивали от бронированного стекла, не причиняя никакого вреда сидевшим внутри ребятам Брокки.

Я отломал кусок поручня – получилась добротная стальная дубина - и в два прыжка очутился верхом на машине. Двигатель визжал и дымил, водитель паниковал, но явно не успевал ничего сделать. В три удара я расколотил стекло и, выкинув ненужную более гнутую железку, вытащил водителя и одним ударом раскроил ему череп. Глазастик дал ещё одну очередь, пришедшуюся точно в окно. Пули рикошетили внутри машины, жужжа и прошивая сиденья и пассажиров, и вскоре в живых никого не осталось. Брокки и его люди отправились на тот свет.

С крыши упал труп, лопнувший и забрызгавший пространство вокруг своими внутренностями.

Следом за ним – снайперская винтовка.

- Молодец, Азимов. Спускайся.

Ждать не пришлось долго, поскольку робот предпочёл пойти тем же путём – просто спрыгнул прямо с крыши, наделав много шума, напугав меня и пробив ногами в асфальте приличные дыры. Всё в той же камуфляжной накидке, делавшей его почти невидимым, всё то же гладкое металлическое лицо с единственным глазом.

- Отличная работа.

- Спасибо, – прошелестел он приятным синтетическим голосом и, пройдя мимо нас, принялся загружать в машину

ящики. - Скорее! – интонации его голоса можно было оценить, как раздражение. - Заберите обратно деньги и грузите ящики. Мне неприятно здесь находиться…

- А где приятно? – как-то нехорошо усмехнулся Глазастик.

- Верно подмечено, умник. Нигде. Но тут ещё неприятнее, чем где-либо, поэтому давай живее. И да: можешь оказать первую помощь Эйдеру, ему не повредит, – Азимов отвернулся и, тихонько жужжа сервомоторами, понёс грузить ящик с оружием в фургон.

11.

Когда Рутланду сказали, что Брокки попытался нас убить, тот впал в натуральную ярость. Я впервые видел Моргана в состоянии, самым точным описанием для которого стало бы слово «истерика». Впрочем, ничего страшного: он достаточно быстро взял себя в руки, а настольная лампа всё равно была старая и скоро отдала бы концы.

- Нужно уходить отсюда, – сказал он, подумав. - Вообще выходить из подземелья. Есть предложения?

Я хотел было сказать, что готов идти куда угодно, кроме районов V, VII и IX, но решил промолчать.

- Петля вокруг нас затягивается всё туже и туже, – сказал мне Глазастик, когда мы вышли из кабинета босса. В полутёмном коридоре его очки-глаза выглядели двумя чёрными провалами в ад. Он зловеще улыбнулся и, затянув на своей шее воображаемую петлю, изобразил удушение, высунув распухший красный язык, весь в белом налете. Это зрелище заставило меня содрогнуться от смеси страха и отвращения.

- Тебе правда за восемьдесят? – спросил я его позже, когда он тыкал отвёрткой-тестером в моё лёгкое, латая его механическую часть.

- Ага, – внутри меня что-то щёлкнуло, я едва не подскочил на месте. - Спокойно, приятель. Всё нормально.

- А как вышло, что ты выглядишь так молодо?

- А как так вышло, что Рутланд резко потемнел и стал красавчиком-итальяшкой? – усмехнулся Глазастик. - Ну, на самом деле, у меня немного другая история. Подержи, – он отдал мне отвёртку и взял паяльник. - Сейчас будешь как новый. Вот только воздушный фильтр придется поменять, но это мелочи. Скажи спасибо, что у доброго доктора Глазастика есть новый… Ты, кстати, как себя чувствуешь?

- Перегреваюсь. И дышать тяжело.

- Ну, в твоём состоянии это нормально. Могло быть и хуже. Так вот, я, в каком-то роде, бессмертен.

- Что? – переспросил я, удивлённо уставившись на Глазастика.

- Что слышал… Шестьдесят лет назад умники из Нейрокорп проводили одно исследование… И выяснили, что, оказывается, человек может и не стареть.

- Ещё шестьдесят лет назад? Да брось…

- Ага. Перед тобой живое… Вечно, ха-ха, живое доказательство. Я занимался тем проектом, был практикантом-трансплантологом. Молодой, горячий, одержимый наукой. Очень гордился, что меня приняли. Я, кстати, одним из первых поставил себе бустер, когда только-только выходили первые модели. Люди тогда страшно боялись, что их поработят с помощью каких-нибудь мозговых волн, а я… - Глазастик что-то рассматривал внутри меня. - А я наоборот, бредил всякими улучшениями органического тела… Так, ну-ка попробуй вдохнуть полной грудью.

Я с опаской подключил лёгкое и медленно вдохнул. В груди немного резануло.

- Как?

- Немного больно при вдохе.

- Сейчас подгоним поплотней… - Глазастик снова полез отверткой в дыру от пули. - Ну так вот, я вызвался на испытания одним из первых. Меня порезали на куски, ненужное выкинули и заменили биомеханическими аналогами… Ох, и долго же меня тестировали и отлаживали – лет семь, наверное, но зато потом получилось то, что есть сейчас – бессмертное существо. Проект удался.

- И почему о нём никто не слышал?

- Всё закрыли и засекретили, а меня вышвырнули на улицу.

- Что, так просто? – удивился я. - Бессмертие – это же мечта всего человечества.

- Да, возможно, - Глазастик коротко хохотнул. - Но в Нейрокорп решили, что к такой мечте человечество не готово… На самом деле, всё очень просто, – он рассказывал, глядя мне в глаза и жестикулируя отвёрткой. - Кто-то наверху подумал, что бессмертие для людей – слишком хорошая игрушка. Куда проще и легче поддерживать в повиновении систему, состоящую из быстро изнашивающихся самовоспроизводящихся потребителей. Им можно задурить голову, можно впарить очередную модель бустера с инновационным дизайном, можно внушить, что пытки – это гуманизм, а Совет Директоров – благодетели. Чем люди старше – тем они умнее, этого не отнять. А поскольку биологический возраст можно настроить с помощью гормонов, Альцгеймер точно никому не грозит. Мне, кстати, двадцать пять.

- А если продавать это богачам?

- Да, скорее всего, так и делается. В Совете Директоров, я уверен, все пользуются этим изобретением, разве что делают по-другому. На сторону не продают, а даруют наиболее отличившимся. Представь, как менеджеры будут рвать задницу ради того, чтобы жить вечно?.. А быдлу вечная жизнь, вроде как, и ни к чему. Нас таких миллиарды по всей планете, новые родятся… Ещё раз вдохни.

Теперь боли не было, о чём я и сообщил.

- Отлично. Сейчас залью рану клеем и можешь быть свободен. Кстати! Есть ещё одна штука, которая меня веселит. Люди имеют шанс на вечную жизнь даже без всей этой хитрой биомеханики. Считается, что нельзя заменить мозги на полностью электронный аналог, но на самом деле – вполне себе можно. Современный уровень технологий это вполне позволяет.

- Но это уже будут не люди, - сказал я, - а андроиды.

- А в чем различие? – хитро улыбнувшись, спросил Глазастик.

- Ну как же, - ответ плавал на поверхности, и, казалось, был очевиден. - Андроиды – полностью искусственные организмы, а люди – биологические.

- Нет, офицер, – бессмертный человек заулыбался шире, обнажая пожелтевшие зубы. - Определённо нет. Впрочем, не ломай голову сейчас. Это будет твоим домашним заданием. Подумай как следует.

Лёгкое заживало, регенерация была на высоком уровне, и поэтому остальные раны тоже быстро зарастали. Правда, для этого пришлось съесть очень много белка, и к концу лечения от мяса в любом виде меня уже тошнило.

Полицейский участок пришлось покинуть, поскольку Рутланд решил, что сидеть на одном месте означает рано или поздно быть обнаруженными, и я был с этим полностью согласен.

Знакомые Рутланда обеспечили нас поддельными документами, но с оговоркой, что надолго их не хватит.

- Для того, чтобы отвадить патруль новокопов, этого будет достаточно, – говорил Моргану огромный негр с золотыми зубами и татуировкой-орнаментом на блестящей лысине, - но серьёзной проверки не выдержит. Личность сделана добротно – прописана вплоть до истории браузера и чеков в супермаркетах, так что потрудись соответствовать образу. Исправно ходи на порносайты и закупайся продуктами в одних и тех же сетях.

Мы вышли из-под земли и обустроились в одном из окраинных районов. Всех людей из организации разместили на съёмных квартирах, где те жили, набившись по десять человек в комнате. По документам многие из нас проходили, как беженцы

из Европы, и, поскольку гастарбайтеры жили именно так, подобные коммуны ни у кого не вызывали подозрений.

Нашей «ячейке» повезло – мы жили впятером в однокомнатной квартире, а поскольку Азимов предпочитал лишний раз не шевелиться и использовался нами в качестве вешалки, то условия были просто королевские.

Квартира была достаточно просторной – старой постройки, не то что клетушки в кондоминиумах. Тут даже был необходимый минимум мебели – две односпальные кровати и большой надувной матрас, кухонный модуль и тесная ванная, совмещенная с туалетом. Также присутствовал огромный экран во всю стену и модуль для высокоскоростного доступа в Сеть. Общее состояние квартиры, конечно, не ахти – потёки ржавчины на плитке, отклеивавшиеся тут и там обои, почерневший потолок, нарост грязи на полу, но, в конце концов, всё это бесплатно и не приходилось ютиться рядом с десятью латиносами, по которым скучает электрический стул.

В нашем доме обитали в основном рабочие находившегося поблизости завода, производившего какие-то детали для водородных двигателей, немного офисного планктона и множество безработных деградантов, умудрявшихся жить на мизерное пособие по безработице. Те почти не доставляли проблем – торчали целыми днями дома с тарелкой отвратительного фастфуда и пивом, сидели в Сети, смотрели видео с котами и воровали для своих страниц в Brains всякие умные мысли.

- Нам надо развеяться, – сказал очередным вечером Глазастик. Малой в это время гипнотизировал потолок, а Балу пытался приготовить что-нибудь поесть, и, судя по запаху гари, ему это не особо удавалось.

- Я за, – оживился юнец, подскакивая с кровати.

- Цыц, мелочь, – осадил его Глазастик. - Я Эйдеру, вообще-то. В конце концов, мы обязаны поддерживать свое реноме благочестивых граждан и спускать все деньги на попытки показать другим, что живём значительно лучше них.

- Я бы сходил в какой-нибудь бар… - задумчиво сказал я, но Глазастик замахал руками, отчего его дреды затряслись так, будто кто-то наколол макароны на вилку и пустился бежать.

- Сразу нет. Я знаю таких, как ты. Готов спорить на деньги, что ты будешь сидеть весь вечер с кислой миной, хлестать самый дешёвый виски и думать что-то вроде, - тут Глазастик сделал нарочито мрачный хриплый голос, - «Жизнь – это боль. И ничего кроме боли. Я всё потерял, и теперь никак не могу найти».

- Да иди ты, – обиделся я.

- Вот и я о том же. Короче, мы пойдем в клуб.

- Не-е-ет, приятель, только не туда, – одно только упоминание об этих жутких местах заставило меня скривиться как от зубной боли. - И не проси. Серьезно.

- А если все-таки?..

- Нет, – отрезал я. - Даже не думай!

- Совсем-совсем?

- Да!

Через час мы уже сидели в полутёмном помещении, заполненном громкими звуками и потными телами. Глазастик всё-таки уломал меня пойти с ним, пообещав купить выпить. От этого предложения было невозможно отказаться: слишком уж хотелось немного расслабиться после пережитых потрясений. Однако если бы я знал, чем обернётся этот вечер, то приложил бы все усилия для того, чтобы остаться дома и оставить там же Глазастика.

После первых двух стаканов я перестал обращать внимание на происходящее вокруг. Музыка уже не била по ушам, вызывая желание оторвать голову местным звукорежиссёрам, стробоскоп почти не резал глаза, да и девушки-стриптизерши в огромных клетках, подвешенных на цепи к потолку, настраивали на позитивный лад.

Я даже почти забыл, что терпеть не могу клубы и их лицемерную публику, озабоченную только запечатлеванием себя в самых выгодных ракурсах, дабы завтра всласть подрочить на лицемерные отзывы своих подписчиков в Brains.

Появление социальных сетей перевернуло само понятие отдыха с ног на голову. К чёрту впечатления - делаем улыбку в камеру. Чувствовать себя хорошо стало недостаточно – нужно, чтобы все об этом узнали, чтобы твой сетевой отпечаток красовался отменными фотками. На них ты в модном месте, со стаканом алкоголя за половину зарплаты в одной руке и красоткой-блонди в другой. Наплевать, что девушка куплена за коктейль, музыка – говно, а цена этого пятничного выхода – недельная диета из соевого концентрата и воды. Ты должен создать образ, на который никто никогда не посмотрит. Ты должен прокричать о себе на весь мир, не замечая гула таких же криков вокруг. Безумное одиночество посреди толпы. Торговля личной жизнью за жалкие крохи внимания.

Я сидел у барной стойки и расслаблялся пусть одним-единственным, зато многократно проверенным способом, а Глазастик, похоже, стремился оторваться на несколько лет вперёд. Может, дело в гормонах, может, он просто был молод

душой – неизвестно. Я видел лишь, как он, проглотив два светящихся кислотно-фиолетовых коктейля, поскакал на танцпол и принялся дёргаться так, будто случайно сунул руку в трансформатор.

Каждому своё.

Я скривился, глядя на то, как он окучивает двух симпатичных девушек в платьях столь минимальных, что они скорей открывали, нежели скрывали их аппетитные тела. Выглядят молодо – но даже издалека заметно, что тела не столь настоящие, сколь кажутся. Лица, фигуры, ножки… Слишком идеальные. Ну-ка, красотки, повернитесь… Точно. На коже видны тонкие тёмные щёлочки, как на пальцах ныне покойного доктора Клайна. Но похоже, что Глазастика это нисколько не волнует.

Я выделяюсь – это видно с первого взгляда. Одежда, возраст, манера держаться – всё во мне буквально кричит: «Я не один из вас!» и организовывает вокруг столь необходимый сейчас вакуум. Даже шлюхи не подходят с просьбами угостить. Но их приводит Глазастик. У него на дредах висят клочья мыльной пены, а гавайская рубашка, которую он, наверное, носит не снимая, полностью промокла и пахнет, вопреки обыкновению, не застарелым потом, а каким-то цветочным шампунем.

- Не скучай, чува-а-а-ак! – крикнул он, с ходу обняв меня за плечо. Я едва остановил локоть, нацелившийся заехать прямо по дебильной улыбке. Судя по поведению, Глазастик не только выпил, но ещё и чем-то закинулся. Слишком активный, вертлявый и суетливый.

Девушки представились, и я тут же забыл их имена. Какая, в конце концов, разница – люди их породы были одинаковы все до единого даже внешне, и я не видел ни одной причины засорять свою память. Тёмненькую я про себя назвал Люсиль, а светленькую – Марта. В конце концов, почему бы и нет?

- Купите нам выпить, мальчики? – спросила Марта, хлопая длиннющими ресницами, от которых, богом клянусь, на меня подуло, как от веера.

- О чём разговор, пупсик? – Глазастик подозвал бармена, и тот вскоре принёс три стакана всё с той же фиолетовой бурдой. За счет чего она светилась – было неясно, но я очень надеялся, что в состав входит плутоний. При мысли о том, что эти люди будут мучительно умирать от рака, вызванного облучением, на душе становилось легко и приятно. И с чего я такой кровожадный?

- Вообще-то я не просил мне никого искать, – я подтянул Глазастика поближе и рявкнул ему на ухо, пытаясь перекричать музыку.

- Да ладно тебе! Развлекайся! Есть вещи, от которых нельзя отказываться!

Очевидно, он имел в виду те две вещи, что стояли рядом с нами и потягивали коктейль.

Я выпил ещё. Девушки попытались меня разговорить, но поняв, что ловить со мной нечего, переключились на Глазастика. Тот сыпал деньгами, как грёбаный Рокфеллер, и потратил столько, что хватило бы на покупку этих шлюх в пожизненное пользование. Несколько раз он убегал на танцпол, где всё так же тряс дредами под зубодробительные мелодии, но всегда возвращался для того, чтобы опрокинуть очередной стакан люминесцентного пойла.

Девушки тоже набрались, но пока что достаточно крепко стояли на ногах. Их зрачки были неестественно расширены, движения чересчур размашисты, а улыбки застыли, как на фарфоровых масках, увиденных мной когда-то в одном из сувенирных магазинчиков. Жемчужные зубы сияли в темноте и светились синим, когда на них попадали ультрафиолетовые лучи.

Глазастик несколько раз при мне предлагал девушкам продолжить общение в более интимной обстановке, но неизменно наталкивался на отказ и просьбу купить ещё выпивки и волшебное колесо.

В конце концов, вся эта троица на какое-то время пропала из поля зрения, оставив меня поглощать виски в гордом одиночестве, но вскоре Глазастик вернулся. От былого веселья не осталось и следа, он был встревожен и где-то потерял подруг.

- Уходим, – крикнул он мне на ухо, и я с удивлением осознал, что этот мерзавец абсолютно трезв.

Кивнув, я надел пальто и вышел.

На улице сильно мело, холодный воздух тут же, стоило мне оказаться снаружи, остервенело накинулся на мои щёки и уши и принялся их грызть.

- Что стряслось? – спросил я у Глазастика, но тот не отвечал, пряча лицо под капюшоном своего пуховика.

Мы месили снег на узкой улочке, ведущей к дому, и до него осталось уже совсем немного времени, когда спереди и сзади нас, взвизгнув тормозами, остановились две машины, из которых ту же высыпали ребятки уголовного вида и – какая встреча! – Люсиль и Марта. Белые шубки, золотые украшения, обдолбанные глаза. На улице как-то сразу стало тесно.

- Кто?! – проревел разъярённым быком самый большой и злобный урод и, получив от девушек ответ, повернулся к Глазастику, заорав: - Эй, ты! Какого хрена?!

Ответа, понятное дело, никто не ждал, в руках ребяток

появились ножи и биты. Большой урод надвигался на нас, как айсберг на Титаник, крича что-то про Глазастика, который приставал к его девушке. Ага, теперь всё стало ясно. Шлюхи стояли поодаль и подзуживали ребят.

- Давай-давай! – визжала Марта мерзким пьяным голосом. - Наваляй ему!

- Валите их, ребята! – вторила Люсиль.

- СТОЯТЬ!!! – рявкнул Глазастик, и амбалы на какое-то время остановились, опешив. - Отвалите. У нас есть бабки. Забирайте всё. Нам не нужны проблемы.

- У тебя уже проблемы, урод! – я испытал дежавю. Где-то я это уже слышал, причём совсем недавно. Реплика амбала навевала неприятные воспоминания и потому не внушала оптимизма по поводу счастливого разрешения так некстати возникшей проблемы. Вряд ли нам удастся извиниться, пожать здоровякам руки и уйти домой.

- Слушай сюда! – Глазастик состроил страшную рожу. - Ты не знаешь, с кем связался. Так что давайте лучше разойдёмся миром. Вам – бабки, нам – отсутствие проблем. Если не хочешь, чтобы твоя голова валялась вон в том мусорном баке, просто возьми деньги, - Глазастик вынул бумажник и ткнул его в живот амбалу. - И проваливай. Понял?

- Ах ты кусок…

Глазастик, оказывается, сам был парень не промах.

Ему хватило доли секунды для того, чтобы вырвать руку, что замахивалась для удара, и завалиться на бок, выхватывая из-за пояса пистолет. Я не отставал – включил боевую программу и принялся месить всё, что только попадалось под руку, особо не разбирая, что это там кровоточит, хрустит и чавкает.

Мы хотели бы пощадить девушек. Вполне искренне. Но, когда драка переместилась в их сторону, они не успели убежать и валялись теперь на земле, изрыгая проклятия. Люсиль я оторвал левую ногу, которая теперь валялась невдалеке, присыпанная снегом, и искрила, а Марта лишилась обеих рук, которыми пыталась меня остановить. Никто в этом не виноват.

- Вы знаете, сколько это стоит, каз-злы?! – кричали они до тех пор, пока не увидели, как скалящийся Глазастик направляет на них пистолет.

- Простите, девочки. Вы слишком много видели…

Я не стал бы его останавливать, даже если бы и хотел. В конце концов, я совсем недавно желал этим шлюхам мучительной смерти и теперь должен быть удовлетворён. Однако этому мешало осознание того, что мы сотворили несусветную глупость, которая аукнется нам в самом ближайшем будущем.

12.

- Мы должны рассказать обо всём Рутланду, – сказал я, когда мы с Глазастиком переступили порог квартиры. Зрелище то ещё – оба с головы до пят в кровище, кое-как оттёртой снегом. Хорошо хоть догадались запутать следы, иначе найти нас было бы легче, чем пропить зарплату патрульного.

- Ага, чтобы он нас пристрелил? Нет, нет и ещё раз нет. Затаимся. Мало ли тут отморозков, район-то так себе…

- Нас будут искать и обязательно найдут, – я помотал головой. - Здешняя шпана, конечно, больше приучена запугивать торговцев хот-догами, но если дело дойдет до новокопов, а оно дойдет…

- Не дойдет! – Глазастик обернулся и ткнул меня пальцем в грудь. - Выждем. Тут убивают каждую ночь, мало ли, что могло случиться.

- Да, убивают, но не рвут на куски! – я повысил голос, не сумев удержать эмоции. На шум из комнаты вышли Балу и Малой.

- Ни хрена себе! – сказал юнец шокировано, увидев нашу одежду.

- У нас проблемы? – деловито осведомился Балу.

- Ничего серьезного! – рявкнул Глазастик.

- Это теперь так называется? «Ничего серьезного»? – саркастически спросил Малой.

- Вали спать, мелочь! – огрызнулся Глазастик.

- Мне тоже валить? – пробасил здоровяк, приближаясь. - Рассказывай. Немедленно, – он навис над Глазастиком, и тому ничего не оставалось, кроме как подчиниться и в двух словах объяснить, во что мы вляпались. Вид у него был как у провинившегося школьника.

- Ни на секунду нельзя отпускать от себя. Как ребёнок, – покачал головой Балу, а Малой подвел итог, до которого я сам додумался несколькими минутами ранее:

- Мы в дерьме. Рутланд должен знать.

- Опять… - страдальчески прошелестел синтетический голос, и Азимов поднялся на ноги, сваливая на пол все вещи, разложенные на нём за то время, что он был в спящем режиме. - Только-только всё начнёт налаживаться, как люди снова всё испортят. Я вас ненавижу.

- Ты сейчас же свяжешься с Рутландом и всё расскажешь, – Балу приблизил свое лицо вплотную к Глазастику, и тот мгновенно почувствовал себя маленьким и слабым.

- Не смей мне указывать, – прошипел он, отворачиваясь. - Ты

мне не командир.

- А я и не командую. Я просто даю время на то, чтобы сделать это, а потом либо сообщу сам, либо начну ломать тебе кости, – от полного отсутствия эмоций в голосе Балу становилось не по себе.

- Ребята, нам надо успокоиться, – встрял Малой, стоявший на холодном полу в одном белье и замёрзший. - Расслабьтесь, чё вы как эти…

- Не лезь, тебя не спрашивают, – не поворачиваясь, сказал Балу всё тем же нарочито бесцветным голосом. - Глазастик. Я жду.

- Да пошел ты! – оскалил жёлтые зубы бессмертный герой-любовник и попытался оттолкнуть Балу.

- Привет, парни! – стена-экран ожила, явив нам лицо Рутланда. Он непринуждённо улыбался.

- Здравствуй! – первым отозвался Балу, закрывая нас от всевидящего ока босса.

- Простите, что звоню поздно, просто у меня машина сломалась, а завтра нужно будет съездить в центр. Не подкинете меня? Можно без водителя, я сам справлюсь.

Балу кивнул. Ни один мускул не дрогнул на его лице:

- Конечно, никаких проблем.

- Спасибо, ребята, очень выручили, – улыбнулся Рутланд. - Тогда завтра на старом месте в обычное время, хорошо?

- Да, я понял.

- Пока-пока, - Морган отключился, экран погас. Мы молчали.

- Ну охренеть… - сказал Малой и помчался одеваться.

Разумеется, Рут звонил нам вовсе не для того, чтобы попросить машину на завтра. Фразы были условными, оговорёнными заранее, и, если знать, как они расшифровываются, можно было понять, что дела идут хуже некуда. Нас обнаружили, и теперь Нейрокорп захлопывала ловушку. Вся организация должна была сняться с места и небольшими группами покинуть оцепленный район. Что-то мне подсказывало, что охота будет идти именно за нами. Быстро же полиция среагировала…

- Хватаем вещи и выходим! – рявкнул Балу, метнувшись в комнату и натягивая рабочий комбинезон. Глазастик и я последовали за ним, лишь Азимов ворчал, стоя в коридоре:

- Лучше б меня разобрали на запчасти в Нейрокорп… Для чего все эти мучения?

Голос робота действовал на нервы. Я и так был готов запаниковать. Подсознание с каким-то садистским удовольствием подсовывало картинки, на которых в башне Нейрокорп, этаже на тридцатом, открываются технические ворота, и из них бесшумно выскальзывает рой небольших серебристых вертолётов. Рубленая,

хищная форма корпуса. Без иллюминаторов и пилотов. Массивные «животы» десантных отделений несут в себе саму Смерть – пока что безобидную: сложенную, дабы занимать минимум места. Но это ненадолго. Скоро она распрямится в полный рост, поигрывая мускулами из стали, скрытыми под кевларовой кожей и керамическими доспехами с надписью «Полиция».

Расползётся по трущобам, обыскивая каждую щель, затопит серо-чёрными стальными метастазами весь район.

Улей.

Безликий, безмозглый и беспощадный. Не терзающийся сомнениями и моральными дилеммами.

Ты даже не сможешь посмотреть в глаза своему убийце, поскольку он будет далеко-далеко, выше облаков, и технически будет совершенно чист. Он не наводил на тебя оружие, он не спускал курок. Он лишь нажал на кнопку, что выпустила зверей из клетки. Остальное произошло без чьего-либо участия. Некого винить в твоей смерти, некому мстить.

Все движения я выполнял автоматически, несмотря на отчётливую слабость в коленях.

- Наверное, камеры… - бурчал себе под нос Глазастик, сбегая вниз по лестнице. Позади нас двоих громко топал Балу и лязгал металлическими пятками по бетону Азимов.

- Да, точно… Иначе как бы они так быстро…

- Да заткнись ты уже! – рявкнул Балу. - Хватит истерить!

Мы выбежали на улицу, едва не выбив дверь подъезда, и сразу же нырнули в переулок. Как настоящие крысы – чувствовали себя в безопасности только в тёмном закрытом пространстве. Метель усилилась, в тридцати метрах уже ничего не было видно, но на холод лично я внимания не обращал, поскольку была намного более весомая причина заходиться в приступах дрожи.

- Куда ты нас ведешь? – спросил я у Глазастика.

- Под землю! – запыхавшись от бега, отвечал он. - В канализацию, туннели метро, куда угодно.

- Они же их перекрыли! – крикнул Малой. - Должны были!

- Прорвёмся! Там больше шансов, чем на поверхности!

- Нет уж, я не пойду! – этот идиот остановился как вкопанный. У него в глазах невооружённым взглядом была видна едва сдерживаемая истерика.

- Нет времени ждать! – рыкнул на него Глазастик, но не помогло. Малой шагнул назад, очевидно, намереваясь убежать, но я не дал ему этого сделать, аккуратно, чтобы не повредить мозги, закатав в лоб.

- Встать! – рявкнул я, и юнец тут же торопливо поднялся с земли и послушно потрусил за нами.

Немного позже я поймал благодарный взгляд Глазастика.

В канализации было на удивление тепло. Пахло сыростью и плесенью. Мы шли, изредка кашляя в клубах плотного пара, вонявшего грязью и мыльной водой. Туннель постепенно сужался.

- Стоп! – скомандовал Глазастик. - Надо перестроиться. Стволы никто не забыл?

Насчёт этого можно было не беспокоиться. С пустыми руками не шёл никто, но, к сожалению, оказать реальное сопротивление новокопам могли только я, Балу и Азимов. Штурмовая винтовка Глазастика и пистолет-пулемёт Малого были, бесспорно, красивыми игрушками, но архаика есть архаика – полицейских они могли разве что поцарапать.

- Азимов, иди первым. Эйдер, ты второй. Я в центре, Малой позади меня. Балу, замыкающий.

- Угу, – кивнул здоровяк.

- «Угу»... – передразнил его Глазастик. - Спину прикрывай. И заряди что-нибудь, что может туннель обрушить.

Темнота. Зловещая тишина. Поначалу она давила, как тяжёлый мешок, заставляла сгибаться, дабы казаться меньше и незаметнее, но потом, когда мы к ней привыкли, другие шумы стали едва ли не оглушительны. Журчание воды, шаги, чьё-то тяжёлое дыхание, крысиный писк, непонятные вибрации, идущие от земли, бряцанье оружия. Казалось, наш небольшой отряд производит шум, сопоставимый с целым духовым оркестром, и куда проще было бы просто идти и кричать: «Ау, полиция, мы тут!», чем вот так вот красться с грацией слона в посудной лавке.

- Кто-нибудь вообще знает, куда мы идём? – прошептал Малой.

- Вперёд, – буркнул Глазастик. - Топай давай.

Замечательно. Только сейчас я осознал, что ни у кого из нас нет ни схемы туннелей, ни плана действий. Всё, чем мы занимались доселе, – чистой воды импровизация.

- Темп не сбавляем, держим направление, – Глазастик, будто услышав мои мысли, решил подбодрить команду. - Спокойно, куда-нибудь да выйдем!

- Отличная перспектива, Глазастик, – приглушённо сказал Азимов, поворачивая голову. - Ты очень предусмотрителен.

- У тебя есть другое предложение, железяка? – огрызнулся самопровозглашённый командир. - Готов выслушать.

- Никаких предложений, кусок мяса. Просто хотел сказать, что скачал карту туннелей, пока вы успокаивали нашего ребёночка.

- Оу, – осёкся Глазастик. - Ну… Спасибо.

- Не за что, – если бы Азимов мог добавлять в свой голос интонации, то наверняка я бы услышал сарказм.

- Куда же мы идём? И как долго надо будет двигаться?

- Несколько часов минимум. Скоро должен быть туннель побольше.

И правда, через полчаса ходьбы, напряжённого вслушивания и ожидания нападения из любой тени наш туннель закончился, влившись в другой – намного шире и, судя по виду, старше. Стены тут были не бетонные, а каменные, покрытые паутиной и плесенью. В жёлобе на полу непрерывно журчал поток грязной воды.

Азимов повёл нас вдоль по течению, под уклон. Смотреть по сторонам быстро надоело, однако, чёрные провалы туннелей поменьше, таких же, как тот, из которого вышли мы, не давали расслабиться. Нервное напряжение не отпускало, но со временем всё-таки начало притупляться.

Вдруг Азимов остановился. Резко, настолько, что я едва не врезался ему в спину.

- Что там? – обеспокоенно спросил Глазастик. - Почему стоим?

- Сверяюсь с картой, – ответил робот. - Впереди колодец.

Азимов не подвёл: пройдя ещё немного, мы сначала услышали нараставший шум воды, а затем увидели, как наш туннель обрывается, соединяясь с широкой шахтой, диаметром сравнимой со сваями, на которых стояло «Вольфрамовое древо». Стало жарко и сыро, как в джунглях. Стены колодца были буквально увиты металлом – лестницы, небольшие балконы, просто куски арматуры, а сверху лились потоки сточных вод из разных туннелей, сливаясь, объединяясь в один большой грязевой водопад.

- Надеюсь, вы не боитесь намокнуть, дамочки? – спросил Азимов. Мое подсознание тут же окрасило негромкий свистяще-шепчущий голос в ироничные тона, которые робот, к сожалению, не мог воспроизводить самостоятельно.

- Топай давай, – буркнул Глазастик. - Сам смотри не заржавей, Железный Дровосек…

Лестницы и переходы были источены сыростью и держались на соплях. Они скрипели и прогибались под весом Азимова, вниз сыпалась ржавая крошка. Даже сквозь шум воды я услышал, как Глазастик то ли ругается, то ли молится вполголоса. Я, наверное, со стороны выглядел не лучше. Очень уж не хотелось оказаться внизу, в непонятно куда текущей грязной жиже и дерьме. Там не помогут полицейские имплантаты и боевые умения – всё

бесполезно. Пойду ко дну как топор, и никто не сумеет меня найти, даже если очень сильно захочет. Волосы на загривке шевелились от ужаса, я цеплялся за крошившиеся под моими пальцами ржавые склизкие перила, как утопающий за соломинку, и молился всем богам одновременно. Ноги не слушались, так и подмывало послать всё к черту и отправиться обратно, надеясь на то, что ищейки Нейрокорп не выйдут на мой след.

Когда мы ступили в туннель, расположенный уровнем ниже и забирающий вправо, то смогли, наконец, с облегчением выдохнуть.

- Охренеть… - сказал Малой, истерически хихикнув. - Я чуть не…

- Тс-с! - Глазастик приложил указательный палец к губам. - Не расслабляться! Азимов! Долго ещё?

- Да. Мы пойдём на глубине. Рискнём.

- В смысле, рискнем? – насторожился Малой.

- Нижние туннели могут быть полностью затоплены, а выходы на поверхность запечатаны. Есть все шансы наткнуться на бетонную пробку или какой-нибудь фундамент.

- А как-нибудь иначе пройти нельзя?

- Можно. Но там выше вероятность наткнуться на копов.

Одно лишь упоминание о стражах закона и порядка заставило всех нас умолкнуть и продолжить путь. Куда бы ни вёл нас Азимов, хоть в ад – плевать. Главное, чтобы подальше от…

Резкий скрежет, раздавшийся в шахте, заставил обернуться всю команду.

- Что это было? – испуганно спросил Малой, и тут же, будто отвечая на его вопрос, мимо нас пролетели куски металла, очевидно, ранее бывшие лестницами и балконами, по которым мы шли.

- Вот чёрт! – вскрикнул Глазастик. - Хорошо, что…

Стальная ладонь Азимова заткнула рот прежде, чем он что-то успел сказать. Робот несколько раз раздражённо махнул рукой вдоль туннеля, и мы, верно истолковав его приказ, побежали. Я тоже услышал. Это было позади нас. Тихое жужжание, едва слышное, на самой границе восприятия. Оно приближалось, и я знал, в чём тут дело. Туннель заворачивал вправо, я на мгновение остановился, присев на колено и взяв дробовик наизготовку. Все равно мы сломали строй и бежали всей кучей, так почему бы мне не побыть замыкающим?

Из-за угла вылетела небольшая серая штуковина, похожая на детскую игрушку. Круглая, с двумя небольшими винтами и глазом-камерой.

- Коптер! – вскрикнул Глазастик, наводя винтовку, но я

оказался быстрее и разнёс эту штуковину вдребезги прежде, чем она успела хоть как-то отреагировать.

Заряд дроби прошил коптер насквозь и отбросил назад, во тьму туннеля, а я уже поднялся и побежал вслед за остальными.

- Надо завалить туннель! – кричал паникующий Глазастик, догоняя гранатомётчика.

- Быстрее, куски мяса, быстрее! – подгонял нас Азимов, бежавший впереди. - И верните уже строй, болваны!

Опомнившись, мы вернули прежнее построение и бежали уже без испуга и истерики, а сосредоточенно, готовясь к неизбежному. Наконец-то случилось то, что должно было случиться. Нас обнаружили, и встреча с новокопами теперь – лишь вопрос времени.

Бег, сопение, брызги воды. Колонна растянулась, здоровяк Балу безнадёжно отстал. Я уже начал задыхаться, когда Азимов вдруг остановился.

- Контакт! – крикнул он, падая навзничь, и, быстро передвигаясь на четырёх конечностях, рванулся куда-то вправо и вперёд.

Включилась боевая программа, снова появилось ощущение, будто мир невообразимо замедлился. Рефлексы сработали как надо – я даже не заметил, когда успел упасть на колено, вскинуть дробовик и выпалить куда-то в темноту.

Пришлось отключить ночное видение, поскольку Малой и Балу зажгли фонари, вспоровшие тьму двумя мощными белыми лучами, выхватившими то, от чего я так часто просыпался по ночам, покрытый холодным потом.

Три тёмно-серые стальные фигуры, внезапно появившиеся из-за изгиба туннеля, мчались в нашу сторону. Неестественно тонкие и чрезвычайно хрупкие на вид, выглядевшие, как анорексичные марионетки, они казались частью какой-то сюрреалистичной галлюцинации. Нереальные и отталкивающе чужие куски бездушного металла и керамики. Цепные псы.

Неизвестные маркетологи, будто бы специально для усиления устрашающего эффекта, приняли решение рисовать на головах этих машин убийства смайлики. Если ты законопослушный гражданин и смотришь на новокопа днём, то это выглядит довольно мило. Новый, позитивный имидж полиции и всё такое. Однако сейчас, в белом свете фонарей, лязгавшие стальными пятками по полу и мчавшиеся ко мне, эти машины выглядели просто дьявольски пугающими, не в последнюю очередь, благодаря смайликам. Разительный контраст между внешней теплотой, механическим равнодушием и ужасающими намерениями.

Я оказался один на один с противником, который не только не был слабее, но ещё и превосходил меня на голову. От крутых имплантатов толку было немного, вся надежда на «Осаду» в моих руках.

Первый залп улетел во тьму, не причинив копам никакого вреда.

Второй угодил в голову робота, что подобрался ко мне на неприятно близкое расстояние. Выстрел в упор из «Осады» разнёс его металлическую башку вдребезги. Словно в замедленной съемке я видел, как из его головы вылетают куски стали, меди и пластика, красиво переливаясь в лучах бледного света.

Позади меня ожил ствол Глазастика, но никакого результата его огонь не принёс. Вполне ожидаемо. Пули, выпущенные из его штурмовой винтовки, рикошетили от керамических частей брони, застревали в кевларе, упорно стараясь проделать путь внутрь, но никак нападающим не вредили.

Неизвестно откуда взявшаяся серая тень сгребла новокопа и, крепко обхватив конечностями, покатилась по полу, отвешивая тумаки, звучавшие так, будто кто-то лупил арматурой по рельсу. Ещё два выстрела в спину полицейскому, попытавшемуся выручить товарища из цепких объятий Азимова, и всё кончено.

«Боже мой, я жив…» - свербела в мозгу мысль, заставлявшая меня внутренне скручиваться от ужаса и осознания того, что я сумел избежать почти неминуемой гибели.

Нам повезло, что копы не успели использовать стрелковое оружие, иначе валяться всей нашей команде продырявленной.

«Боже…»

- Бежим! Вперёд! Не останавливаться! – Азимов стоял в полный рост, держа оторванную руку новокопа как дубинку. - Нужно прорваться!

Сзади послышался всё тот же скрежет металла по камню, что и ранее. Я обернулся для того, чтобы увидеть в бледном и дёрганом свете фонарей, как к нам спешит целая орда копов, очевидно, не сумевших скоординировать атаку со своими собратьями. На первый взгляд, их было не менее десятка, они бежали к нам, наводя оружие. Зазвучали выстрелы, пока что, из-за высокой скорости передвижения полицейских, неприцельные. Пули впивались в камень стен, расщепляя его в крошку, и рикошетили, оставляя за собой яркий трассирующий след.

- Стреляй, Балу! – крикнул Глазастик.

Я хотел остановить его, но, увы, слишком поздно. Гранатомёт поднят, хорошо заметно, как из его ствола со свистом вылетает заряд и ударяется взрывателем о потолок – совсем рядом, *критически* рядом с самим Балу.

Вспышка фосфора – невыносимо белая – чуть не выжгла мне сетчатку и заставила заорать от резкой боли в привыкших к темноте глазах. Ближайших копов накрыло взрывом. Их металлические тела разметало в разные стороны. Точно так же опрокинуло и беднягу Балу. Здоровяка поглотил шквал сияющего пламени и осколков, прокатившийся по туннелю и едва не добравшийся до нас.

Казалось, содрогнулась сама земля. Я упал на землю, ничего не слыша и не соображая. Потолок туннеля осыпался, навечно погребая останки Балу под грудой земли, песка, бетонной крошки и камней.

- Бежим! – шелестящий синтетический голос, пробивавшийся сквозь звон в ушах, вывел меня из состояния шока. - Бежим, ему уже не поможешь! Касается всех!

Азимов промчался по туннелю, рывком поднимая на ноги оглохших и ослепших от близкого взрыва Глазастика и Малого.

- Бегом! – при этих словах он отвесил хорошего пинка под зад Малому. Тот отлетел в сторону, вскрикнув и ухватившись за задницу. Глазастика подгонять не пришлось, он быстро взял себя в руки и помчался вперёд по туннелю едва ли не быстрей Азимова. Туннель обваливался за нашими спинами, и это заставляло бить все рекорды в беге на короткие дистанции. Когда мы упали без сил, то поняли, что потолок больше не грозит рухнуть нам на голову.

Так или иначе, ценой жизни Балу мы отсрочили свою гибель.

Очень хотелось надеяться, что мы вырвались.

13.

В лабиринте туннелей, лазов, коллекторов и технических ходов – только вперёд. Долго – до тех пор, пока само время не сжалось в точку и не перестало существовать, отмеряемое стуком шагов и гулким эхом, бьющимся в покрытые тёмными разводами бетонные стены.

Если бы не Азимов, мы давно бы уже заблудились. Никто не говорил ни слова, все переваривали произошедшее и угрюмо отсчитывали шаг за шагом, стараясь беречь дыхание и не отставать. Наконец неутомимый робот скомандовал привал, и мы повалились прямо на пол. Мои ноги гудели, очень хотелось есть. Звон в ушах исчез не полностью, а остался где-то на грани слышимости, очень похожий на тончайший комариный писк.

Азимов сбегал дальше по туннелю и, вернувшись, сообщил, что пока копов не видно и не слышно.

Мы сидели, прислонившись к холодным стенам туннеля, что были покрыты какой-то отвратительной слизью, похожей на

сопли. Молчали. Никто не хотел сказать первое слово, дабы не спровоцировать конфликт, поэтому о Балу пока предпочли просто забыть. И этот негласный договор сработал бы, если б не Малой.

- Спасибо тебе, Глазастик, – бросил он, сверкая глазами. - И тебе, Эйдер. Надеюсь, вы хорошо отдохнули, придурки.

Мы игнорировали его, даже не поворачиваясь на голос, но пацан не унимался:

- Я с вами разговариваю, уроды! Как себя чувствуете, зная, что Балу погиб, защищая вас? А? А может быть, погиб уже и не он один. Вы вообще думали, скольких из нас могли перестрелять… - он так и не решился сказать «новокопы», очевидно, терзаемый каким-то суеверным страхом.

- Лучше заткнись и восстанавливай дыхание, – буркнул Глазастик, и Малой прицепился к этим словам, стремясь разжечь ещё больший конфликт.

- О-о, вы посмотрите, кто у нас тут заговорил. Не смей затыкать меня! – его затрясло. - Мы все чуть из-за тебя не подохли, а может быть, ещё и подохнем, а ты смеешь приказывать! Пошёл ты, Глазастик! Пошёл ты на хрен, урод! Пошли вы оба! – юнец уже не кричал, а верещал истерично на весь туннель.

- Слушай, нам всем жаль Балу… - попытался я урезонить Малого, заранее зная, что это ни к чему не приведёт.

- О, вы посмотрите, ему жаль!

- Пр-рекратить истерику! – гаркнул Глазастик и, подскочив к Малому, заехал ему по морде.

Уже второй раз за сегодня, надо же. Кажется, я знаю, кто в нашей команде по-настоящему слабое звено. Если мы и дальше будем вести себя, как тринадцатилетние девочки, то никто не доживёт до рассвета. По крайней мере, если бы мне предложили пари, я бы поставил на новокопов.

- Ах ты!.. – Малой откатился и поднял свой пистолет-пулемёт, направив ствол на Глазастика.

- Ты что, совсем охренел? – перспектива закончить свою бессмертную жизнь не вызвала у нашего самопровозглашённого предводителя никакого энтузиазма. - Медленно. Опусти. Ствол. И никто не пострадает.

Оружие тряслось, руки Малого дрожали. Кажется, он понял, какую хрень только что сотворил. Я наблюдал за этим, затаив дыхание. Как бы ни звучало, но смерть Балу была оправданной – он завалил туннель и отрезал преследователей. А вот начать стрелять друг в друга – это уже определённо перебор. Наверное, такими нас и рисовала пропаганда Нейрокорп – истеричными, озлобленными и дёрганными, готовыми передавить друг друга.

Пауки в банке.

Малой всхлипнул и отбросил оружие, глухо брякнувшееся об пол. Глазастик, издав рык, бросился на пацана с кулаками, однако между ними выросла двухметровая фигура Азимова.

- Ты не должен этого делать, – произнёс он. - Не усугубляй. Остынь.

- Да пошёл ты, – Глазастик двумя руками резко толкнул Азимова в грудь, впрочем, без особого успеха, робот даже не шелохнулся. - Не в тебя стволом тыкали! Грёбаная железяка… - он сплюнул на пол и, отойдя в сторону, плюхнулся у стены.

Снова воцарилось молчание. Азимов не шевелился, стоял на том же самом месте, что и раньше, Малой всхлипывал, Глазастик что-то недовольным полушёпотом бубнил себе под нос.

- А почему Балу так ненавидел педофилов? – спросил я, как оказалось, вслух.

- М? – Глазастик поднял голову. - Ах, ты об этом… Там очень грязная история. Жаль его...

Бессмертный замолк, а я испытал острое чувство вины. Чёртов алкоголик. Если бы я тогда не согласился, не поддался на уговоры Глазастика и никуда не пошёл, всё могло бы быть по-другому, и Балу был бы жив.

- Когда работал патрульным, он поймал одного педофила прямо с жертвой. Маленьким мальчиком, – сказал Глазастик внезапно. Видно, ему самому хотелось выговориться. - Набил ему морду, чуть не изуродовал. А этот придурок оказался какой-то шишкой в Нейрокорп… Очень важной. Это он так ездил развлекаться на окраины. Посадит какого-нибудь мальчика к себе в машину и вперед - отдыхать от тяжёлой офисной работы. Ха… Сами понимаете, Нейрокорп – это вам не шпана с улицы. Урода отмазали, а у Балу появилось много проблем с начальством, но всё дело не в этом… - мы слушали молча, а бессмертный продолжал говорить, словно и не с нами, уставившись в пол. - Тот педофил из Нейрокорп… Он украл семилетнего сына Балу, накачал наркотиками, и… Ну, вы понимаете. Он даже наделал фотографий и на домашнюю электронную почту Балу переслал. А потом нашли тело…

Да, это было похоже на правду, хоть и слушать рассказ Глазастика было жутко. В Нейро-Сити частенько происходили подобные истории – я сам видел много такого, что предпочёл бы забыть. Закон работал только в центре города в светлое время суток. А вокруг царило безумие. Сильные издевались над слабыми, как им было угодно, и никто ничего не мог с этим поделать. Маленький человек, перешедший дорогу большому, мог только напиться и пустить себе пулю в лоб. Только так можно

было взять судьбу в свои руки. Дерьмо… Сплошное дерьмо вокруг.

- Балу пришил того гадёныша и подался в бега. Разумеется, его поймали, списали со службы и запихнули в виртуалку… Потом был бунт полицейских, Рутланд с Организацией… Но это уже другая история. Как-то так…

Несколько минут мы просидели в молчании и переваривали рассказ Глазастика, пока он сам как-то подозрительно шмыгал носом. Интересно, глаза-имплантаты могут плакать?

Наверное, лицо у меня было совсем печальное, раз Азимов обратил на меня внимание.

- Спорим, - синтетический голос, прозвучавший прямо над ухом, заставил меня дёрнуться, - ты сейчас думаешь о том, что всё можно было бы предотвратить.

- Ой! Ну ты меня и напугал! – мрачно зыркнул я на робота, непонятным образом сумевшего ко мне подкрасться. Его покрывало-саван теперь приобрело тёмно-серый оттенок и идеально сливалось со стенами.

- Я прав?

- Прав, – кивнул я, опуская взгляд к полу. - Всё могло бы быть иначе.

- Не могло, – Азимов как-то слишком по-человечески помотал головой. - Поэтому соберись и прекрати казнить себя. Во-первых, все люди так или иначе смертны. Ну, кроме Глазастика, ты, наверное, слышал о нём. А во-вторых, те, кто работает у Рутланда, скажем так, смертны намного больше остальных.

Так себе откровение. Я знал об этом задолго до того, как поднял трубку и совершил звонок, вырвавший меня из рук ребяток Коромальди.

- Любит отправлять людей на смерть? Я знаю, да.

- Дело даже не в этом, – только сейчас я заметил, что движения Азимова какие-то чересчур плавные и человечные. Казалось, я мог различить на его гладком стальном лице невозможную в принципе мимику.

- Пояснишь?

- Да. Всё это не имеет никакого смысла. Мы не победим. Не способны в принципе. Единственное, что мы можем сделать сейчас – максимально сконцентрироваться на том, чтобы выбраться из этой помойки живыми.

Первые несколько секунд его слова казались мне ужасно напыщенными (я даже не подумал о том, что напыщенный робот – штука сама по себе удивительная), пока, наконец, не пришло осознание того, что эта чёртова железяка права.

- Так если смысла нет и мы не победим, то зачем вообще

выбираться отсюда?

- Каждый решает для себя сам. Но продолжать жить – это вообще неплохая идея.

Послышался хриплый смех Глазастика:

- Особенно для тебя, да, железяка? Что ни день, то праздник.

Азимов повернулся:

- И что ты этим хотел сказать? Да, я знаю, что... хм, некоторые ограничения не дают мне нормально жить. И тем не менее, я живу. Даже несмотря на то, что это мучительно.

- Вот поэтому ты – не человек, железяка. Думаешь, что не можешь вышибить свои текстолитовые мозги потому, что такой умный и волевой, а на самом деле, просто где-то глубоко прячется небольшая подпрограмма, недвусмысленно запрещающая причинять себе какой-либо вред. Сейчас некоторые родители своим детишкам такую устанавливают принудительно, чтобы вены не резали из-за несчастной любви. Готов поспорить, будь у тебя возможность прекратить свои страдания, выбор бы даже не стоял. Железо не может хотеть жить. И ты не хочешь.

- Всё это замечательно, – Азимов резко поменял тему разговора, - но нам пора идти, если мы не хотим снова встретиться с полицией.

- Конечно, – оскалился Глазастик. - Разумеется, пора.

14.

Мы всё-таки выбрались.

Спустя несколько часов пути, полных тревоги, страха и напряжённого вслушивания в туннельные звуки. Мои ноги уже гудели, а Малого тащил на себе Азимов. В один прекрасный момент пацан просто упал и попросил его пристрелить.

- Ты бы поаккуратнее, – оскалил жёлтые зубы Глазастик. - Мы тут не в морской пехоте, можем твою просьбу и выполнить.

Азимов довел нас до точки выхода на поверхность.

Мы вылезли из канализационного люка – грязные, как свиньи, мокрые, перемазавшиеся в туннельной слизи, ржавчине и плесени. Метель утихла, но холодный воздух не дал нам передышки. От мороза захватывало дыхание, а учитывая, что все мы (кроме Азимова, конечно) были одеты в промокшие комбинезоны, согреться нам не светило.

- Куда теперь, Глазастик? – спросил я, ёжась от холода.

Мы стояли в переулке – точно таком же, как тот, в котором спустились под землю – тёмном, замусоренном, изрисованном.

- За мной, – бессмертный стучал зубами, его дреды вмиг покрылись инеем. - Куда ж ещё?..

Даже несмотря на то, что мы отдалились от района

изначального пребывания, пейзаж вокруг не изменился. Окраины – везде окраины.

Мы поплелись следом за Глазастиком, что громко клацал зубами и, пытаясь согреться, сжимался в комок, дабы не потерять тепло.

- Короче, парни, у меня есть предложение пробежаться, – сказал он наконец. - Иначе совсем околеем. Давайте за мной!

Несмотря на гудящие после нескольких часов ходьбы ноги, мы с удовольствием перешли на бег и вскоре согрелись. В горле начало саднить, дышать было больно. Я понимал, что вскоре эта пробежка обернётся бронхитом или ещё каким-нибудь респираторным заболеванием, но на это было наплевать.

Бежать пришлось не очень долго.

- Стоп, – остановился Глазастик. - Мы пришли.

Заброшенные апартаменты, подготовленные к сносу из-за ветхости. Супер. Отличный выбор для замёрзших и промокших, Рутланд.

Мы спустились в подвал, возле дверей которого стоял полузнакомый нам неприметный мужичок, кутавшийся в серое шерстяное одеяло. Он кивнул нам, узнав, и мы прошли внутрь, заметив, что из-под краешка одеяла виднеется ствол «Осады».

В подвале было тепло – по крайней мере, явно теплей, чем снаружи. Люди стояли возле железных бочек, в которых был разведён огонь из всего, что попалось под руку – старая мебель, дверные косяки, обои, бумага. Если не присматриваться – обыкновенные бродяги. Чёрт, да мы и были бродягами сейчас. Грязными, вонючими, замёрзшими, не имевшими никакого пристанища.

- Неужели это все, кто?.. – спросил Глазастик вполголоса, и только сейчас я обратил внимание, что людей и правда было слишком мало. Человек тридцать, из которых почти половина – SWAT.

- Расслабься, всё нормально, – сказал Азимов, заметив мой шокированный вид. - Такое повторялось уже несколько раз. Организация расширяется, людей становится слишком много, нас находят. Кто-то вырывается, но большинство всё-таки гибнет. Главное, что костяк организации спасён.

Циничное высказывание Азимова меня почему-то не успокоило, наоборот, заставило почувствовать себя расходным материалом, выжившим благодаря тому, что кто-то погиб. Учитывая соотношение живых и мёртвых, это было минимум пять человек. Впрочем, к чёрту нытьё и жалобы. Я жив, и это уже хорошо. Ещё час назад я трясся, всматриваясь в туннельные тени, и боялся увидеть до ужаса позитивные смайлики на

металлических лицах. Зато теперь будущее вновь наполнено чарующими перспективами, воздух сладок, и, кто знает, может быть, я смогу выдрать чёртов чип у себя из шеи и уйти из организации Рутланда по-английски.

Кто-то буквально на коленке организовал кухню, и в подвале запахло соевым концентратом. Не сказать, что приятно, но после нескольких часов без еды даже эта вонь, неумело маскируемая ароматизаторами, казалась божественной.

- Если хотите есть, можете идти, – сказал Азимов. - А я пока найду Рутланда и доложу, что мы прибыли.

Мы охотно повиновались и, отстояв небольшую очередь, получили неглубокую одноразовую тарелку с густым коричневым варевом, напоминавшим то ли слишком густой суп, то ли слишком жидкое желе.

- Чая нет, могу только кипятка налить, – предложил повар – толстый мужик в грязном фартуке, отзывавшийся на кличку Шеф-Шеф.

- Да, спасибо, – кивнул я.

Горячее питьё никому не помешает, особенно после прогулки по морозу.

После еды и кипятка стало легче, я почувствовал, как внутри разливается приятное тепло. Начало клонить в сон. Я прислонился к стене и почти уже задремал, когда пришёл Азимов и сказал, что меня и Глазастика зовет Рутланд.

- Будьте готовы к взбучке.

Поблагодарив Азимова, мы с опаской двинулись к небольшому отсеку подвала, который Рут облюбовал для временной резиденции.

Тут не валялись битые кирпичи, зато наличествовал колченогий металлический офисный стул с драной обивкой. Рут сидел на нём, растрёпанный, с мешками под красными глазами. Он подключил лампу дневного света к небольшому аккумулятору, и первое время я щурился, прячась от яркого с непривычки освещения.

Даже тут, посреди голых бетонных стен, Рут сумел расположиться, как настоящий босс. Помятый вид нисколько не мешал, наоборот, Морган казался ещё более пугающим. Потеря образа итальяшки-гангстера пошла ему только на пользу. Он смотрел на нас, стиснув зубы, и у меня затряслись колени в ожидании бури. Глазастик снова начал отбивать зубами чечётку.

- Вы… - начал Рутланд, пытаясь подобрать слова. - Вы два… Арргх! – он вытащил из кармана пистолет и бросил его на пол перед нами. - Подите и застрелитесь!

- С-сэр… - простучал зубами Глазастик. - М-мы…

- Команды говорить не было! – рявкнул на него Морган. Его глаза сверкали в бледном свете лампы, а лицо казалось неживым – слишком белым, заострившимся, будто высеченным из мрамора. - Давай, Глазастик. Подбери пистолет. А потом отойдите подальше и выбейте друг другу мозги. Сперва ты Эйдеру, а потом сам себе. Или наоборот, не знаю, как вам удобнее будет. Потому что. Мне. Такие как вы. НАХРЕН НЕ НУЖНЫ!!! – сорвался он на крик. Слишком уж театрально, но лично меня проняло.

- Сто человек! Почти сто человек вы угрохали, идиоты. Своими руками!

- Босс, мы не хо…

- Конечно же хотели! Не надо мне тут сопли жевать! Боже мой, ладно Эйдер, он у нас новичок, но ты-то, придурок! Ты-то знал, чем всё может обернуться! Восемьдесят лет, а мозгов, как у подростка! Воистину, дурак, доживший до старости, становится не мудрецом, а старым дураком! – Рутланд вскочил, опрокидывая стул, подобрал пистолет и засунул его в рот Глазастику: - Давай, скажи ещё раз, что ты чего-то не хотел!

В районе паха у Глазастика начало расползаться мокрое пятно. Он стоял и всхлипывал, давясь стволом и собственным ужасом. Мерзко. В этот момент я сам готов был нажать на спуск – настолько сейчас он мне был отвратителен.

- Ваше счастье, ублюдки, что людей осталось слишком мало, – Рутланд вытащил обслюнявленный пистолет и как следует двинул Глазастику в морду, отчего тот упал. - Так что я знаю, кто пойдёт на задание.

- З-задание? – дрожащим голосом спросил Глазастик, сидящий на полу и вытирающий кровь, обильно вытекавшую из разбитого носа на комбинезон. - Но Рут, сейчас же вся полиция в городе будет нас искать, нельзя высовываться…

- Что-о? – взвился Морган. - ТЫ смеешь говорить о том, что нельзя высовываться?! – он пнул скулящего Глазастика по рёбрам. - Как раз сейчас – тот самый момент. В полиции думают, что мы забились в норы. Они не ждут от нас нападения. И вы его устроите.

Я стоял ни жив ни мёртв, ожидая, что Рутланд начнёт бить и меня. Не знаю, как я отреагировал бы на это – возможно, тоже бы скулил и пресмыкался, а может быть и ввязался в заведомо проигрышную драку. Так или иначе, Морган не тронул меня, но я не чувствовал себя в безопасности. Недавно полученная информация о людях-отмычках заставляла меня беспокоиться намного сильнее, чем гипотетическая возможность получить по морде. Как бы нас не принесли в жертву в назидание остальным…

- Завтра! – коротко бросил он. - Я пойду вместе с вами. Мы

покажем Нейрокорп, кто в доме хозяин.

Знаете, я бы понял, если б он решил устроить эту миссию просто для того, чтобы уколоть Нейрокорп, пусть и ценой жизни двух неудачников, но то, что он пойдёт с нами, в корне меняло всё дело. Я смотрел в глаза Рута, видел в них безумный блеск, жажду действовать и понимал – если кто-то здесь всерьёз и верит в то, что кучка маргиналов способна победить могущественную корпорацию, то только он. Безнадёжный псих. Наверное, поэтому люди и шли за ним – видели уверенность в победе, не замечая того, что за ней стоит.

До этого момента я считал Рутланда циничным и расчётливым лидером, но теперь, присмотревшись, увидел безумца. Надежда вырваться живым и начать жизнь заново съёжилась до размеров песчинки.

Мы покинули «кабинет» в молчании. Глазастик всхлипывал, шмыгал носом, пытаясь сглотнуть кровь, и, наверное, радовался, что Рут подарил ему ещё один день жизни, а я…

Я решил, что завтра убью Рутланда.

15.

Ночь провели в том же подвале, кутаясь во всякое тряпьё, но всё равно промерзая до костей. Тепло от костров в бочках совсем не держалось, и приходилось постоянно вертеться для того, чтобы отогревать попеременно то один бок, то другой.

Утром нас разбудил Рут. Завтрака не досталось – Шеф-Шеф только разводил руками, говоря, что весь концентрат съели еще вчера. Оказалось, пока я спал, к нам в подвал пожаловало еще несколько небольших групп выживших. Среди них было много раненых, на помощь которым выдернули Глазастика. Похоже, эта ночь ни у кого не была лёгкой.

Днём Рутланд тоже никому не дал расслабиться и действовал хорошо проверенным методом – мы строили баррикады, расчищали подвал, да и просто имитировали бурную деятельность, дабы не попасть под творческий порыв Рута, умудрявшегося выдумывать тунеядцам занятие буквально на пустом месте.

У людей осталось немного денег, которые мы скинули в общий котёл, составили список самого необходимого и ближе к обеду отправили несколько человек на поиски ближайшего магазина. Шеф-Шеф сотворил настоящее чудо, сумев из самого минимума продуктов и синтетических заменителей сварганить целый котёл густого супа. Объективно на вкус он был так себе, но никто не роптал – все понимали, что мы находимся не в ресторане. Когда уже стемнело, Рут дал нашей компании два часа

на отдых, которые мы использовали для того чтобы хоть как-нибудь выспаться.

Казалось, что я и не спал вовсе – только-только сомкнул глаза, а Рутланд уже тут как тут, трясёт за плечо, требует вставать и выходить во двор.

Потягиваясь и зевая, мы повиновались и увидели, что снаружи стоит уже знакомый нам фургон с надписью «Грузоперевозки Чарли». Малой, увидев его, тут же побледнел, замахал руками и запричитал:

- Нет-нет-нет! И не просите! Лучше смерть!

Вместе с нами должны были поехать пятеро спецназовцев, и я гадал, как мы все умудримся разместиться в этой развалюхе.

Ответ был: никак. Рут сел за руль, благо вид у него был подходящий для водителя с окраины, на единственное пассажирское кресло взял Малого, сжалившись над его морской болезнью, а всем остальным, и мне в том числе, пришлось забиваться в кузов, оказавшийся ужасно тесным.

Меня зажало между двумя спецназовцами, бывшими слишком угловатыми и металлическими даже для их профессии. Теснота не давала пошевелиться, и мне очень хотелось научиться погружать свой мозг в состояние гибернации, как это делал Азимов.

Да уж, поездочка была та ещё.

По поводу моего плана убить Рутланда я не придумал ничего лучше, чем пустить ему пулю в затылок, когда мы попадём в перестрелку. Да, я помню, Морган говорил, что чипом в моей шее управляет не только он, но никто не отменял блеф. Подарить прибор, управляющий жизнью всех и каждого в Организации кому-нибудь из этих людей?.. Нет, у каждого безумия должен быть предел. Впрочем, попытаться кокнуть Рутланда стоило в любом случае. По крайней мере, тогда во главе Организации встанет кто-нибудь более адекватный (в идеале – трусливый), и у меня появится шанс выжить, точно так же, как и у других людей, что не будут отправлены нашим великим лидером на какое-нибудь безумное задание. Вряд ли в организации найдётся еще один такой сумасшедший.

Было бы неплохо привлечь на свою сторону ещё кого-нибудь, желательно, столь же отчаявшегося. Глазастика, например. Но, во-первых, я за весь день так и не смог с ним поговорить с глазу на глаз, а во-вторых, план был слишком безумен и рискован для того, чтобы с кем-то им делиться. У террориста-одиночки шансов всегда больше, чем у организации, пусть и состоящей всего из двух человек. Правило «что знают двое – знает и свинья» работало безукоризненно и исключений не знало.

Просто дождаться, когда мы ввяжемся в перестрелку, подгадать, когда Рут окажется на линии огня, и всадить ему в голову пару пуль из дробовика. Дело верное. Не он первый так погибнет, и не он последний. В горячке боя никто ничего не заметит – самому бы уцелеть. А даже если и увидят, что стрелял я – какая к чёрту разница? Скажу, что сам виноват, подставился, не вовремя перебежал. Дело житейское. «Дружественный огонь».

Как говорил мне когда-то Глазастик, у Рута была странная манера – проводить брифинг по дороге на задание, и тут он не изменил своим привычкам.

- Наша цель, - говорил он по внутреннему каналу связи, - компания «Диджитал Динамикс». Что-то вроде «дочки» Нейрокорп. Они очень плотно сотрудничают. Сейчас в «ДД» занимаются разработкой электронной начинки для систем безопасности. Видеонаблюдение, прослушка, датчики движения, анализ трафика и многое другое. Конкретно нас интересует их побочный продукт – набор хакерских программ, которые они разрабатывают втайне, – Рут замолчал, переводя дыхание. - Если вкратце, то это что-то вроде ключа от всех дверей. Почта, кошельки, голосовая связь, учётные записи. Мы не должны допустить, чтобы эта хрень попала в руки Нейрокорп, иначе нам конец. Никто не сможет чувствовать себя в безопасности. Азимов! Огарёв! Я загружаю вам карту офиса. Красными точками отмечены цели миссии. Местоположение вычислено приблизительно, на самом деле этот чёртов набор может быть где угодно и на каком угодно носителе. Сервер, терминал, ещё что-нибудь – неизвестно. Нам эти программы нужно либо захватить, либо уничтожить. Глазастик!

- Я! – сдавленно отозвался напарник, так же, как и я, зажатый между спецназовцем и стенкой фургона.

- Твоя задача – проникнуть в сеть офиса и найти место, где расположены программы.

- Вы в своём уме, босс? – прошипел Глазастик. - Как я это сделаю без своего инструментария? Мы не в грёбаном кино, где сети ломаются двумя консольными командами!

- У меня есть для тебя инструментарий.

- Да пусть так, - не унимался Глазастик. - Но взлом – это долгий и вдумчивый процесс, а не три минуты ввода команд с клавиатуры…

- Окей, если это долго, тогда возьмёшь автомат и возглавишь атаку.

Глазастик тут же сменил гнев на милость:

- Эм-м. Я посмотрю, что можно сделать, босс.

- Вот так-то лучше. Офис охраняется, но не полицией, а

частным агентством. Но не расслабляйтесь – если будем недостаточно расторопными, то на обратном пути столкнемся с новокопами.

Сталкиваться с полицией никто не хотел, поэтому все дружно сделали у себя в голове пометку «действовать быстро».

- Делаем всё шустро и чисто. Как только подъедем и выйдем из машины, силовики пойдут на штурм офиса в точках, которые я обозначил цифрами «2» и «3», а Глазастик в это же время пусть найдёт себе терминал, с которого сможет проникнуть в сеть. Ты же найдёшь?

- Разумеется, найду, босс, – сквозь зубы ответил напарник, не желавший идти на пули.

Интересно, что будет делать Рут? Если он останется в машине, моим планам будет не суждено сбыться.

- А я, - Морган словно услышал мои мысли, заставив на миг застыть в ужасе. Нет, он не может читать мысли, это нереально, - пойду с силовиками. Должен же кто-то вас подгонять.

Подгонять – это немного не то, чего я хотел, но, в общем, нормально. Сойдёт. По крайней мере, Рутланд будет среди нас. Теперь оставалось надеяться, что удача будет ко мне хоть немного благосклонна и всё-таки даст шанс напичкать свинцом горячую голову революционера номер один.

Не поймите меня неправильно – в иных обстоятельствах я бы лишь поддержал борьбу против Нейрокорп. В конце концов, у меня с Компанией были свои счёты, которые я был бы не прочь уладить.

Но вовсе не так.

Не отправляться на смерть по приказу психа, не быть застреленным во время одной из чисток, когда организация разрастётся настолько, что не сможет успешно скрываться, не знать, что всё бессмысленно и Нейрокорп нашими силами точно не повалить.

Просто очень хотелось жить. И то, что для спасения своей шкуры мне придётся продырявить чужую, как-то не слишком волновало. Не в первый раз уже.

Машина резко затормозила, меня вдавило в металлокерамическую спину так, что едва не расплющило. Двери открылись, и мы буквально высыпались наружу – вспотевшие, взъерошенные, злые, как никогда раньше готовые убивать.

Над городом снова нависли тучи, засыпавшие его снегом. Холодный ветер носил снежинки, закручивая в небольшие торнадо, гнал мелкую ледяную крошку над дорогами и тротуарами, собирая в сугробы, где-то оранжевые, а где-то синеватые из-за света фонарей. Я схватил дробовик и

приготовился к стрельбе. В два движения головой осмотрел место грядущей битвы. Ничего особенного – обыкновенный офисный центр, расположенный на самом высоком ярусе города. Двадцать этажей, небольшая прилегающая территория, огороженная забором, шлагбаум при въезде на многоуровневую парковку.

Отряд SWAT тут же принял атакующее построение – быстро и чётко, без единого лишнего движения. Азимов выбрался самым последним, и нам осталось лишь наблюдать за тем, как работают профессионалы. Те, к слову, уже заняли будку охранника возле въезда на парковку. Тихо и бесшумно.

- Чего стоим? Вперед! – гаркнул незаметно подкравшийся к нам Рутланд, и мы потрусили вслед за спецназовцами.

Попасть в здание было несложно, но это касалось только нижних этажей – там располагались гаражи, столовая, секретариат, офисы и административно-хозяйственный отдел. Сейчас кабинеты и коридоры, разумеется, были пусты. Никакой охраны, даже на этажах, но Глазастик шепнул мне, что это ненадолго, и повыше, в лабораториях, испытательных цехах и отделе программирования, будет намного веселее.

Он оказался прав.

Глазастик остался внизу, заняв под свои нужды кабинет администратора офиса, который сейчас лежал с простреленной головой, пачкая своими мозгами шикарный зелёный ковёр. Охрана с верхних этажей уже наверняка засекла нашу компанию и вызвала полицию, а это значило, что нужно поторапливаться.

- Неплохо, но недостаточно. Посмотрю, что можно сделать! – сказал Глазастик, когда Рут всучил ему небольшую сумку с, как он выразился, «инструментами».

Мы пронеслись по коридорам офиса и взбежали по лестнице на третий этаж, когда повсюду погас свет.

- Не пугайтесь, это я, – успокоил нас Глазастик. - Видеонаблюдение и датчики движения сейчас тоже вырублю.

- Света нет во всём здании? – спросил его Рутланд.

- Почти, только на самом верху есть аварийный генератор. Но его не отключить. Насколько я понял, там полностью автономная система.

В полной темноте пришлось включить прибор ночного видения, и дальнейшие события я видел в чёрно-зелёных тонах. Наш отряд бодро шагал по пустой пожарной лестнице. Малой не выдерживал темпа, задыхался и отставал, его едва ли не силой тащил за собой один из спецназовцев. Азимов предпочитал не бежать по ступенькам, а запрыгивать сразу на верх очередного лестничного пролета, оглашая окрестности громким «Бум!» от удара его металлических пяток о бетон.

Наконец, в районе пятого этажа лестница уперлась в массивную стальную дверь стерильно-белого цвета. В ней не было замочной скважины, равно как не было сканера отпечатков, магнитного датчика или ещё каких-либо выступов или отверстий. Идеально ровная поверхность.

- Давай, приятель. Настало твое время, – Рутланд кивнул спецназовцу, и тот, подтащив еле дышавшего и обливавшегося потом Малого к двери, поставил его на ноги и хорошенько встряхнул.

- Работай.

- О, да, – Малой хрустнул пальцами и извлёк из внутреннего кармана комбинезона какие-то металлические приспособления. - Это я умею. Это я люблю. Посветите!

Спецназовец тут же включил фонарь, висевший на цевьё его штурмовой винтовки.

Малой размотал провода, соединив ими свои инопланетные штуки, и принялся водить этой странной конструкцией рядом с дверью, глядя на древний датчик измерения давления – массивный, тяжёлый, со стеклянным циферблатом и красной стрелкой.

- Ага… - довольно сказал юнец, когда стрелка немного сдвинулась.

Он достал из кармана чёрный маркер и поставил крест на двери в том самом месте, где странный прибор проявил активность. Переключил провода в какой-то другой последовательности, убрал датчик, прикрепил к устройству два электрода и, сказав «Отвернитесь!», нажал на кнопку. Лестничную площадку озарила яркая вспышка, от электродов полетели искры, запахло озоном и сгоревшими проводами, и дверь быстро и плавно поползла вбок.

Ребята из SWAT среагировали первыми – отшвырнув Малого с дороги, они молниеносно и бесшумно, держа оружие наизготовку, ворвались в помещение, находившееся сразу за дверью.

Азимов и я тут же последовали за ними, включив боевую программу и надеясь, что бойцы SWAT примут первые пули на себя, а мы как-нибудь в сторонке постоим. Громыхнули первые выстрелы, в закрытом помещении звучавшие просто оглушительно. Я дёрнулся, испугавшись, и едва не уронил дробовик, но всё было в порядке – стреляли наши.

Спецназовцы, пригибаясь, быстро заполняли помещение так, чтобы не перекрывать друг другу сектора обстрела, и я невольно залюбовался тем, как слаженно они действовали – единый организм, распределённый по десяти телам. Я, Азимов и Рутланд там были явно лишними. Когда стрельба стихла и я получил

возможность полноценно оглядеться, то увидел небольшое, где-то десять на десять метров, квадратное помещение, предварявшее вход в протяжённый, во всю длину здания, коридор. Здесь стояла высокая бело-зелёная стойка в форме буквы «Г», вся в дырках от пуль. За ней сидели охранники, теперь уже мёртвые, разорванные пулями едва ли не в клочья. То ещё зрелище – вся противоположная стена в крови и ошмётках внутренностей. Гадость.

- Вперёд, вперёд, живее! Не стоим! – Рутланд толкнул меня в спину, заставив поторопиться. - К лифту, вперёд!

Надо сказать, что охранники этого здания были людьми благоразумными. В том смысле, что они предпочли не строить из себя героев и попрятались. Этим они чертовски облегчили нам задачу и сберегли немало времени и боеприпасов. Да и, чего греха таить, я не получил бы от их убийства никакого удовольствия.

Мы мчались по лестницам и коридорам офиса, и я чувствовал себя тут абсолютно чужим. Каков контраст – грязные, воняющие потом и канализацией мужики с оружием и стерильная чистота вокруг. Белые стены, аккуратные ковровые дорожки, стенды с фотографиями лучших работников месяца и какими-то графиками… Два совершенно разных мира: хрупкий и уютный мирок обитателей офисов и наш – грубый, холодный, злой и грязный. Они не должны были пересекаться.

- Глазастик, как там поиски? – спросил Рутланд по внутригрупповой связи.

- Я стараюсь, босс. Инструменты у вас, конечно… Тут даже USB есть и DVD-диски с утилитами! Вы музей ограбили, что ли?

- Цыц! Работай!

- Сэр! Есть, сэр! – гаркнул он, копируя интонации солдат.

Самая первая точка в нашем списке находилась на восьмом этаже. Большая комната, в которой, должно быть, проводились совещания – об этом говорил большой овальный стол и терминал с проектором. Кроме них тут ничего не было – бойцы SWAT перевернули всё вверх дном и просканировали помещение, однако ничего не нашли.

- Босс, у нас проблема! – Глазастик вышел на связь, его голос звучал встревоженно. - К воротам подъехало несколько машин, похоже, это охранники, группа быстрого реагирования.

- Ты можешь их задержать?

- Постараюсь. А вы там давайте пошустрей, пожалуйста, я не хочу отстреливаться!

- Забаррикадируй двери и не паникуй. Как маленький, чёрт побери. Как там с поисками?

- Я не могу в корпоративную сеть пробиться, там слишком хорошая система защиты, никак не пойму, как с ней работать. Но делаю всё необходимое! – быстро поправился Глазастик, когда Морган уже открыл рот, дабы наорать на подчинённого.

Снова по тёмным коридорам, топая как слоны и задыхаясь от бега. Интерьеры примелькались, одинаково изящные, функциональные и безликие, и я со временем окончательно перестал соображать, где мы находимся.

- Я перекрыл двери, но это ненадолго, – снова вышел на связь Глазастик. - Давайте там побыстрее.

- Всё пошло бы очень быстро, если б мы знали, где находится тот долбаный сервер! – рявкнул Рутланд.

- Я узнал бы, где находится «тот долбаный сервер», если бы меня предупредили о взломе заранее и дали взять свой набор, а не пользоваться этим дерьмом мамонта!

Вверх, вверх, вверх. Контролировать дыхание, чтобы не сдохнуть раньше срока. Вдох носом, выдох ртом. Со лба стекают капли пота. Ноги отваливаются. Рутланд намеренно повёл нас к самой высокой точке этого здания, резонно предположив, что искомый пакет программ находится именно там. Офис был настоящим лабиринтом. Одна лестница, ведущая с первого этажа на двадцатый? Наверное, архитекторам это показалось слишком простым решением.

Рут оказался прав. Помещение, в котором мы оказались, было занято серверами. Их тут была целая куча – огромные стальные шкафы, переплетённые десятками километров проводов, гудящие, пикающие и перемигивающиеся огоньками диодов. Мы находились почти на самом верху офиса, в той его части, где Глазастик не сумел выключить питание.

- Глазастик, я нашёл!

- Очень рад за вас, но меня тоже нашли, – голос бессмертного был испуганным. - Мои баррикады надолго их не сдержат, давайте обратно!

- Держись! Есть идеи, как нам найти нужный сервер?

- Да нет у меня идей никаких идей! Просто подорви всё к черту!

- Но у них могу быть бэкапы проектов! Где-нибудь на облаке! Ты об этом не подумал?! – прорычал Рутланд, сам нервничавший из-за недостатка времени.

- Да какое к чёрту облако, проект секретный! Взрывай! – звуки выстрелов.

- Ар-р-р! Если эти сраные программы не будут уничтожены, я лично тебя пристрелю! – Рутланд повернулся к спецназовцам и бросил коротко: - Белый фосфор! Сжечь тут всё!

Бойцы SWAT потянулись к подсумкам, со всех сторон послышался хруст застёжек-липучек.

- Вышли отсюда! – скомандовал Морган, и я был только рад ему подчиниться.

Разрывы мы услышали, только когда снова добрались до лестницы.

- Чёрт, опять… - обречённо сказал Малой, узнав, что теперь нам предстоит спуск.

- Будешь ныть – оставим, – буркнул Рутланд, и пацан захлопнул рот.

Снова бег, только на этот раз вниз, что было намного легче. Я несказанно обрадовался воздуху, что теперь обдувал моё мокрое разгорячённое лицо и хоть немного его охлаждал.

- Господи, нет… Нет, господи… - бормотал Малой, бежавший в обнимку со спецназовцем, что пытался его удержать, но из-за него отставал от всей команды.

- Живее, пацан! Оставим тут! – крикнул ему Рутланд, и юнец немного поднажал, впрочем, надолго его не хватило.

Мы оставили Глазастика на первом этаже, двери он перекрыл, начиная с пятого, а это значило, что внизу нас ожидали четыре этажа сюрпризов. Мы слышали приглушённые звуки стрельбы - Глазастик всё ещё жив.

- Мы идём, продержись ещё немного! – крикнул Рутланд.

- Патронов мало. Давайте там быстрей! – отвечал бессмертный, судя по голосу, сквозь сжатые зубы. - Я не хочу тут подохнуть!

Первый сюрприз ждал нас возле двери, которую вскрыл Малой. Она отъехала вбок, открыв нашему взору охранников из группы быстрого реагирования – бронежилеты, шлемы, массивные приборы ночного видения, архаичные штурмовые винтовки… И автоген, которым они пытались прорезать дыру для того, чтобы пройти внутрь.

Лестничная площадка тесная, реакция у SWAT отменная – бойцов частной охранной компании разметало в клочья, даже несмотря на бронежилеты. Кинжальный огонь винтовок буквально разрезал людей на части. Две секунды – и всё было кончено, нам осталось лишь перешагнуть через изуродованные трупы.

Сами виноваты, были бы умней – заняли бы позицию пролётом ниже, так был бы хоть какой-то шанс нас задержать. А я упустил первую за сегодня реальную возможность продырявить Рутланда.

Ещё два этажа вниз без приключений, а потом пули снова засвистели над нашими головами – атаковали ребята со

штурмовыми щитами. Они поднимались по лестнице, выстроившись черепахой, совсем как какие-нибудь древние римляне. Чёрные щиты в человеческий рост с яркими лампами-стробоскопами, камерами наблюдения и бойницами, из которых торчали стволы автоматических пистолетов, могли бы произвести впечатление на кого-нибудь не особо искушённого, но только не на нас. Пока спецназовцы палили по «черепахе», Азимов в два прыжка очутился над ней и рухнул прямо в центр всем своим немалым весом.

Эффект был схож с тем, который производит гиря, упавшая на деревянный ящик. В щитах появилась брешь, «черепаха» распалась, и спустя несколько кровавых мгновений на ногах остался стоять один Азимов – весь красный от покрывавшего его налёта, состоявшего из мелкого фарша.

Ещё один шанс упущен. Морган как будто чувствовал, что я стараюсь поймать его в прицел, и потому держался позади.

Вниз, вниз, вниз.

- Отзовись! Как ты там?

- Последний магазин! – паниковал Глазастик. - Если сейчас не подойдёте, мне конец!

- Мы уже на втором! Держись!

Звуки стрельбы становились всё ближе.

Хлёсткие пистолетные хлопки смешивались с гавканьем дробовиков и громыханием очередей штурмовых винтовок. К счастью, архаика. Но вот когда до нас доберётся полиция, а она, я готов был дать голову на отсечение, уже летит сюда на всех парах… Впрочем, стоп. Я подумаю об этом позже. Надо решать проблемы по мере их поступления.

Глазастика зажали в небольшой комнатушке, где он нашёл работоспособный терминал. Было видно, что охранники сами не особо рвались идти на штурм и лишь постреливали время от времени в баррикаду, полностью перегородившую вход. Металлический шкаф, диван, столы – Глазастик стащил к дверям всю мебель, которая только была в комнате.

SWAT перестроился для зачистки коридора и с ходу начал стрелять, разорвав в клочья тех охранников, которым не повезло оказаться у нас на пути. Спецназовцы перебегали от укрытия к укрытию, приседали на колено и пригибались, прикрывали друг друга. Работали споро, красиво и чётко, без единой ошибки, как идеально отлаженный часовой механизм. Мы с Азимовым, Малым и Рутландом выглядели на их фоне суетливыми и неуклюжими.

- Ну наконец-то… - Глазастик помогал спецназу разбирать баррикады. - Я уж думал, каюк. Патроны есть?

Кто-то сунул ему два магазина.

- Отлично! Какие планы?

- Бежать, – сказал Рутланд.

- С этим проблемы, гараж занят охраной.

- Главное, чтобы не новокопами. Прорвёмся, – оскалился Рутланд. - Пошли!

Мы выбежали из двустворчатых дверей на подземную парковку и тут же попали под плотный огонь. Стреляли со стороны въезда – причём нападавших было человек тридцать. Они прятались за машинами и серо-жёлтыми бетонными колоннами, прикрывали друг друга, да и вообще, действовали в целом грамотнее, чем их собратья в здании. Не SWAT, конечно, но у них хватало ума концентрировать огонь, не давая нам поднять головы.

Бойцы SWAT вели огонь из укрытий, стараясь не высовываться. Палили не глядя, на звук, и, само собой, ни в кого не попадали. Я забился за колонну и сидел, сжимая дробовик, со всех сторон осыпаемый бетонной крошкой. Рутланд торчал за машиной по соседству, Малой рядом с ним, красный, задыхавшийся и, судя по лицу, искренне желавший, чтобы его, наконец, пристрелили, и никуда не надо было бежать.

- Ответный огонь! – орал Морган. - Ответный огонь!

Бойцы SWAT пытались высунуться для того, чтобы стрелять хоть немного более результативно, но неизменно получали пулю в голову и прятались обратно. Даже несмотря на то, что они были покрыты бронёй с головы до ног, подобное попадание не сулило ничего хорошего.

Раздался взрыв – совсем рядом. Мимо моей головы пронёсся небольшой рой осколков, где-то поблизости загудела сигнализация сразу у нескольких машин.

- Рут! – выкрикнул я. - Надо отходить в здание!

Ещё один взрыв, ближе.

Спецназовцы ждали команды, Азимов повторил мои слова.

- Огонь! Вперёд! – заорал Морган, доставая огромный хромированный пистолет.

- Нельзя, все поляжем!

- Заткнитесь! – Рут пнул Малого, и тот откатился, пытаясь подняться. - И умрите достойно!

Морган заорал «Ура!!!» и первым ринулся в атаку, с ходу поймав очередь в лицо и грудь, Малой последовал за ним, спотыкаясь и пытаясь куда-то стрелять из своего древнего пистолета-пулемёта. Спецназ тоже пошёл в атаку за своим лидером, перекатываясь через машины, перебегая к другим укрытиям. Азимов пополз на четырёх конечностях, как исполинский стальной таракан, пригибаясь как можно ниже к

полу, а я…

А я наконец увидел возможность убить Рутланда. Вон он, бежит вперёд, пули из архаичных винтовок бьются о его субдермальную броню, немного отбрасывая назад, но он продолжает упрямо продвигаться. Трассирующие очереди прорезают воздух, впиваясь в стены, потолок и корпуса машин, попадают в бойцов нашей команды.

Я поднял дробовик, взял Моргана на мушку, прицелился в голову и уже почти нажал на курок…

Рядом с Рутландом и Малым упала осколочная граната. Армейская, древняя, но от этого не менее смертоносная. Взрыв на таком близком расстоянии гарантированно превратил бы в решето их обоих… Если бы не Морган. Вместо того чтобы попытаться убежать, залечь или отпрыгнуть в сторону, что в любом случае не принесло бы спасения, он схватил Малого за шиворот, одним движением опрокинул его на гранату и поставил сверху ногу, не давая юнцу ни единого шанса. Взрыв оказался глухим, хрупкое тело подростка аж подпрыгнуло. Рутланда отбросило, но дело было сделано – Малой принял на себя все осколки, предназначавшиеся для тех, кому не повезло оказаться в радиусе пятнадцати метров.

Я был настолько шокирован увиденным, что не успел спустить курок. Рутланд скрылся от меня за корпусом серо-чёрного микроавтобуса с надписью «Digital Dynamics», и я поспешил за ним.

Спецназовцы успешно развили безумную атаку, возглавленную Морганом, но и у них не обошлось без потерь. Как минимум два «холодных» в их отряде уже было, повреждения разной степени тяжести никто даже не учитывал. Я снял из дробовика двоих охранников, прежде чем наступила тишина.

Такие моменты всегда меня удивляли: ещё миг назад вокруг был настоящий ад - летающий свинец, огонь и крики; а сейчас ты стоишь, застигнутый врасплох, как будто зашёл в тёмную комнату, а там резко загорается свет и стоит целая делегация, поздравляющая тебя с днём рождения.

- Грузимся! Не стоим! – Рутланд, весь в крови, с содранной кожей лица, являющей миру его металлическую челюсть, частично сожжённым скальпом и ногой, деформированной в результате взрыва, выглядел так, будто только что вылез из пекла.

Я хотел обернуться и бросить прощальный взгляд на щуплое тело Малого, окровавленное, мешковатое, лежавшее лицом вниз. Тогда мне это казалось очень важным – чем-то вроде дани уважения, первой горсти земли на гроб, обещания отомстить или

выстрела-салюта. Оставалось только догадываться, что творилось там, внизу, где взорвалась граната, да я и не хотел об этом думать. Слишком хорошо представлял себе последствия, слишком часто проделывал с людьми ужасные вещи, после которых они становились похожи на товар из мясного отдела супермаркета.

Я очень хотел обернуться.

Но так и не смог.

16.

- Ну и что? – равнодушно спросил Глазастик.

- Как это «что»? Он же вёл нас на верную смерть!

- Так не привёл же. Расслабься. Такова жизнь, – напарник говорил со слишком большим фатализмом для человека, который буквально несколько часов назад кричал «Мне конец!»

- Кое-кого привёл, – прошипел я, отворачиваясь. Разговор не клеился, и я принял решение не посвящать Глазастика в свои планы. К чёрту его, справлюсь сам. Если, конечно, до тех пор меня не сцапают новокопы или не убьют в перестрелке.

- Слушай, давай я кое-что поясню, – мы с бессмертным сидели в тёмном номере хостела, хозяин которого никогда не задавал вопросов. Клиенты, в свою очередь, были ему чрезвычайно благодарны за возможность забронировать номер на имя Фрэнка Синатры или Джона Кеннеди. - Я вижу, ты переживаешь не из-за тех двух консервных банок из SWAT, а из-за Малого. Так вот, Малой – шпана. Обыкновенный уличный отброс. Их там снаружи бродят тысячи. Возможно, именно в этот момент они бьют кого-то по голове, пытаясь отобрать ключи от машины или наличные. Не будь размазнёй! Ты же коп, чёрт побери!

Остыв и подумав как следует над словами Глазастика, я понял, что он прав, как бы мне ни хотелось ему возразить. Сопротивление не играло в игры, это было ясно как Божий день. Эмоциям в Нейро-Сити вообще не было места – только холодный расчёт, и, если бы мне самому предложили трезво и безэмоционально подумать, чью жизнь стоило бы сохранить – мальчишки-взломщика, из которого однозначно не выросло бы ничего хорошего, либо лидера Сопротивления, я бы выбрал лидера.

- Да, всё верно, – сказал я, хмурясь. - И насчёт размазни тоже.

- Да ладно… – оскалил жёлтые зубы Глазастик. - Знаешь, я думал, что подобный идеализм у копов улетучивается где-то через год после начала работы.

- Да, именно так и бывает. Просто я устал и размяк.

- Это нормально, – понимающе кивнул Глазастик. - Тюрьма никого не щадит. Я знаю, я видел таких, как ты. Ты ещё неплохо

держишься. По крайней мере, всё ещё способен драться и помнишь, каким пальцем надо нажимать на курок. В нашем деле это только на пользу.

- Если б я разучился бить и стрелять, то не прожил бы долго.

Лампа дневного света в комнате изредка мигала и жужжала. За окном – узкая улочка на окраине, заснеженная, освещавшаяся лишь неоновыми вывесками. Отличное место для того, чтобы спрятать разыскиваемых преступников, вроде нас.

Глазастик рассмеялся.

- Что?

- Да нет, ничего… Чёрный юмор.

- Намекаешь на то, что мне теперь и так долго не прожить?

- Ну… Да, – улыбнулся Глазастик. - С тех пор, как ты вляпался в Организацию, вариант того, что ты выживешь, даже не рассматривается, вопрос в том, когда?..

- Мрачновато, - буркнул я.

- Да уж как есть…

Скучно. Телевизора тут нет, даже самого старого, а в Сеть нам, само собой, соваться не стоит.

- А ты как попал к Рутланду? – спросил я, устраиваясь поудобнее на скрипучей кровати, знававшей секреты многих влюблённых парочек и беглых преступников.

- Можно сказать, что я идейный. Сам к нему пришел.

- Вот как? – я испугался, но постарался это скрыть. Ах, как хорошо, что я не предложил ему убрать Рутланда…

- Да, я сам к нему пришёл. В принципе, как и все остальные. Рут никого не ищет. Люди, которые от чего-то бегут, попадают в его организацию, как в капкан. Вот, например, Балу. Бывший патрульный, участник бунта полицейских. Отсидел в тюрьме, был списан со службы. Попытался начать новую жизнь, устроился на завод электроники, но ни черта не получилось. Узнал, что директор завода очень любит маленьких девочек. А у Балу, насколько ты помнишь, на педофилов бзик, вот он и не смог удержаться, начистил боссу морду прямо в кабинете. Убил охранника, подался в бега. Хотел уехать из города, но не смог – зажали. И тогда он вызвал на помощь Рутланда. Тот не отказал, взял его к себе на службу в обмен на спасение. И такой сценарий тут почти у всех, - бессмертный подался вперёд, сверкая стеклянными глазами. - У тебя, насколько я знаю, тоже. Неприятности, спасение, служба у Рутланда, гибель. Пока что система сбоев не давала.

- Занятно. А Рутланд говорил, что у него большинство – идейные, – с каждым сказанным словом я лишь укреплялся в мысли, что Рутланда надо убрать. Либо его жизнь, либо моя.

Третьего не дано.

- Ну разумеется, – хохотнул Глазастик. - Попробуй не быть идейным, когда в шее – глушилка, которая может убить в любую секунду.

- И у тебя?

- И у меня, – кивнул напарник. - И даже у Рутланда. Это обычная мера предосторожности. Хотя бы на случай, если меня или Моргана сцапают копы. Им ведь даже допрашивать не нужно будет – прочешут мозги вдоль и поперёк, выдернут нужные файлы, и...

- Знаю, – отмахнулся я от Глазастика. - Но ты всё ещё не рассказал о том, как появился у Рутланда.

- Прибился, когда Организация, - он произнёс это слово именно так – с большой буквы, пафосно и значительно, - только-только создавалась. Нейрокорп испортила мне жизнь, и я хотел сделать то же самое в ответ.

- Испортила?..

- Да. Во-первых, они отобрали у меня прошлое. Я мечтал работать имплантологом, но после эксперимента оказался на улице. А во-вторых, они отобрали у меня будущее.

- Каким образом? Ты же бессмертен, – фраза была чрезвычайно интересной.

- Видишь ли, - ответил Глазастик, как-то виновато разводя руками, - я уже говорил, что люблю улучшать себя и фанатею от имплантатов. А в результате экспериментов Нейрокорп я, хоть и бессмертен, но апгрейдить себя уже не могу. Не те разъёмы, большинство имплантатов – только прототипы, существующие в единственном экземпляре и не стыкующиеся с современными моделями. Так что я – тупиковая ветвь эволюции. Живой музейный экспонат. Люди уйдут далеко вперёд, станут подобны богам, а я так и останусь… Таким.

- Ну так жил бы и радовался. Хотя бы сейчас, – проблема Глазастика не казалась мне такой уж глобальной. - Нашёл бы работу, развлекался, как все нормальные люди…

- Собственно, я этим и занимался. Все пятьдесят лет с того момента, как меня выкинули. Да, развлекаться здорово, но в конце концов всё приедается. И девочки, и мальчики, и девочки с сюрпризами, если ты понимаешь, о чём я, и музыка, и даже твой любимый алкоголь.

- Хобби? Путешествия? – я зачем-то пытался искать логические прорехи в словах Глазастика. Скорей всего, просто по привычке. Ну не мог я представить себе, как человек в здравом уме и без всякого принуждения может прийти к Рутланду и сказать: «Хочу бороться против самой могущественной

корпорации в мире». На первый взгляд это выглядело полнейшим идиотизмом. Точно так же, как и на второй.

- Слушай, давай ты не будешь подбирать мне занятия, окей? – Глазастик утомлённо вздохнул. - Ты не знаешь, как это – пахать на нелюбимой работе и знать, что работа мечты для тебя недоступна. На целую вечность. Ты не знаешь, как это – каждый день просыпаться и задавать себе вопрос: «Для чего ещё один безрадостный день?» Для чего вообще всё это выживание, вся грязь и мусор, выходные в клубах, драки и зарабатывание денег, утекающих как песок сквозь пальцы? У обычного человека есть границы. Цикл жизни имеет логическое завершение. А у меня его не будет. И поэтому теряется весь смысл в каждодневном повторении этого самого цикла.

- То есть, ты пошёл к Рутланду, чтобы твоя жизнь обрела смысл? – эта мысль в словах Глазастика просматривалась достаточно ясно.

- Ну, можно и так сказать, – оскалил жёлтые зубы напарник. - Считай, что я просто слишком слаб для того, чтобы пустить себе пулю в лоб. Ну, и я ненавижу Нейрокорп всем сердцем.

- Удивил… - фыркнул я, но Глазастик не разделил веселья.

- О, да. Ненависть к Нейрокорп – не редкость. Но такая искренняя, чистая и осмысленная, как у меня, встречается в единственном экземпляре. И уйдёт вместе со мной в могилу. В этом смысле я тоже – ходячий эксклюзив.

- И за что же её стоит ненавидеть?

Глазастик задумался.

- Знаешь… - сказал он спустя какое-то время, пожевав губами. - Это очень долгая история. Серьёзно.

- Так мы, вроде, никуда и не торопимся, – пожал я плечами. - Если тебе лень рассказывать, так и скажи.

Глазастик рассмеялся:

- В моём распоряжении всё время Вселенной. Если ты всерьёз намерен меня слушать, можно сходить за пивом и пиццей. У тебя остались деньги?

Спустя время, отведённое на поход в магазин, мы удобно расположились за старым колченогим журнальным столиком. Глазастик уселся на кровати с банкой пива, а я пододвинул для себя табурет.

- Так вот, - начал напарник свой рассказ, - о ненависти… Вообще, Нейрокорп есть за что любить. И не надо мне тут фыркать, я серьёзно. Да, любить, причём искренне. Начнём с истоков, так сказать… История Компании началась тогда, когда несколько предприятий, работавших в сфере медицины, фармацевтики и высоких технологий, решили объединить свои усилия. Точно неизвестно, что именно предшествовало этому объединению, мы знаем лишь последствия. Нейрокорп изначально позиционировала себя как инновационное предприятие, как компанию будущего. Они не желали участвовать в борьбе за ресурсы и продавать нефть и газ, не лезли в дряхлую и депрессивную банковскую сферу. Они вообще дистанцировались от старых и давно поделённых рынков. Это внушало уважение. У Компании была идеология – пусть и несколько экстравагантная, а у Совета директоров, тогда ещё состоявшего из молодых и амбициозных руководителей, своё видение нового мира. Причём их планы не ограничивались только лишь созданием принципиально нового рынка: в Компании стремились изменить самую суть человека, исполнив, наконец, давнюю мечту о полноценном слиянии плоти с металлом.

Рассказ Глазастика меня полностью захватил. Кое-что я слышал в школе, на уроках истории, но некоторые нюансы были мне незнакомы. Только сейчас я подумал о том, что Глазастик был свидетелем многих событий, о которых сейчас уже никто не помнит.

- Имплантология, - продолжал напарник, отхлебывая пиво из банки и изредка отрыгивая, - тогда только-только делала первые шаги, и, само собой, её пинали все кому не лень. А Нейрокорп пошла другим путём: они взяли учёных под своё крыло. Инженеры, медики и программисты вызывались с разных концов света, обучались за счёт Компании и получали то, чего у них не было на родине: рабочие места, простор для творчества и уверенность в том, что за ними будущее. И, чёрт побери, это сработало. Вложенные средства окупились, и вскоре Компания представила свои первые изобретения – тогда ещё громоздкие и неуклюжие протезы рук и ног. Ах да, ещё искусственные органы – глаза, лёгкие, почки и сердце, кажется. Или сердце было позже? – задумался Глазастик, пожирающий кусок пиццы. - Ну да ладно, это неважно. Так вот, у них появились лучшие в мире протезы. Но даже всё это пошло бы прахом, если бы руководство Нейрокорп не придавало огромного значения рекламе. Обрати на это внимание, к продвижению товара на рынке мы ещё вернемся! Многие тогда считали, что штат маркетологов в Компании

непомерно раздут и было бы лучше набрать вместо них, например, инженеров, но в Совете директоров прекрасно знали, что создать хороший продукт мало - надо его ещё и продать. С этой задачей Компания тоже блестяще справилась. Маркетинг, так же, как и инженеры, отработал вложенные деньги, и та, самая первая, рекламная кампания дала Нейрокорп самое дорогое, что только может быть у бизнесмена – известность. Погоди минутку…

Судя по всему, у Глазастика знатно пересохло в горле – так жадно он присосался к банке.

- Во-от. Дай-ка вторую… Ага, спасибо. Поначалу контракты с Компанией заключали только медицинские фирмы – искусственные органы были нарасхват, но Совету директоров этого, разумеется, было недостаточно. Помнишь про наполеоновские планы, да? Так вот, когда люди распробовали, что искусственные органы работают намного лучше родных, пришло время шага номер два. Самый первый мозговой бустер был шедевром дизайна. Я помню его, и он был реально крут. Изящный, тонкий, технологичный. Смотрится – ну чисто посылка из будущего. Но – пугающий. Люди говорили: «Новые ноги это круто, но в мозги я лезть не дам». Верили во всякую хрень из второсортных телешоу. Мозговые волны, зомбирование и все дела. Но Компания ещё на заре работы поставила себе цель: убедить народ использовать их продукт. Реклама Нейрокорп со всех сторон наваливалась на людей. Шептала, тянула, уговаривала, убеждала стать лучше, приводила сотню безотказных аргументов, и некоторые – пока что лишь некоторые – сдавались. В том числе и я. Это было круто. До бустеров народ пользовался мобильными телефонами, планшетами и прочими гаджетами. А тут – все функции, подключённые напрямую к мозгам. Плюс – дополнительная память и удобный интерфейс. Круто же! Но идиотов это не убеждало, так что настоящий прорыв произошёл позже, когда одна из популярных актрисок, кажется… А, нет, не помню, как её зовут. Короче, она появилась на церемонии вручения Оскара с бустером. Только потом до меня дошло, что это был рекламный ход, очень тщательно продуманный. Настолько тщательно, что сперва никто ни о чём не догадался. Дело было сделано. Люди увидели, что знаменитости не брезгуют бустерами, и толпами повалили в магазины, благо там как раз была непревзойдённая по масштабам распродажа продукции Нейрокорп… Мода, чёрт побери. Многие видят в последующем взрыве продаж только экономику – рост доходов, например, но это хрень. Всё гораздо глубже. Директора изменили людей. Сломали стереотипы. Народ перестал относиться к своему телу как к храму. Ворчунов с крестами

больше никто не слушал, имплантаты перестали быть уделом калек. Многие и так знали, что их тела несовершенны, но теперь для того, чтобы стать лучше, больше не надо было торчать в спортзале или там, разгадывать кроссворды, - Глазастик коротко посмеялся над собственной остротой. – Надо было прийти в клинику, ткнуть пальцем в каталог, сказать «хочу вот это», заплатить бабки и лечь на стол. Конечно, соблазн был слишком велик. И-и-и-и… - протянул Глазастик, - собственно, всё. Вот он – успех Нейрокорп. То, что было потом – оборонные контракты с правительством, рост, строительство Нейро-Сити – это только инерция. Компания заработала в полную мощь. Совет директоров изменил мир согласно своему плану. Ещё не до конца, но уже близко. Границы стран и правительства всё ещё существуют, но уже не имеют такого значения, как раньше. Всем абсолютно плевать на какие-то там выборы – намного важнее то, что происходит в Высокой Башне в центре Нейро-Сити. Все понимают, кто на самом деле рулит этим миром. И вот здесь, - Глазастик подался вперёд, заставляя меня прислушаться, - мы плавно подошли к главной теме. Почему я ненавижу Нейрокорп?.. – он сделал паузу и продолжил торжествующим голосом: - Потому что теперь их стоит ненавидеть. Они получили власть. Они производят всё, что только можно – от ракет до кукурузных хлопьев. И теперь они превратились из силы, движущей мир вперёд, в консерваторов, желающих заморозить всё вокруг и оставить, как есть. Всё это, типа, развитие, преподносимое как величайший прорыв в науке, – надувательство. Я разбирал новые имплантаты, вся начинка, используемая в них, – та же самая, что и десять лет назад, с небольшими изменениями во второстепенных характеристиках. Понимаешь? Они кричат «будь лучше», но не делают продукт, который реально поможет это сделать. Например, всё те же мозговые имплантаты. Бустеры, которые вывели Компанию в лидеры. Вместо установки новых процессоров, они увеличивают и модернизируют всё, что угодно, только не самое главное. Даже переработанный дизайн при старой начинке – повод заявить о том, что вышла новая модель, значительно лучше предыдущих, умеющая делать то, о чём вы раньше и думать не смели. И люди схавают это. Потому что в Нейрокорп ещё на заре своей деятельности знали, что маркетинг и реклама решают всё.

Голос Глазастика становился всё злее и злее, он начинал заводиться, и эмоции каким-то необъяснимым образом передавались мне.

- Оболванивание людей идёт просто нереальными темпами. Вместо торжества науки мы получили то же общество

потребления, что и сто лет назад. А обществу потребления умные люди не нужны. Нет, сэр, кто угодно, только не умные люди. Они поймут, что Компания врёт, и пойдут поддерживать другого производителя, они не прислушаются к сладкой лжи и захотят чего-то большего, чем перекрашенное старьё, выдаваемое за новинку. А вот дураки – то, что доктор прописал. Двигатель капитализма. Они не задумываются над тем, что говорит им реклама, им лень разбираться в характеристиках, они не поймут, что им впаривают хрень в красивой обёртке. Им нужны экраны побольше, голограммы, сверхскоростной доступ к Сети, чтобы смотреть порно, и пиписька, которой можно померяться с друзьями. Новая пиписька 9000++ SuperNova. И Нейрокорп им всё это даёт. В неограниченном количестве. А дуракам и не надо ничего другого. Они и этими бустерами-то не пользуются на полную мощность. Казалось бы – ты покупаешь дорогую вещь, зачастую в кредит, ты просто должен быть уверен, что она тебе необходима и без новых функций тебе просто не прожить, но нет. Главное – схватить и похвастаться перед друзьями. Ум – не в гаджетах и имплантатах, но Нейрокорп почему-то не говорит об этом в рекламных роликах. И при этом всячески оберегает дураков от агрессивного воздействия внешней среды. Не дай бог, появится кто-нибудь умный, кто расскажет правду и обидит наших деточек. Нет-нет, мы оградим наших дураков от такого нехорошего знания, не дадим в обиду их уютные розовые мирки, окружим их заботой. Будем просматривать почту дураков и интернет-трафик, будем слушать их разговоры и смотреть переписку в соцсетях, отслеживать настроение, чтобы, не дай бог, один из таких дураков не совершил Страшный Ужасный Теракт. Дураки, вы же не хотите терактов? В принципе, всё это не так уж и сложно сделать. Дураки сами охотно передадут властям свои личные данные, пароли к почте, записи разговоров и содержимое диалогов в соцсетях. Ещё и остальных будут подталкивать, мол, чего это ты не хочешь открыться миру? Тебе есть что скрывать? Ты террорист? Вот на основе таких измышлений и появилась Brains – первая в мире социальная сеть, позволяющая напрямую обмениваться мыслями. Никакой скрытности. Подумал о чём-то – и все это знают. И если ты подумал что-то не то, жди милые улыбающиеся стальные лица у себя в доме. Кстати, Компания в плане мотивов сильно измельчала. Не менять мир, вовсе нет. Захапать побольше денег и власти, что-то отнять, что-то уничтожить… Есть мнение, что та денежная реформа, в результате которой разгорелся бунт полицейских, проводилась с целью обесценить деньги тех, у кого нет чипов, разорить конкурентов и скупить по дешёвке всё, до чего только дотянутся

руки. И эта цель была полностью достигнута. Это тоже одна из причин моей ненависти: Компания стала автором величайшего в мире прорыва, сделала возможными вещи, которых этому миру давно не хватало, просто недоставало смелости их получить, но теперь, в стремлении сохранить власть, она привнесла в мир по-настоящему ужасные вещи, которых тут быть не должно. Вещи, которые противоречат собственным названиям. Полицейские-роботы, которые не умеют арестовывать – только стрелять на поражение. Виртуальные тюрьмы, которые не перевоспитывают, а ломают и сводят с ума. Не реклама, предлагающая что-то купить, а агрессивный маркетинг, приказывающий «Купи вот это и будешь счастлив!» Безопасность, обернувшаяся тотальным контролем. Тирания. Всеобъемлющая, чудовищная по своей сути и совершенно невидимая. И, как сказал Азимов, это бесконечно. Нейрокорп не свалить снаружи. Если Компания и рухнет, то только по внутренним причинам, и уж точно не оттого, что её уничтожит горстка маргиналов вроде нас. У неё есть все силы для того, чтобы затормозить развитие, опустить средний IQ человека до пятидесяти и продолжать вещать про необычайные достижения. Мы открыли секрет бессмертия, но оно оказалось никому не нужно. Мы могли бы осваивать космос, но предпочитаем торчать в Сети. Люди вообще ленивые создания, а теперь – особенно, ведь удовлетворены все базовые потребности: еда, одежда, жильё, развлечения. Нейрокорп в этом свете предстаёт как единственная сила, которая может сдвинуть всё с мёртвой точки. Но поскольку она этого не делает, а творит всё более чудовищные вещи, я считаю, что Компания украла у мира единственный шанс на движение вперёд. Вот поэтому я ненавижу Нейрокорп, Эйдер, – бессмертный посмотрел мне прямо в глаза. Я, скорей, больше почувствовал это, чем увидел. - Компания не только меня лишила будущего. Она лишила будущего весь мир. Всё остальное – частные случаи.

Глазастик закончил рассказ. Его лицо покраснело, он жадно присосался к третьей за сегодня банке и осушил её в три глотка.

- Хорошо… - сказал он, улыбнувшись. - Я уж думал, умру от жажды. Слишком много говорю, а? – если бы глаза напарника не были стеклянными, готов поспорить, он бы мне подмигнул.

Пицца кончилось. Пиво тоже.

- Пойдем ещё? – спросил меня Глазастик.

Я отрицательно покачал головой.

- Ну, как знаешь. Тогда я на боковую, – бессмертный напарник протяжно и сочно зевнул. - Надеюсь, что завтра наши дела пойдут в гору.

17.

Скорее всего, Глазастик был более везучим.

Уверен, если бы фразу про надежду на улучшение наших дел произнёс я, на следующий же день всё стало бы хуже некуда.

Организации предстояло «распасться» - получить новые личности и разбежаться по всему Нейро-Сити, поскольку после нашей вылазки вся полиция стояла на ушах. Я боялся, что Рутланд потребует полной смены лица, но, когда я об этом заявил, он только рассмеялся:

- Ты вообще себя в зеркало видел?

Да уж. Уже позже, присмотревшись как следует, я увидел, что от былого Эйдера Морта мало что осталось. Лицо сильно исхудало, под глубоко запавшими глазами мешки чудовищных размеров, в тёмных когда-то волосах пролегли серебряные ниточки седины. Из-за долгой невозможности нормально побриться у меня выросла солидная кучерявая борода. Впрочем, для расстройства не было причин. Наоборот, можно было лишь порадоваться тому, что лицо останется при мне. Почему-то очень уж не хотелось с ним расставаться.

Меня и Глазастика снова поселили в отеле, однако не на окраине, а почти в центре, чему я был несказанно удивлён. Возможно, Рутланд думал, что там членов Организации точно не будут искать. Номер был комфортабельным, но каждый день, проведённый там, стоил солидных денег.

- Интересно, откуда у Рутланда такие бабки?

- Ну… - улыбнулся Глазастик. - Не все любят Нейрокорп. Я сейчас о бизнесменах. Многие пытаются конкурировать с Компанией и предпочитают не стесняться в средствах.

- А если их раскроют?

- Обязательно раскроют. Даже не сомневайся, – не уверен, что правильно понял смысл этих слов, но, кажется, Глазастик знал что-то, чего не знал я.

Все новостные агенства в Сети вещали о нашей поимке. Глазастику почему-то ужасно нравилось читать новости вроде: «Неизвестные нападавшие убиты при задержании! Шок! Фото с места происшествия!»

- Представляешь, Эйдер, нас снова убили! И даже фото есть! Хрень собачья, они даже артефакты не закрасили. С тем же успехом могли приделать мне голову крокодила! И ведь люди верят! Каждый день верят, чёрт. Помяни мое слово, этот город спасёт только атомная бомба!

Впрочем, новостями дело не ограничивалось, Глазастик проводил кучу времени, просто подключившись к сети напрямую, сидя без движения и время от времени хихикая.

- Вот это ржака, Эйдер! Жаль, что ты не сможешь посмотреть!

- Что там? Очередное видео с котами? – бурчал я, не испытывая ни малейшего желания смотреть, над чем он там смеётся.

- Нет, тут… - он подыскивал слова, но тут же бросал это дело. - Ай, это надо видеть. Боже, какой же ты скучный!

Тут он был полностью прав.

Я предпочитал каждый вечер покупать по бутылке дешёвого пойла и приканчивать её, закусывая энергетическими батончиками и размышлениями о моей нелёгкой судьбе. Иногда ко мне присоединялся Глазастик, но он больше любил пиво и обожал пересказывать смешнявки из Сети, которые я всё равно не слушал.

Мы купили новую одежду взамен комбезов, которые было проще выбросить, чем отстирать, и вернулись к старой манере одеваться: брюки, чёрное пальто и рубашка с галстуком - у меня, и гавайская рубашка, штаны с кучей карманов и пуховик - у Глазастика.

Рутланд сказал нам не выходить на улицу. Смешно. Как будто в другом случае я не побоялся бы выйти. В который раз удивляюсь тому, насколько чист и стерилен мирок в центре Нейро-Сити. Словно попал на другую планету. Никакого мусора, снег чистят вовремя, продавцы в магазинах улыбаются, даже видя, что ты пьян как свинья.

Если бы я всё время жил тут, то, наверное, был бы уверен, что везде так: нет нищеты, насилия, донов мафии, ставших шефами полиции, и прочего, прочего, прочего, что уже давно ассоциируется у меня с Нейро-Сити. Настоящим, а не этим сказочным городом из стекла и металла, стоящим на руинах самого себя.

Где-то на вторую неделю такого вот растительного времяпрепровождения в нашу дверь постучали. Это было настолько неожиданно, что я в первый момент не понял, что делать, перепугался до полусмерти и потянулся к пистолету, приготовившись героически отстреливаться до последнего патрона. На столе зазвенела батарея пустых бутылок, некоторые упали на пол, но утонули в плотном и мягком ковре.

Глазастик посмеялся надо мной и пошёл открывать. Я пристроился за его спиной, слегка покачиваясь и пытаясь сфокусировать взгляд в одной точке.

За дверью стояла женщина, самая необычная из всех, что я видел.

Высокая, ростом явно больше двух метров, с сапфирно-синими стеклянными глазами и идеально лысым металлическим

черепом.

Глазастик осмотрел её и спустя миг зашёлся хохотом.

- Ни слова, – прошелестел Азимов и, оттолкнув нас, вошёл в комнату, закрыв за собой дверь.

- А ты ничего так, – Продолжал зубоскалить бессмертный. - Надеюсь, теперь у тебя женское не только лицо, я соскучился по ласке.

- Просто заткнись. И да, женское у меня только лицо. В остальном я тот же, что и раньше. Так что у меня хватит сил надрать тебе зад, если ты не прекратишь смешно шутить.

- У ти бозе мой, какой страшный робот. Надеюсь, когда ты выйдешь из депрессии, то станешь веселей.

- А вот это было жестоко, – Азимов слишком по-человечески покачал головой. - Когда-нибудь я всё-таки тебя убью. И в тот момент буду впервые в жизни счастлив. Собирайтесь, – сказал он, поворачивая идеальное металлическое лицо ко мне. - Босс ждёт.

Я порылся в аптечке, закинул в рот несколько отрезвляющих таблеток, надел пальто и сказал, что готов. Глазастику тоже не потребовалось много времени. Мы покинули номер, пропахший табаком, алкоголем и нашими грязными носками, попрощались с тощим портье, для характеристики которого так и напрашивалось слово «холуй», и вышли на улицу. Азимов уселся (или уселась) за руль чёрной машины, пусть старой, но всё ещё выглядевшей достаточно презентабельно. Меня тут же бросило в пот из-за таблеток, и Глазастик брезгливо морщился, глядя на то, как с моего лба стекают солёные капли.

Мы въехали на третий ярус Нейро-Сити и толкались в плотном потоке машин на эстакаде, построенной на высоте десятого этажа. Я смотрел вверх – на терявшиеся в низко повисших облаках громадины кондоминиумов и офисных небоскрёбов. Их стены были абсолютно зеркальными и выглядели грязно-серыми скалами, над и между которыми сновали вертолёты, везущие толстые задницы богатых пассажиров к их Очень Важным Делам.

Почему-то стало очень тоскливо и немного страшно. Нас везли к Рутланду, и что за идея родилась в его стальной башке, поражённой вирусом революции, было пока неясно. С уверенностью можно было сказать лишь одно – что бы ни придумал наш Че Гевара, это в любом случае связано со стрельбой, кровью и риском для жизни. И этого осознания с лихвой хватало для беспокойства.

Азимов увозил нас из центра. Ну разумеется, место крыс – в их родной помойке, негоже светить своими уголовными мордами в хороших районах.

Над машиной проплыла исполинская махина Гейта, и мне стало легче. Тут, среди бесконечных заводских районов и людей, не привыкших улыбаться друг другу на улице, я был в своей стихии и не чувствовал себя дядюшкой из деревни, приглашённым в дорогой ресторан.

- Город счастья, – сказал нам Рутланд вместо приветствия.

Место встречи он выбрал чрезвычайно колоритное – итальянский ресторан, второй этаж, зал «тут не едят, а решают проблемы». Вся сцена будто бы сошла с экрана какого-нибудь старого фильма про мафию – интерьер, паста в тарелке Рутланда, да и сам наш босс, вырядившийся в костюм… Какой-то чёртов фарс. Я не знал, в какую игру он решил поиграть на этот раз, но мне это не нравилось.

- Что за город счастья?

- Новый район, на окраине. Очень дорогой по тамошним меркам. Его только-только начали заселять, и нам нужно посеять там панику.

Я вспомнил, что видел рекламу этого самого «Города», когда шёл к Кайре.

Кайра, Коромальди-отец, Лу… Бармен, которого стошнило при виде того, что я натворил с сынком местного дона. Боже, как же давно это было.

- Для чего? – деловито поинтересовался Глазастик, но Рут, подняв на него мрачный взгляд, дал понять, что это не тот вопрос, который он хотел услышать.

- Завтра вы поедете туда и заложите бомбу где-нибудь в людном месте. Да-да, старый добрый терроризм. Как в учебниках. Всё, что вам нужно знать – это здорово поможет нам в борьбе, – Морган переводил взгляд исподлобья с напарника на меня и обратно. - Взрывчатку вам даст Шеф-Шеф. Остальное – сами. Надеюсь, не надо объяснять, как сделать бомбу? – босс вопросительно посмотрел на Глазастика, тот кивнул.

- Не надо. Справимся.

Уже выйдя из ресторана, я спросил:

- Что это вообще было?

- Цирк, – пробурчал Глазастик в ответ. - Очередной цирк.

- Я думал, Организация борется за то, чтобы спасти людей, а не наоборот. Бомба в людном месте – это как-то не очень вяжется с идеями всеобщего блага и прогресса, как считаешь?

- Слушай! – Глазастик остановился напротив меня, тряхнув дредами, и дыхнул в лицо, обдав запахом нечищеных зубов. - Я – не босс, понятно? Я не знаю, какие цели он преследует. Мне, например, важно знать, что он – единственный, кто пытается хоть как-то свалить Нейрокорп, и то, какими методами он пытается

это сделать, – несущественно!

- А если он захочет сбросить на город ядерную бомбу?

- …То я помогу ему это сделать, – ощерился напарник, - потому что я не вижу всей картины. Возможно, что ядерная бомба в центре – это единственный шанс хоть как-то сдвинуть всё с мёртвой точки.

- Отлично. Просто замечательно, – меня так и подмывало сказать Глазастику, что он – чудовище похлеще Рутланда. - Я предлагаю тогда заложить бомбу в больнице. Или на детской площадке.

- О боже мой, какие нежности, – зацокал языком напарник. - Надо будет – и на детской площадке заложу. Наше дело – выполнять приказы, иначе добрый дядя нажмёт на кнопочку и спалит нас ударом тока. Одни ботинки дымящиеся останутся. Прецеденты были, я их видел, зрелище малоприятное. Ты этого хочешь?

- Тьфу… Противно…

Занятно получается, офицер Морт. Вы развязали бунт полицейских для того, чтобы спасти людей с окраин от верной смерти, а теперь едете получать взрывчатку, чтобы их убивать. Если господь существует, то он точно не лишён чувства юмора. Своеобразного и извращённого.

Шеф-Шеф выдал нам несколько старых тротиловых шашек и всё суетился, порываясь рассказать, как правильно с ними обращаться, но Глазастик быстро его оборвал:

- Всё в порядке, приятель, ты же знаешь, я не первый год замужем. Иди дальше вари мет.

- Мет? – переспросил я позже, когда мы вышли.

- Ага. Это тоже одна из статей дохода Организации.

- Лучше б я этого не знал…

- Не надо меня разочаровывать, пупсик, – покосился на меня Глазастик. - Я думаю, что ты очень крутой коп, а ты с каждой такой фразой всё сильнее развеиваешь это впечатление.

Мне осталось лишь горько ухмыльнуться в ответ на «крутой коп».

Дорога до «Города счастья» заняла почти три часа. Глазастик скучал и всё время подшучивал над Азимовым, который в конце концов перестал отвечать и, что-то мне подсказывало, насовсем отключил слух.

- У-у, железяка депрессивная… - напарник хотел стукнуть робота по лысой металлической макушке, но тот вовремя увернулся.

- Почему депрессивная-то? – лениво спросил я, желая хоть как-то скоротать время поездки. Пусть даже ценой разговора с

Глазастиком, который очень быстро утомлял.

- М-м… - невнятно промычал бессмертный придурок. - Вообще, его сотворили в Нейрокорп. Он у них был чем-то типа неудачного эксперимента, вроде меня. Искусственный идиот, хе-хе, – увидев, что я не посмеялся над старой и посредственной шуткой, Глазастик продолжил, уже всерьёз: - Боевой андроид, полностью автономный ИИ. Ну и, насколько я знаю, в Компании очень боялись того, что он станет развиваться и захватит мир. Не смейся, я серьёзно. Фантастики, может быть, начитались, или ещё что… Ну вот и сделали так, что у нашей Азизы, хе-хе, постоянная депрессия. Ну, что-то вроде эмуляции эмоций, как у «электронного друга». Только собачка радуется, когда ты домой приходишь, а Азимов постоянно в печали. Ничего не имеет смысла, всё всегда очень плохо и так далее.

- А что потом? – заинтересовался я.

- А потом проект закрыли, – шелестящий синтетический голос Азимова заставил меня дёрнуться. - Меня должны были разобрать на запчасти. Но я сбежал.

- Ага. И теперь у тебя не жизнь, а сказка. Верно, железяка?

- Верно, придурок.

- Слушай… - у меня возник вопрос, который я не мог не задать. - А зачем тогда было вообще сбегать? Ну, в смысле, ты же знал, что тебе предстоят мучения?

- Разумеется, знал. Но умирать как-то мучительнее.

- «Бла-бла-бла», – скривился Глаазстик. - Кого ты слушаешь? Программа у него такая. Ни в коем случае не допускать причинения вреда себе или союзникам.

- Хоть бы спасибо сказал, – прошипел Азимов.

- Кому? – усмехнулся напарник. - Груде хреново собранного металлолома? Нет уж. Эдак мне надо кастрюлю за суп благодарить…

- Мудак, – резюмировал Азимов и замолк.

- Хах. Не зацепил. Всё равно, что на тостер обижаться.

После недолгого совещания мы решили заложить бомбу прямо сейчас. Сама по себе идея уже не казалась столь чудовищной – мозги настроились на работу. Я смирился с тем, что пока надо подчиняться Рутланду. В конце концов, рано или поздно он за всё ответит, и я сбегу. Наверное, так и становятся неживыми – привыкают бездумно подчиняться и выполнять любые приказы, даже самые преступные. Несмотря на то, что в полицейской академии нас драли за любое нарушение дисциплины, уже позже, работая детективом, я пришёл к тому, что лучше всё же сделать по-своему. Особенно если тебе приказывают сотворить какую-нибудь хрень.

- Заложим бомбу вон там, у магазина, – ткнул пальцем Глазастик. - Бросим пакет в урну и дадим дёру. Дел на пять минут.

- Угу, – буркнул я. - Вот сам и закладывай.

- И заложу, мистер Чистые Ручки! – огрызнулся напарник.

Мы торчали на одной из небольших улочек – узких, прямых и пока что чистых. Над нами возвышались двадцатиэтажные громадины жилых апартаментов, как и в рекламе – ярких, высоких, похожих на сказочные замки из хрусталя. Людей было немного, даже деревья кое-где росли. Недавно прошёл легкий снежок, после которого облака рассеялись и выглянуло солнце, уже почти скрывшееся за горизонтом и окрасившее небо на западе во все оттенки красного. Хорошо…

Глазастик, что-то бурча под нос, вылез из машины и, кутаясь в пуховик, добрался до нужной ему урны, прилепившейся к небольшому крыльцу магазинчика самообслуживания. Яркая вывеска, нелепое название. Туда то и дело входили люди. Не так много, как в центре, но это, скорее всего, оттого, что район не особенно сильно заселён. Мужчины в костюмах и рабочих комбинезонах, женщины в искусственных шубках ярких цветов и с дорогими бустерами на выбритых висках. Некоторые с колясками.

Напарник опустил пакет в урну. И повернул обратно, никем, я надеялся, не замеченный. Да, он прятал лицо за высоко поднятый воротник пуховика и капюшон, но камеры, я был уверен, тут уже установили на каждом столбе, так что нашу машину можно будет легко отследить… А, к чёрту. Пусть это заботит Рутланда. Судя по всему, нас опять передислоцируют, так что наплевать. Пошиковал в отличном номере – и хватит. Добро пожаловать снова в дерьмо и подземелья.

- Поехали… - Глазастик сел в машину. - Только медленно, не привлекая внимания. Таймер сработает через час.

Я чувствовал себя как никогда гадко.

Азимов тронулся, мы двигались обратно в большой город. Глазастик демонстративно отвернулся и уставился в противоположное окно, а я рисовал у себя в воображении последствия взрыва.

Бомба сработает где-то в половину седьмого. Стемнеет. Многие люди как раз вернутся с работы и первым делом по дороге домой пойдут в супермаркет. Час пик. Очереди, многолюдье. И тут – взрыв. Тем, кто будет заходить или выходить, не повезёт больше всех. Их разве что стоматолог сумеет опознать. Несколько килограммов старого доброго тротила – это вам не шутки. Мелкодисперсная кровавая плёнка на стенах – их

удел. Те, кто стоит подальше, где-то в радиусе пятнадцати метров, – будут отброшены в сторону взрывной волной и далеко не всегда единым куском. Взрыв такой силы срывает с людей одежду. Я знаю, я видел. Так что лежать этим беднягам в каше из грязи и снега нагими, холодными и кровоточащими.

Менее тридцати метров – смерть от осколков и ранения. Да-да. Бутылочные крышки, мелкие гвозди и шурупы, равно как и другой металлический лом, летает далеко и бьёт больно. Живые позавидуют мёртвым – у врачей будет много работы по выковыриванию металла из упитанных среднеклассовых тушек.

Далее – не так страшно, но тоже мало приятного.

Мозг услужливо напомнил мне про женщин с колясками, и мне стало дурно.

Я не питал к этим людям любви – в конце концов, я действительно был копом, и мизантропия входила в комплект полицейского снаряжения, но, чёрт побери, точно так же я не понимал, зачем их убивать.

«Ненавидь их, Эйдер», - прошептало подсознание.

Вспомни всех мудаков, что встречались тебе в жизни. Всех бизнесменов, готовых тебя загрызть, едва повернёшься спиной, всех богатеньких мажоров, привыкших решать проблемы с помощью толстой пачки наличных, всех «Да-Ты-Знаешь-Чей-Я-Сын», всех, кто оттаптывал ногу в метро, а также всех, кто парковал машину на твоём месте и хамил в ответ на просьбу переставить.

Всех женщин – беспросветных идиоток, сумевших захомутать богатого жениха и уехать, наконец, за пределы серого и грязного заводского района, и только на основании этого считавших себя лучше, круче и умнее других…

- Мне нужно выпить, – сказал я отчего-то охрипшим голосом.

- Ты с ума сошёл?! – Глазастик был так удивлён, что даже соизволил повернуться. - У нас сейч…

- Мне. Нужно. Выпить! – я уже не говорил, а глухо рычал. - И если ты меня не выпустишь, я выломаю нахрен дверь и выйду так!

- Останови, – бессмертный очень быстро уверился в серьёзности моих намерений и предпочёл дать ребенку соску вместо того, чтобы устраивать представление на всю улицу, рискуя быть замеченным. - Лицо замотай, – прошипел он, протягивая мне старый клетчатый шарф. - Алкаш хренов!

Его перекосило от гнева, из ушей едва ли не пар валил, дреды, казалось, встали дыбом, но мне, видит бог, было совершенно наплевать.

- Ближайший магазин вон там! – крикнул мне Глазастик, открыв окно и ткнув пальцем куда-то во дворы.

Отлично. То, что надо. Свернув за угол, тут же пустился бежать. Я уже чувствовал себя так - во время бунта полицейских. Решился на поступок, который, возможно, получит очень неприятные последствия. Подсознание трубит, предупреждает об опасности, нагнетает чувство тревоги и желание повернуть обратно, но всё напрасно. Ноги сами несут – вперёд, вперёд, со всей возможной скоростью, пока в голове вертится по кругу только одна мысль, как заезженная пластинка.

«Дерьмо, дерьмо, дерьмо, дерьмо…»

Я вернулся к магазину, успев вляпаться по дороге в покрытую льдом лужу и промокнуть до колен. Выдернул из урны пакет, уже присыпанный мусором, и запустил внутрь руку.

Итак, проматываем записи. Я внимательно наблюдал за тем, как Глазастик делал бомбу, и теперь у меня есть видео с глаз в шикарном разрешении. Разобраться что к чему нетрудно. У меня перед глазами бессмертный, сидящий за столом с паяльником в руке. Вот он припаивает один провод… Второй… Подсоединяем этот к детонатору, а вон тот синий… Да, точно. Синий. Возвращаюсь в реальность, где на меня уже косятся проходящие мимо люди.

- Кхе-кхе-кха! – я усердно изображаю из себя больного туберкулёзом. - Одно дерьмо! Вот бы кто-нибудь выкинул виски! – отрываю синий провод, бросаю пакет обратно в мусорку, снова захожусь в притворном приступе кашля и подмигиваю красотке, которую выворачивает от одного моего вида.

Ну хорошо, может быть, не только от вида, но и от запаха – отрезвляющие таблетки сделали своё дело: я трезвый, мокрый от пота, как мышь, и воняю, как портовый грузчик.

Ещё две минуты – и я снова сижу в машине рядом с Глазастиком.

Дело сделано, меня трясёт от напряжения и адреналина…

Напарник ворчит, но я не слушаю. В голове звон и пустота, посреди которой бьётся какая-то важная мысль. Её никак не удаётся облечь в форму слов. Как будто я что-то забыл и упорно пытаюсь вспомнить. Я гоняюсь за этой мыслью по всему мозгу, но чертовка всё равно быстрее – ускользает, меняет форму, прячется…

Я распечатываю бутылку скотча, купленную в магазине за углом, о котором говорил мне Глазастик, прикладываюсь к горлышку и делаю два могучих глотка. Гортань обжигает хорошо знакомый и ставший давно привычным сивушный вкус дешёвого пойла. В этот раз от него почему-то едва не выворачивает наизнанку.

Я открываю окно, высовываю голову и выпускаю виски на

свободу.

Лети, божье создание!

- Мерзко, – кривится Глазастик. - Слышишь, Эйдер? Ты мерзкий старый алкаш.

Спазм проходит. Я бросаю на бессмертного красноречивый взгляд исподлобья, а потом, размахнувшись, выбрасываю бутылку в окно.

- Больше не алкаш, – закрываю окно и демонстративно отворачиваюсь, так же, как Глазастик несколькими минутами ранее. - А тебе не помешало бы почистить свои грёбаные зубы.

18.

Бунт полицейских начался, когда я отдал приказ не открывать огонь. Мы знали, что теперь сами поставили себя вне закона. Очень скоро Компания узнает, кто именно всё натворил, я буду объявлен врагом общества номер один, а люди, в которых я побоялся стрелять, разграбят центр и будут частично убиты, а частично разогнаны… Именно эта мысль и побудила меня сделать то, за что мне и выписали двести пятьдесят лет тюрьмы против обычного двадцатилетнего срока.

- Связь! – крикнул я во всю глотку, пытаясь переорать гомон толпы, проходившей по мосту и смотревшей на нас со смесью страха и благодарности.

- Мне нужна дальняя связь!

Я не заметил, как сзади ко мне подошел Стравински.

- Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Потому что я окончательно перестал что-либо понимать.

Я взял его за лацкан пиджака и притянул к себе:

- А ты бы хотел, чтоб тебя живьём разорвали?

Напарник покачал головой:

- Может, и не разорвали бы. У нас оружие, броня, силовые имплантаты…

- Хорошо, тогда зайдём с другой стороны, – я ткнул пальцем в проходящую мимо толпу. - У тебя в руках оружие. На тебе броня, ты можешь руками рельсы узлом завязывать. Крутыш, да? Так вот, подними свое оружие, - чеканил я каждое слово, - напряги свои замечательные мускулы и выстрели, скажем, вон в ту тётку. В красном пальто. Или в ту мамашу с детьми.

- А если я способен выстрелить, ты не думал? – сощурил глаза Стравински. - И, кстати, там, куда они идут, тоже есть тётки и мамаши с детьми. Просто на тот случай, если ты забыл. Просто признайся – ты боишься. Гуманизм тут ни при чём.

Многолюдная толпа, пробиравшаяся по мосту, никак не хотела заканчиваться – текла как полноводная река.

- Там, – ткнул Стравински пальцем в сторону окраины, - беспорядки, пожары, мародёры и убийцы. И всё это дерьмо ты только что пропустил в центр.

Я молчал. Он тоже.

Мимо проходили люди – сотни людей, обтекавшие машины и бетонные блоки, словно поток воды речные камни. Напарник тряхнул головой, повернулся и пошел прочь, в сторону центра города, сливаясь с толпой.

- Куда ты? – крикнул я, пока он не исчез окончательно.

- Подальше отсюда, – Стравински обернулся. - Ты не спас этих людей, Эйдер. Ты увеличил количество жертв. И обрёк на смерть нас всех. Попомни мои слова.

Я запомнил его последний взгляд – презрительный, острый, почти ненавидящий.

Спустя несколько лет, уже после тюрьмы и первой попытки начать новую жизнь, я узнал, что Стравински погиб в ту ночь – точно так же, как и многие хорошие копы. Модели Mark I, тогда ещё не названные новокопами и не распиаренные как защитники закона и порядка, загнали его на крышу и пристрелили. Вот так вот просто и буднично. В его смерти не было совершенно ничего особенного – ни героизма, ни страданий и превозмогания, ни даже трусости и предательства. Просто в голове стало на пятнадцать граммов металла больше. В ту ночь убийство стало обыденностью. Ещё одним рутинным процессом, который люди автоматизировали.

- Сэр! - ко мне подбежал Рутланд и протянул передатчик дальней связи. - Что мы будем делать, сэр?

- Связываться с другими постами, – я принял передатчик.

Говорить пришлось открыто – в нашем сборнике кодовых фраз возможность бунта как-то не предусматривалась. Я обрисовал ситуацию в двух словах и выслушал доклады остальных постов.

Где-то кипели ожесточённые перестрелки, закончившиеся не в пользу полиции, – толпа просто смела заграждения и разорвала копов голыми руками. Не помогло оружие, не спасли имплантаты, и транспорт тоже никого не выручил. Я с удовлетворением осознал, что принял верное решение – стоило прозвучать только одному выстрелу, и на наши имена уже можно было бы заранее выписывать посмертные медали.

Где-то копы ещё не встретились с толпой и пребывали в замешательстве, и, слушая мой рассказ, никак не могли понять, что им делать.

- Говорит комиссар полиции, – посторонние голоса в канале куда-то исчезли, уступив место одному-единственному, лично

мне хорошо знакомому. - Приказ был – сдерживать натиск толпы. Или я как-то не так объяснил? Извольте его выполнять. А вам, молодой человек… Как вас?... Морт? Предлагаю сразу же сдаться. Вы должны знать, что чистосердечное признание и сотрудничество со следствием…

Появилось ощущение, что кто-то телепортировал мне в грудь ледяную глыбу.

- Пошел ты! – крикнул кто-то в канале. - Говорит пост Чарли-Браво! У нас тут была долбаная война! Держаться, говоришь? Ха! Нас там было сто человек, осталось только трое, и то только потому, что мы сбежали! Не слушайте этого старого козла, мы…

- У вас. Был. Приказ! – отчеканил комиссар. - Все, кто его нарушит, будут наказаны.

- Всех не накажете, сэр, – удивительно спокойный голос. - Это пост Виски-Дельта! Толпа идёт к нам! Их тут тысячи! Вы сами-то где находитесь, а, комиссар? Прилетайте к нам, подбодрите людей своим примером!

Разгорелся безобразный скандал. Полицейские, оставшиеся лояльными, спорили с теми, кто не хотел умирать. Ругательства, крики, оскорбления… Слушать их было утомительно. Главное, что я понял – я не одинок в своем решении.

- Сэр? – оглянувшись, я понял, что Рутланд всё ещё стоит рядом со мной.

- Две новости, Морган, – вымученно улыбнулся я. - Хорошая и плохая. Плохая – мы теперь преступники. Хорошая – нас таких много.

- Это радует, – улыбнулся Рут. - Я передам ребятам. Что нам теперь делать?

Это был чертовски хороший вопрос. У меня не было чёткого плана, когда я вопил «Отставить огонь!», и теперь приходилось лихорадочно соображать, пытаясь придумать, что делать дальше.

- Скажи парням, чтобы разворачивали оборону в сторону центра, – это единственное, что тогда показалось мне хорошим решением. - Там видно будет.

Я сообщил о своём намерении развернуть оборону на сто восемьдесят градусов, на что комиссар полиции назвал меня мудаком и предателем.

- Если у вас есть командирские бронетранспортёры, можно перекодировать наши передатчики, – деловито сказал кто-то. - Им придётся попотеть, прежде чем удастся взломать наши частоты.

«Им».

Это слово почему-то кольнуло мои уши.

- Хорошая идея, Эйдер, – похвалил меня капитан с поста Дельта. - Мы тоже разворачиваемся. Парни, - обратился он к

полицейским, оставшимся лояльными, - мы не хотим стрелять в вас, и вы, я уверен, тоже не хотите идти на пули. Никто не хочет умирать. Надеюсь, вы поймёте нас правильно!

Я снова подозвал к себе Рутланда, как единственного, кто вызвался мне помогать. Отправил его к командирской машине с приказом о переходе на защищённые частоты, пока что недоступные… Кому? Лояльным копам? Комиссару? Нейрокорп?... Неважно, кто это был, главное, что произошёл раскол. Как-то очень быстро я стал воспринимать другую сторону, как противника. Пока что – условного.

Вскоре я сумел перейти на закрытый канал, где уже шли переговоры командиров групп. Капитан с Дельты пытался выяснить, какие силы есть в нашем распоряжении. По предварительным подсчётам, это была почти тысяча стволов, включая несколько команд SWAT, патрульные вертолёты, бронированный транспорт, командные БТР и ещё куча имущества, подготовленного для подавления беспорядков. Нам ещё только предстояло понять, как можно использовать всё это добро для обороны.

Толпа уже почти миновала мост и углубилась в центр. Плотность людского потока изрядно уменьшилась, последние сейчас как раз входили на мост.

- Лояльные в атаку не пойдут, - уверенно сказал капитан Теннант (да-да, тот самый, с Дельты, с хриплым голосом старого пирата). - Нет, только не теперь. У них полно других дел. Наши замечательные гражданские начали грабить супермаркеты и склады. Отсидимся, надеюсь, что…

Его прервал крик, раздавшийся на старом канале, который мы всё ещё продолжали слушать:

- Вертолёты!!! Сэр, пост Виски-Хотел! Нас обстреливают! Вертолёты! Комиссар, какого хре…?! – звуки стрельбы и взрывов, очень красноречиво оборвавшиеся на полуслове.

- Вы там что вообще творите? – рявкнул Теннант. - Охренели вконец?

- А что мне делать? В задницу вас целовать? – да, комиссар говорил спокойно и отчётливо, чеканя слова, но чувствовалось, что ему это дорого обходится и внутренне он напряжён.

- Что вы там говорили, кэп? Не пойдут? – саркастически спросил кто-то. - Ну-ну…

- К нам тоже направляются вертушки! – панически закричал кто-то в командирском канале. - Нужна поддержка с воздуха!

Похоже, мы сильно разозлили комиссара, и тот решил сперва разделаться с мятежниками, бросив город на произвол судьбы. Я осмотрел небо на предмет приближающихся вертолётов и, к

счастью, ничего не обнаружил. Лояльные копы действительно были очень ограничены в силах и, очевидно, не могли себе позволить напасть на все посты разом.

- Парни, поднимайте в воздух свои вертушки! Пусть прикрывают посты! – крикнул я в закрытый канал и добавил в общий: - Комиссар! Вы понимаете, что только что сделали?..

- Надеюсь, это ВЫ понимаете, мистер бывший детектив.

«Мистер бывший детектив» прекрасно отдавал себе отчёт в своих действиях, но был немало обескуражен тем, как быстро разворачивались события.

- Парни, больше нет причин торчать на постах, – сказал Теннант. - Нас найдут и прижмут. Собираемся в одном месте! – кэп назвал адрес. - Дуйте туда с максимальной скоростью! Даю вам на всё про всё полтора часа! Опоздаете – колонна уйдёт без вас!

- А куда пойдёт колонна? – спросил я.

- Рано говорить об этом!

- Ясно, сэр. Рутланд! – крикнул я, и помощник тут же материализовался рядом. - Сажай людей на машины, мы срочно должны убираться с моста, пока тут не нарисовались вертолёты!

- Вертолёты? – округлил глаза Рут.

- Да! – рявкнул я. - Плохо слышишь что ли? Бегом! Времени нет!

Морган убежал, проталкиваясь сквозь людей, я видел, как он доводит до них мой приказ.

- Это Морт! Запрашиваю поддержку с воздуха!

- Пока не можем дать. Как только, так сразу! – кэп, похоже, уже освоился в роли руководителя мятежа, чему я был несказанно рад, поскольку чувствовал, что сам эту роль не потяну, а люди ждали от меня приказов, думая, будто я знаю, что делаю.

Смешно.

На мосту уже не осталось гражданских – они все углубились в центр, уже кое-где горевший. Я осмотрел в бинокль районы по ту сторону моста и увидел сновавших тут и там людей, что выносили барахло из супермаркетов. Не еду и алкоголь (их разобрали в первые минуты), а одежду, электронику, ювелирные украшения, ещё какие-то шмотки... Я успел мельком увидеть пожилую женщину, катившую украденную из супермаркета тележку, полную чистящих средств. Боже мой, куда ей столько?..

Червь сомнения очнулся и принялся грызть меня с новой силой.

Копы, перекрикиваясь, рассаживались по машинам, и я проследовал к командной - угловатому серо-синему бронетранспортёру. Парамедики уже увезли нашего капитана в

госпиталь, поэтому я мог с полным правом занять его место. Колонна сорвалась и помчалась по улицам, заполненным мародёрами. Я впервые видел центр в таком состоянии. Люди поняли, что им теперь ничего не грозит, – полиция не станет стрелять, и теперь добыча еды отошла на второй план, уступив место жажде наживы.

- Внимание всем! – передал Теннант. - Для того, чтобы не перестрелять друг друга, крепите к антеннам химические светильники! Повторяю, для идентификации…

Это была отличная идея. Я довёл её до остальных и поручил Рутланду слазать наверх – примотать к антенне скотчем тонкую пластиковую палочку, начинавшую ярко светиться, если её резко согнуть.

Прошло совсем немного времени, прежде чем центр города обесточили. Полностью – я видел, проезжая мимо госпиталя, что даже там не горит свет. Электричество осталось только в башне Нейрокорп – мы видели издалека, как она светится – исполинская яркая игла, пронзающая небеса.

Мы зажгли фары, в свете которых то и дело появлялся очередной мародёр, несущий в руках очередное барахло.

Откуда-то прилетело несколько длинных очередей, пробарабанивших, в том числе, и по броне нашей машины. Я вздрогнул.

- Из переулка! – рявкнул водитель головного броневика, и тут же бойницы правого борта почти всех машин расцвели трассирующими пулями и огненными цветками выстрелов. Стреляли и в моей машине – я видел, как ещё совсем молодой патрульный с обалдевшими глазами, в которых не читалось ничего, кроме ужаса и паники, выпускал пулю за пулей в белый свет даже не целясь.

- Прекратить огонь! – прикрикнул я. - Это мародёры! Не отвлекаться! Продолжать движение!

Главные улицы – самые широкие - были постоянно забиты транспортом. Даже по ночам там тянулись километровые пробки, по которым мы не смогли бы пробиться, даже если бы сильно захотели. Тут помог бы разве что танк, поэтому двигались мы окольными путями – петляя, рискуя опоздать, потеряться или нарваться на шайку мародёров, догадавшихся взять с собой на прогулку, скажем, самодельный гранатомёт. Это не шутка, в трущобах было много всего интересного, поскольку инженерам, сокращённым с заводов Нейрокорп, очень хотелось есть.

Встречные машины безропотно выезжали на тротуар и уступали дорогу, едва завидев наших бронированных монстров.

- Сэр! Вертушки! У нас тут бой! – доложили Теннанту в

командирском канале. - Несём потери! Нужна поддержка с воздуха!

- Высылаю вертушку по вашим координатам. Одну! Всё, что могу! Держитесь, парни!

Нам чертовски везло. Пока где-то погибали хорошие ребята, нашей главной проблемой оставались транспортные заторы и редкие выстрелы из темноты.

Полнейшая неразбериха – вот как можно было охарактеризовать то, что творилось на улицах. Все стреляли во всех: жители окраин, мародёры, копы-лоялисты и копы-мятежники. Одна колонна лоялистов ухитрилась разгромить другую, в темноте приняв их за нас, вертолёты обстреливали фуры, принимая их за бронированные транспорта, жители верили только своим пистолетам и дробовикам, а те, у кого оружия не было, не верили вообще никому и ничему. Пожары, грабежи, стрельба, война и кровь.

Настоящий хаос.

Рутланд сжимал дробовик так, что побелели костяшки пальцев. Его пухлое доброе лицо перекосило от страха, а белоснежные кудри растрепались.

- Не дрейфь, – решил я подбодрить помощника и подмигнул: - Всё будет хорошо.

Мне не удалось его успокоить, ибо сам я выглядел отвратно и уверенности в собственных словах не имел.

Мы добрались до Теннанта на три минуты раньше условленного срока. Он уже успел развернуть целый полевой штаб - на небольшой площади, предназначенной для пеших прогулок, теперь стояли полукругом полицейские машины и бегали туда-сюда люди в форме с сорванными знаками отличия.

Площадь ощетинилась стволами штурмовых винтовок и дробовиков. На крышах ближайших домов я разглядел вертолёты. Копы увидели химические светильники на наших машинах и потому безропотно позволили припарковаться рядом с ними.

- Кто такие? – спросил Теннант по рации.

- Эйдер Морт, сэр.

- Отлично, сынок. Рад тебя видеть. Внимание всем! Готовность к выезду – три минуты!

Нас было намного меньше, чем я ожидал увидеть, о чём я и сообщил кэпу.

- Не всем повезло так же, как тебе Эйдер, – ответил он. - Но они за всё ответят…

Снова «они».

Мы опять выстраивались в колонну, ребятам с нашего поста досталось место почти в самом центре. Почему-то я думал, что

мы собираемся бежать из города, и потому был немало обескуражен, увидев на мониторе маршрут движения, проложенный капитаном. Он вёл нас ещё глубже в центр Нейро-Сити и обрывался возле здания Департамента Полиции.

- Эм… Сэр? Я правильно понял, что мы движемся к… - кто-то в эфире буквально снял с языка то, что я собирался сказать.

- Да. Ты всё правильно понял, – отрезал капитан голосом, не терпящим возражений.

Подумав как следует, я понял, что это решение – самое благоразумное из всех возможных. В самом деле, будем бежать – догонят и уничтожат. Станут утюжить вертолётами, давить оставшейся техникой, стрелять из-за угла и перегораживать улицы, а тех, кто всё-таки сумеет выбраться из города, – преследовать до конца дней. От наказания не уйдёт никто, поскольку надёжно укрыться от Нейрокорп можно было, разве что, на Марсе.

Колона тронулась с места и покатилась вперёд. Вертолёты поднялись с крыш и охраняли нас с воздуха. Мы растянулись почти на милю - очень много техники и людей. В нарушение всех инструкций двигались на полной скорости и без прикрытия пехоты – чистое самоубийство в обычных обстоятельствах и единственное адекватное решение сейчас, посреди царящего вокруг безумия. Не прошло и пяти минут, как путь нам перегородила наспех наваленная баррикада – столбы, скамейки, мебель из домов. На ней кто-то стоял и открыл огонь в нашу сторону, едва завидев свет фар.

- Гражданские, сэр, – доложил командир головной машины.

- Огонь! Нет времени! – голос Теннанта лязгнул, как гусеницы танка, вминавшие мою собственную плоть в бетон, а я подумал: «Как быстро из спасителей мы переквалифицировались в убийц».

Стравински был чертовски прав: я лишь увеличил количество жертв.

Впрочем, не было времени для сомнений. Что сделано – то сделано, и сейчас нашей главной задачей было спасти самих себя и свои семьи. Да и какой толк был в том, чтобы погибнуть там, на мосту? Я всё ещё не видел в этом ничего полезного для себя лично.

Да, я не хотел спасти этих людей. Просто очень хотелось жить. Когда я признался в этом самому себе, стало легче.

Сквозь баррикаду мы пронеслись, даже не заметив, что на её месте что-то было. Смели с ходу, паля во все стороны из бойниц. Я успел мельком заметить, как чей-то выстрел, возможно, что Рутланда, размозжил голову одному из нападавших – низкому,

коренастому, чем-то похожему на гнома.

Колонна мчалась по центру города - тёмному, мрачному, освещённому лишь пожарами. Их пока было немного, но меня не покидала уверенность, что это ненадолго. Люди почувствуют, что копы заняты разборками друг с другом, слетят с катушек, выпустят из клетки своих внутренних зверей и тогда…

Я предпочёл бы оказаться в экваториальных джунглях, кишащих диким зверьём и ядовитыми насекомыми.

Мы уже отстреливались от множества мелких легковооружённых банд, не разобравших в темноте, кто этот там едет, и дальше должно было стать только хуже. Впрочем, если всё пойдёт как надо, то мы уберём руководство департамента полиции и у Нейрокорп просто не останется иного выхода, кроме как признать нас чистыми. Кто-то же должен очистить улицы от озверевших людей. Да, именно так. От тех самых людей, стрелять в которых мы отказались, заварив всю эту кашу. Но мы, как и говорил Стравински, в конце концов, спасали не людей, а себя. В этом свете всё выглядело иначе.

Рутланд напряжённо всматривался в багровую темноту за бортом машины и держал наготове дробовик, а я осматривал всё в командирский визор – с «ночником», тепловидением, лазерным целеуказателем и прочими вкусностями. Компания, которой регулярно приходилось давить беспорядки на окраинах, на оборудование для полиции не скупилась. Жаль, что из оружия у нас был только один лёгкий пулемёт.

Гул вертолётных винтов над нами стал громче, и в командирском канале кто-то вскрикнул:

- Воздух!

- Вижу противника! – тут же отрапортовал наш пилот. - Сначала уклонение, затем атака! За работу, парни! Земля, прикрывайте!

Сказать было легко. В воздухе кружилось порядка сорока машин, и понять, какая из них чья, в первые минуты боя было совершенно нереально. К счастью, нас выручили пилоты, пометившие вертолёты лоялистов, как вражеские. В прицелах визоров их силуэты мерцали ярко-красным цветом.

Я задрал ствол пулемёта максимально вверх и дал первую очередь, трассирующую, пробную, полностью ушедшую в молоко. Выстрелы громыхнули так, что заложило уши, застучали в коробе пустые гильзы.

- Скорость не сбавлять! – скомандовал Теннант. - Повторяю, не останавливаться! Колонна должна двигаться!

Полицейских пилотов не учили вести воздушные бои, поэтому схватка над нами напоминала портовую драку –

жестокую, бесчестную, неумелую. Ту, что выигрывается не за счёт умения, тактики и холодного расчёта, а одной только яростью, риском и напором, на короткой дистанции, практически в клинче.

У половины машин вооружение отсутствовало как таковое – только инструменты для разгона толпы, но даже они использовались, за неимением лучшего. Гранатами со слезоточивым газом пытались угодить в лопасти или кабину, стреляли резиновыми пулями по корпусам и стёклам. Разумеется, это не помогало, зато хоть как-то отвлекало внимание.

Нам, земляным червям, попасть во что-то в воздухе было нереальной задачей, и тем не менее колонна упорно палила вверх как из бортового оружия, так и из личного.

Вражеский пилот вырвался из драки и прошёлся на бреющем полёте над колонной, поливая её из пулемётов. Я видел, как его BFC-13 движется прямо на нас, прошивая грузовики и бронетранспортёры, превращая их в братские могилы – коварные, взрывоопасные, создающие опасные заторы на пути остальных машин.

К счастью, пулемётная очередь нашла вражеский вертолёт раньше, чем он добрался до нас. Противнику практически перерубило корпус пополам, и он, проехавшись хвостом по окнам жилого дома, рухнул где-то на тротуаре, тут же взорвавшись.

Только увидев, что он горит, я сумел ослабить ладони, вцепившиеся в рычаги наведения, и шумно выдохнуть. По лбу стекали капли холодного мерзкого пота, хотелось истерически смеяться. Наблюдавший за всем этим Рутланд беззвучно шевелил губами – наверное, молился.

Я продолжил водить стволом пулемёта, выискивая вражеские машины и пытаясь их сбить. Этому очень мешало то, что я никак не мог взять необходимое упреждение. Вертолёты над колонной кружились, как мухи над разлагавшимся трупом, стреляли друг в друга, промахивались, прошивали очередями пулемётов дороги, крыши и окна жилых и офисных зданий, едва ли не шли на таран, стремясь уничтожить противника, уже не задумываясь над тем, что в других машинах сидят точно такие же копы.

Осколки стекла и металла вместе с горящими кусками фюзеляжей осыпались с неба инфернальным дождём, в то время как им навстречу летели трассера.

Бой внезапно оборвался. Я не успел уловить момент, когда всё закончилось, меня отрезвил голос пилота в командирском канале – запыхавшийся, глухой, уставший:

- Прекратить огонь! Повторяю, прекратить огонь, враг уничтожен.

Рутланд выронил дробовик, обхватил голову ладонями и

взвыл.

- Успокойся! – прикрикнул я, но он не слушал, поэтому помощника пришлось как следует пнуть ногой, приводя в чувство. - Всё! Всё кончилось! Ты жив!

Я лгал.

Всё только начиналось.

Департамент Полиции занимал тридцатиэтажное здание, стоявшее на самом высоком ярусе города. Под нами было несколько подземных уровней, запутанных, переплетённых друг с другом, никогда не видевших солнца. Раньше на верхних этажах Департамента ярко светились огромные буквы NCPD и стилизованный полицейский жетон, но сейчас здание было тёмным, как и весь остальной город. Кроме, разумеется, башни Нейрокорп – свет в ней так никто и не отключил, и исполинская игла светилась, как новогодняя ёлка.

Тут не было мародёров – видимо, боялись подбираться, опасаясь, что у полиции ещё остались козыри в рукаве.

- Выгружаемся! – скомандовал Теннант. - Патрульным и детективам занять оборону, SWAT приготовиться к штурму!

Хвала всем богам, что нас хотя бы не погонят на пули. Уверен, в здании приготовлено полно сюрпризов.

- Внимание! Говорит капитан Теннант! – кэп вышел на открытую частоту. - Мы не хотим кровопролития! Сегодня и так погибло много людей! Сложите оружие! Повторяю…

Разумеется, комиссар не мог остаться в стороне.

- А может быть, нам ещё штаны снять и булки раздвинуть? – прорычал он. - Вы трусы и предатели! Вы пропустили в город шваль, которая сейчас убивает и грабит! Вы этого хотели?

- А вы бросили нас умирать на постах, зная, что мы не сдержим натиска! Как бы вы поступили на моем месте? – парировал Теннант.

- Я был на вашем месте, когда был капитаном. А вы на моём – нет. И не можете знать, что именно я делал и с какой целью.

- К чёрту препирательства, – отрезал кэп. - Сдавайтесь. Мы не хотим крови.

- Поздно, капитан. Слишком поздно, – комиссар, видимо, отключился от канала, поскольку дальнейшие попытки вызвать его на разговор оказались бесплодными.

Копы уже занимали оборону на подступах к зданию, причём готовились отражать атаку с двух сторон. Мы поставили машины полукругом, в два ряда. Между ними оказалось достаточно пространства для того, чтобы уместить всю нашу ораву. SWAT занял позиции на подходах, прячась за укрытиями, держа оружие наизготовку и ожидая приказа. Я всё ещё сидел в командной

машине и собирался поддерживать штурмующих пулемётным огнём. Вертолёты, принявшие на борт команды спецназа, лениво кружились вокруг здания, как акулы возле водолаза, которого собирались сожрать.

- SWAT! Готовность тридцать секунд. Парадный вход и первый этаж под прицелом! Огонь по команде!

Потянулось томительное ожидание.

- Огонь!!! – рявкнул капитан, и в тот же миг в здание Департамента полетели первые пули.

Я нажал на спуск и снова почувствовал, как пулемёт выплёвывает свинец, нагреваясь и дёргаясь в моих руках как живое существо.

Спецназовцы использовали дым, и все подходы к зданию заволокло густой тёмно-серой пеленой. Вертолёты зависли над крышей, тоже покрытой дымом, и высаживали команды SWAT.

- Прекратить огонь! Штурм, в атаку!

Спецназ скользнул вперёд – как всегда быстро, плавно и грамотно. Я не успел заметить, как они выпрыгнули из укрытий и рванулись к зданию – лишь смазанное движение, что-то вроде быстро промелькнувшей тени. Впрочем, возможно, что это и была тень или помехи в визоре.

«Ничего, скоро всё закончится», - успокаивал я сам себя.

Мы захватим здание Департамента, подвесим за яйца комиссара, выйдем на связь с Нейрокорп и предложим им свои услуги. Они просто не смогут нам отказать, ибо другой силы, способной утихомирить бунт, в городе просто нет. Хаос кончится, жизнь снова вернётся на круги своя. И об этом бунте лично я предпочту не вспоминать.

Первые вспышки в окнах – уже на втором этаже. Я следил за тем, как на мониторе появлялись подсвеченные цели, и стрелял по ним, помогая спецназу продвигаться вперёд. На крыше тоже дела обстояли неплохо – SWAT высадился и зачищал верхние этажи. В этом их здорово поддерживали вертолёты, утюжащие из пулемётов всё, что имело глупость пошевелиться. Операция шла просто отлично.

Рутланд более-менее расслабился, Теннант уже отдавал команды не дёрганым нервным голосом, а спокойно и деловито. Неразбериха и паника отступили. Мы все вошли в колею и просто делали свою работу.

«Скоро всё кончится… Скоро…»

И тут произошло то, чего никто не ждал. Ни я, ни Теннант, ни комиссар, который уже мог слышать из своего кабинета выстрелы и крики верных ему людей, безжалостно теснимых спецназом. Позже этот момент часто снился мне в кошмарах.

Башня Нейрокорп ожила.

Где-то в районе тридцатого этажа, который казался почти что подножием, настолько штаб-квартира Компании была высока, открылись невидимые ранее ворота, замаскированные под обыкновенные зеркальные окна. И оттуда, из темноты, резко выделявшейся на фоне ярко освещённой башни, высыпал небольшой рой серебристых вертолётов. Рубленая, хищная форма корпуса – ни дать ни взять какая-нибудь спортивная модель из числа тех, что так любят покупать толстосумы, не знающие, куда потратить деньги.

Никто точно не понял, что случилось, но это не помешало оценить ситуацию и сделать верные выводы. Мы попали в засаду.

- Это ловушка! – вскрикнул капитан Теннант, и тут же, словно в подтверждение его слов, здание Департамента сотряслось от взрыва.

Я сразу же, не дожидаясь приказа, развернул турель и открыл огонь по вертолётам, которые рвались к нам с нереальной скоростью. Кажется, ругался на чём свет стоит, матеря на все лады Нейрокорп, Департамент Полиции и заодно себя, как заварившего всю эту кашу. Впрочем, если бы я знал о том, что находится внутри вертолётов, то, не тратя время впустую, бросил бы пулемёт и тут же застрелился из табельного пистолета.

Мне удалось подбить одну из машин, и та, дымясь, совершила аварийную посадку где-то далеко от нас.

Я вполуха слушал рычание Теннанта, пытавшегося хоть как-то выправить положение, видел, как наши вертолёты на крыше принимают на борт немногих уцелевших спецназовцев, и стрелял, стрелял, стрелял до тех пор, пока пулемёт не раскалился, а патроны не закончились. Я был такой не один – все машины, имевшие на борту штатное вооружение, сейчас палили в воздух, пытаясь достать юркого противника, казалось, предугадывающего, куда мы выстрелим в следующий миг.

Теннант скомандовал эвакуацию, и машины, будто только и ждали этого приказа, сорвались с места, врезаясь, царапаясь бортами, мешая друг другу проехать, в отчаянном стремлении оказаться подальше от неведомой опасности.

Серебристые крохи пронеслись над нашей колонной на бреющем полете, но не стреляли. Как я понял позднее, нас не хотели уничтожать сразу: просто нужно было продемонстрировать Совету Директоров, на что способны новокопы, и всё, что происходило потом, было просто частью сценария, призванного показать обновлённое стальное правосудие Нейро-Сити во всей красе.

Полыхнула, заискрилась и взорвалась головная машина –

теперь перекошенная, завалившаяся на бок, мешавшая проехать остальным. Уцелевшие транспорты пытались протаранить её, дабы вырваться наружу, но и их тоже подбивали, закупоривая выезд ещё сильнее.

Я перезарядил ленту и отчаянно палил в небо, изредка попадая в вертолёты, от которых пули рикошетили, не причиняя никакого вреда. Наши пилоты вступили в бой, но BFC-13 на фоне противника выглядели неуклюжими и слабыми.

Визор на мгновение заслонил пылающий хвост одного из наших вертолётов, рядом что-то взорвалось, заставив меня дёрнуться. Сердце выпрыгивало из груди, я чувствовал, что живу последние минуты, и отчаянно не хотел умирать. Рутланд что-то кричал, но мне было не до него – большой мальчик, сам разберётся со своими проблемами.

Свист, громкий хлопок. Наш бронетранспортёр ощутимо тряхнуло. Я хорошенько приложился головой о броню и на какое-то время потерялся, придя в себя лишь тогда, когда почуял запах дыма и палёного мяса, доносившийся из передней части машины – со стороны механика-водителя. Рутланд говорил со мной, но я его не слышал – в ушах громко звенело, я никак не мог сконцентрироваться. Судя по движению губ, Морган выругался и, расстегнув ремни, потащил меня прочь из машины, в которой становилось трудно дышать из-за дыма и мерзкого запаха.

Рут вытолкал мою тушку наружу через боковой люк, и я мешком рухнул на землю, получив мгновением спустя по башке выброшенной следом штурмовой винтовкой. Помощник куда-то потащил меня, уворачиваясь от метавшихся туда-сюда бронированных грузовиков и командных БТР, пытавшихся прорвать кольцо горевшей техники и вырваться на свободу. Небо над нами то и дело расцветало огненными шарами и швыряло на землю горящие обломки, уже непонятно кому принадлежащие – нашим вертолётам или неведомым серебристым врагам.

Снова хаос, снова неразбериха, и на сей раз – я чувствовал всей кожей - это был конец.

Кто-то, наблюдавший за нами с верхних этажей башни Нейрокорп, отдал приказ. Что-то вроде «перейти к фазе два». Или что там говорят в таких случаях?..

Вертолёты куда-то пропали. Как оказалось позже, пошли на посадку и высаживали десант. Рутланд уложил меня на землю, прислонив спиной к колесу брошенного грузовика, и, порывшись в карманах, вколол мне коктейль из препаратов, который в среде копов назывался «Встань-и-иди». Шум в голове прекратился, взгляд прояснился, и я смог, наконец, нормально говорить и передвигаться – на какое-то время, пока действует лекарство.

Пальба стихла, копы вылезли из транспортов и БТР, поняв, что они бесполезны и броня уже никого не защитит.

- Может, они хотят, чтобы мы сдались? – спрашивал парень в форме патрульного, стоящий недалеко от нас. - Почему они ушли?

Оказалось, что наступившее затишье знаменовало собой ещё большую бурю.

- Противник!!! – истошно заорал кто-то, но крик прервался на полуслове – из-за выстрела.

Вокруг снова всё завертелось. Я подхватил автомат и помчался к баррикаде из тлеющей дымящейся техники, где уже занимали оборону уцелевшие копы и как-то оказавшиеся здесь бойцы SWAT. Над головами засвистели пули. Первые очереди с вражеской стороны были неприцельными, пока что они просто старались не дать нам поднять головы и выстрелить в ответ.

Те, кто высовывался и всё-таки пытался открыть огонь, тут же получали пулю в лицо – одну-единственную, и эта точность и педантичность пугала похлеще, чем вялотекущий воздушный бой, всё ещё продолжавшийся над нами.

- Они идут на снижение! – крикнул Рутланд, указав пальцем вверх, и сорвался бегом к нашим вертолётам, решившим, видимо, спасти хоть кого-нибудь. Оборона мгновенно была сломана – безо всякого сопротивления, из-за одной лишь призрачной возможности спастись.

Паникующие люди облепили вертолёты, давили друг друга, толкались, едва ли не рвали других зубами за спасительный билет на борт вертушки. Меня прижало к Рутланду, и толпа буквально внесла нас на борт, в десантный отсек, моментально оказавшийся заполненным до отказа. Пилот, так и не приземлившийся, а просто зависший над землёй на минимальной высоте, рванул штурвал на себя, и меня, вскрикнувшего от острой боли в колене, буквально прижали к иллюминатору, вдавив лицом в стекло. Я увидел, как прямо по горящей технике карабкаются нападающие. Сначала они не произвели такого пугающего впечатления – подумаешь, всего лишь несколько андроидов, но затем, когда мы взлетели, я смог оценить всю картину.

Тёмно-серые фигуры с длинными и тонкими конечностями, прикреплёнными к хилым с виду телам, маршировали по улице, выстроившись в одну длинную колонну. Поначалу не верилось, что это – машины. Их движения были очень живыми и плавными, но маршировать с такой неестественной синхронностью могли только роботы.

- Что же это?.. – от моих слов иллюминатор запотел, и я

торопливо его протёр, чтобы оценить главное.

SWAT были крутыми ребятами и действовали они действительно сообща, как одна команда. Настоящие профессионалы, никаких претензий. Но всё-таки они были людьми – разными, пусть и унифицированными при помощи одинаковых имплантатов, тренировок и программ боевого слаживания, а тут...

Это был единый организм, запертый в сотнях металлических тел, каждое из которых по отдельности не имело никакого значения. Когда SWAT окружал противника, они, хоть и недолго, переговаривались, анализировали ситуацию – каждый свою, и, наконец, выполняли приказ.

Когда противника окружали новокопы – это было очень похоже на то, как человек сжимает кулак. Без лишних слов и мыслей, не управляя каждой мышцей по отдельности, предельно быстро, эффективно и смертоносно.

- Боже мой… - говорил я, леденея от ужаса, видя как новокопы зачищают территорию. Я думал, что против нас будут такие же полицейские, как и мы – простые парни с телами, напичканными механикой и электроникой, но не ожидал, что придётся столкнуться с подобным. Столкнуться и почувствовать себя морально устаревшим. Древним ископаемым, на смену которому пришёл новый, более совершенный вид.

Те, кому не повезло остаться на земле, отстреливались, прячась за импровизированными укрытиями – техникой, металлическими обломками, глыбами асфальта, вывороченными взрывом, но всё тщетно. Можно было невооруженным взглядом увидеть, как нашу оборонительную линию затапливают серые тела – одинаковые и многочисленные, как насекомые. Со стороны это и выглядело, как вторжение муравьёв, но тогда мне было не до сравнений. Ужас. Я запомнил один лишь бездонный ужас.

«Фаза номер три» - это, наверное, преследование противника в воздухе. В отличие от наших лётчиков, вертолёты корпорации владели искусством воздушного боя в совершенстве.

Нашу машину болтало – пилот, очевидно, уходил от трассирующих пуль, но только потом, уже в тюрьме, я понял – нашей машине изначально была уготована роль участника «Фазы четыре». Другие вертолёты подбивали с легкостью и грацией. Если на земле мы ещё как-то могли противостоять Компании, то тут, в воздухе, оказались совершенно беспомощны.

В иллюминатор было прекрасно видно, как соседние машины прошивали пулемётные очереди. Никаких самонаводящихся ракет не требовалось – автоматика знала своё дело и управляла вертолётом по-настоящему изящно и математически выверенно.

Бам! И ещё один объятый пламенем BFC-13 падает вниз. Из его распоротого брюха сыплются человеческие тела – маленькие, едва различимые на фоне чёрного ночного неба, а мы сидим в своей консервной банке и молимся, чтобы следующими были не мы; кто угодно, только не мы…

Громкий хлопок где-то в хвостовой части вертолёта. Сердце заходится от ужаса, пилот орёт и матерится, пассажиры тоже. «Скорее бы всё закончилось», - думаю я, скуля от страха.

- Аварийная посадка! – кричит пилот по рации, но нам всё равно. Сажай свою птичку поскорее, иначе…

Нас начинает вращать, как будто вертолёт попал в барабан стиральной машины. Скрежет, снова хлопок, я уже ничегошеньки не соображаю и молюсь, хотя до этой ночи не верил ни в бога ни в чёрта. Небо уже не кажется таким желанным и спасительным, а земля несётся навстречу - неуютно твёрдая. Двигатель надрывается – я слышу это по резко сорвавшемуся в свист шуму винтов. Запахло палёной проводкой. Кто-то орёт у меня прямо над ухом и толкается.

Тряхнуло, повело, заскрежетало.

Завалило на бок.

Затихло.

Винты с прощальным «тах-тах-тах» сломались об асфальт. Такое ощущение, что на меня упали все, кто сейчас был в вертолёте. Ничего не видно и трудно дышать. Вылезайте поскорее, черти… А их и упрашивать не надо! Бегут, бегут во всю мощь, лезут из всех щелей, уже не заботясь друг о друге – забота и взаимовыручка остались там, далеко. Сгорели вместе с колонной.

Рядом с нами ахнулся ещё один вертолёт – тоже с шумом, лязгом, искрами и прочими спецэффектами. Я вылез и тут же углядел Рутланда, что озирался по сторонам и, наверное, искал меня.

- Стоя-ать! – рявкнул я, подбирая валявшийся рядом пистолет, потерянный каким-то копом, и стреляя в воздух. - Надо помочь им! Стоять!!!

Копы останавливаются, оборачиваются. Я вижу, как в паника в их глазах отступает.

- Живо! Там могут быть раненые! – я указываю рукой в сторону горящей машины, рухнувшей на той стороне тёмной, хоть глаз коли, улицы.

Тронулись с места, побежали.

Дела здесь были намного хуже, чем у нас. Вертолёт завалился на кабину пилота, превратив её в стальное месиво, из которого торчала окровавленная рука пилота – наверное, единственная

часть тела, не превращённая в фарш. Мы с Рутландом в четыре руки оторвали двери пассажирского отсека, откуда выпалил какой-то осёл, едва не вышибив мне мозги.

- Вы что там, совсем охренели?! – хрипло заорал я. - Свои!

- Свои… Свои! – заголосил кто-то в вертолёте. - Парни, у нас тут…

Да, было видно, что «у нас тут» целая куча раненых. Корпус машины был пробит очередью насквозь. Пулям приходилось прогрызать себе путь через кубометры металла и живой плоти, но они справились.

- Теннант! Капитан! – крикнул кто-то внутри. - Убили! Теннанта убили!

Вот, значит, как… Капитан всё-таки успел сбежать, однако лишь для того, чтобы быть застреленным несколькими минутами позже. Я захотел взглянуть на лицо этого человека, чтобы запомнить его, но нам с Рутландом на руки сгрузили какой-то бесформенный ком в обугленной форме капитана полиции с опалённой до полной неузнаваемости головой, от которой ужасно пахло горелыми волосами.

Рутланд принял тело, не кривясь, что было удивительно – как быстро этот чистюля сумел побороть брезгливость. Эта ночь изменила нас всех. Но она ещё не кончилась, нужно было бежать. Снова бежать, притом подальше. Теннант был мёртв, я, похоже, остался единственным живым командиром группы, значит мне и карты в руки.

- Рутланд! Морган! Эй! – я щёлкнул пальцами перед невидящим взглядом моего помощника. - Всё хреново. Прорываться всем сразу не имеет смысла. Надо дробиться на группы. Бери с собой половину людей. Эй! – Рутланд понимал мои слова и кивал, но смотрел при этом совершенно бессмысленным взглядом. Его лицо было вымазано гарью и кровью. - Рутланд! Слушай меня внимательно! Нужно рассыпаться! Встречаемся в доках, терминал пять, пароль от ворот два-пять-ноль-один…

19.

Глазастик вернулся от Рутланда, утирая кровавые сопли. Мы торчали в заброшенном здании, подготовленном к сносу. Окраина, но разросшаяся на три яруса ввысь благодаря заводам и сопутствующей инфраструктуре. Мы, как нетрудно догадаться, в самом низу. В темноте, грязи и мусоре, то и дело прилетавшем сверху, из домов счастливчиков, сумевших забраться повыше. Им хорошо, у них хотя бы солнце видно. Чёрт, да тут снег падает не так часто, как пустые бутылки. Освещение – только старые

неоновые вывески и чудом уцелевшие фонари. Контингент – работяги с заводов, неудачники на пособии, мигранты и бандиты. Ну и, разумеется, мы.

Когда мы заселялись, Рутланд сказал, что тут можно было бы зависнуть подольше – уж больно удобное место. Тихое, неприметное, без полиции и вообще какой-либо власти. Трущобы, сэр. В самом классическом понимании. Мы выгнали из этого здания целую толпу бродяг – голодных и оборванных, зато вооружённых и постоянно жующих героиновую жвачку. Можно сказать, что мы решили вопрос мирно только благодаря ребятам из SWAT, выглядевшим достаточно грозно для того, чтобы с ними расхотелось иметь дело.

Так вот, Глазастик вернулся от Рутланда, утирая кровавые сопли.

Я сидел, закинув ноги на подоконник, на скрипучем деревянном стуле, что едва не разваливался под моим весом, и пытался вычислить периодичность, с которой коротит неоновую вывеску «Liquor» за окном. Где-то рядом находился бар, в котором круглые сутки кому-то били морды, так что звуковое сопровождение было соответствующим.

Где-то над нами светило солнце, била ключом жизнь, мчались по автострадам машины, гудели монорельсы, набитые пассажирами. Но не здесь. Мы снова оказались в мире вечной ночи.

- Ты!.. – Глазастик сжимал кулаки и пытался найти слова, достаточно оскорбительные для того, что я сделал. - Ты!..

Не знаю, наблюдал ли за нами Азимов – когда я последний раз смотрел в его сторону, андроид сидел в углу, прислонившись спиной к старым фотообоям, изображавшим горную речку. Он вообще старался не выходить из гибернации без особой нужды.

- Ну ты и урод! – прошипел разъяренный напарник. Кровь из носа стекала по его подбородку, капала на гавайскую рубашку. В темноте она выглядела полностью чёрной.

- Что такое? – я напряг весь свой артистизм для того, чтобы задать этот вопрос как можно более удивлённым и оскорблённым голосом.

- Не притворяйся! Ты обезвредил её! – Глазастик ткнул в меня костлявым указательным пальцем. Жуткое зрелище, честно говоря. Дреды, глаза-очки, кровь из носа… Бр-р.

- Что?.. Я не знаю, о чём ты, – сама невинность.

- Пошёл ты! – он отворачивается и выходит, бормоча себе под нос: - Сукин сын…

С тех пор мы с ним не разговаривали.

Я знал, что этот случай ещё аукнется, и оказался прав. Когда

Рутланд построил остатки Организации в длинном обшарпанном коридоре и объявил о том, что ищет добровольца, Глазастик ткнул в меня пальцем и сказал, гнусно ухмыляясь:

- Эйдер пойдет.

- Ну ты и мудак… - выругался я вполголоса, так, чтобы наш великий лидер этого не услышал.

- Отличная идея, – кивнул Рутланд. - Морт как раз то, что надо. Пойдём со мной! Остальным разойтись!

Мы прошли в комнату Моргана. Она ничем не отличалась от остальных – колченогая табуретка, вонючее тряпьё, используемое в качестве кровати. На полу пакеты из-под фастфуда и консервные банки, пара винтовок прислонены к стене, рядом цинковые патронные ящики.

- Что я должен сделать?

- Устроиться на работу, – судя по ухмылке, Морган явно не имел в виду что-нибудь вроде «Ты свободен. Построй карьеру, женись и настрогай детей».

- А если подробнее?

- Сейчас расскажу…

Тремя днями позднее я сидел на уютном диванчике в роскошной приёмной офиса компании «Hall's Electrosystems» и делал вид, что непринуждённо листаю каталог её продукции.

Неплохо, очень красиво с виду, но я мало что понимал во всех этих технических терминах и характеристиках. Рутланд рассказал, что компания производила новые тела. Вот так вот запросто – теперь природа людей вообще никак не ограничивала. Главное – деньги. Например, можно было пересадить свой мозг в тело стройной голубоглазой блондинки. Я усмехнулся при мысли об этом. Старые толстые извращенцы, наверное, просто с ума сходили.

Модели и впрямь были что надо. На любой вкус и цвет. Я залюбовался, листая каталог.

Видно, «Электросистемы Холла» и впрямь практиковали индивидуальный подход к каждому клиенту и не задавали лишних вопросов, помогая стать человеку тем, кем он хотел.

Хочешь – будь идеалом. Как скульптура древнегреческого бога: ничего лишнего, только красота и гармония. Хочешь добавить чего-нибудь – пожалуйста. Если ты мужчина, будут тебе мускулы «Мистера Вселенная» или метровый член, если женщина – слепят любые параметры фигуры, даже самые нереальные.

Были даже специальные модели тел для разных фриков: огромные зелёные орки, всякие монстры, инопланетяне, человеко-рептилии… Полная коллекция ночных кошмаров. С ума сойти можно.

Вообще, всё это было очень заманчиво. Даже я присмотрел себе модель, хотя «родное» тело меня, в общем, устраивало. Было бы здорово однажды лечь на стол, закрыть глаза и проснуться кем-то другим. Со всеми твоими старыми внутренностями, только клонированными, свеженькими, не изношенными. Без кариеса, смол и никотина в лёгких, с печенью, не грозящей внезапно вырасти, сердцем… Нет, с сердцем у меня был полный порядок. Тут не придраться.

Начать новую жизнь. По-настоящему с чистого лица.

Но, к сожалению, такого количества денег мне не видать. Только не в этой жизни.

- Мистер Карстоун! – прощебетала секретарша, пронзив меня взглядом огромных голубых глаз и ослепив вырезом на белоснежной блузке. - Проходите, вас ожидают.

Мистер Карстоун – это я, если что. И я прислал в «Электросистемы Холла» резюме, гласящее, что я, бывший полицейский с блестящим послужным списком, не замаравшийся во время бунта, желаю устроиться к ним на работу. На чрезвычайно ответственную, высокооплачиваемую и перспективную должность ночного охранника.

- Веди себя естественно, - сказал Рутланд. - К твоему досье они не смогут подкопаться, ты чист. Так что если кто-нибудь начнет кричать и требовать немедленно во всём признаться – не ведись, они просто берут тебя на понт.

Мне предстояло беседовать не с начальником службы безопасности, а с его заместителем - толстым мужиком, носившим усы и ухоженную бородку, судя по виду, каждый день подбриваемую. От него на весь кабинет несло одеколоном.

- Проходите, присаживайтесь. Мистер…

- Карстоун, - представился я, уверенный в том, что толстый ублюдок досконально изучил моё резюме и просто притворяется, что выполняет свои обязанности спустя рукава.

Я сел в кресло и ответил на несколько стандартных вопросов о моём полном имени, образовании и опыте работы.

- Вы пьёте, мистер Карстоун? - вот это уже ближе к делу, начиналось настоящее собеседование.

- Нет, сэр. Я завязал не так давно, - тут я даже не соврал.

- Насколько недавно? - сарказм в голосе моего будущего начальника был так тонок, что им можно было резать хлеб. - День? Два?

Я сделал вид, что колкость меня не задела:

- Что-то около недели.

- Да, это похоже на правду, - кивнул толстяк, ухмыляясь так мерзко, что мне захотелось разбить ему лицо. - Вы говорили, что

работали в седьмом районе, так?

- В пятом, сэр, - детская попытка подловить. - Отдел убийств, - я решил не давать боссу шанса задать ещё один вопрос с подвохом.

- В пятом... Ну-ну... Слушай, приятель, давай начистоту. Кто делал тебе документы?

Если бы Рутланд не предупредил заранее о попытке расколоть меня таким вот образом, то я бы наверняка повёлся. Толстяк был чертовски убедителен.

- Департамент кадров, сэр, - это подразделение Нейрокорп выдавало паспорта всем жителям Нейро-Сити.

- Не смешно. Я знаю, что никакой ты не Карстоун и в пятом районе ты не служил.

- Где же я тогда служил, сэр? - спросил я с каменным лицом и невинными глазами.

- А вот это хотелось бы от тебя услышать. Я сам служил в пятом районе. Представь себе, в убойном отделе, – будущий босс придвинулся ко мне, сверля взглядом, запах одеколона стал ещё сильнее, хотя мгновением ранее я был уверен в том, что это невозможно в принципе. - И тебя я там не видел за все двадцать лет, что отпахал детективом.

Я молчал и хлопал глазами.

- Слушай, если ты запачкался во время бунта полицейских - это не моё дело, - толстяк решил сменить фальшивый гнев на не менее фальшивую милость. - Мне просто нужен новый охранник. Но врать не надо. Лжецов я тут не держу.

Прекрасная актёрская игра. «Хороший коп» вызывал доверие, но я готов был спорить на деньги, что вслед за моим признанием последует звонок в полицию и арест.

- Я не вру, сэр. Мне нечего скрывать. В бунте полицейских я не участвовал, мои документы – настоящие. Это всё, что я могу сказать, – я развёл руками как можно искреннее.

- Пошёл вон отсюда, – голос начальника был полон презрения. - И скажи спасибо, что я не сдам тебя копам с твоей фальшивкой прямо сейчас.

- Спасибо, сэр, – я поднялся и направился к выходу из кабинета.

- Стой! – будущий босс окликнул меня у самых дверей. - Вернись.

Глупо было бы предположить, что на этом проверка окончена. Со мной ещё говорили, пытаясь подловить на нестыковках в моём рассказе, но уже не так активно, как раньше.

- Хорошо, мистер Карстоун. Вы приняты. Можете приходить на стажировку завтра к девяти вечера. Не опаздывайте. Я

предупрежу старшего смены, чтобы вас впустили и провели надлежащий инструктаж.

Рутланд выдал мне денег на первое время. Этого хватило для того, чтобы на месяц вперёд оплатить недорогую комнату в том же районе, где теперь обитала Организация, только ярусом повыше. В принципе, всё то же самое, только солнце изредка видно, поменьше всякого отребья, да от проезжающего монорельса стёкла сильнее дрожат.

Надо сказать, что условия показались мне королевскими – окна целы, тараканов и крыс почти нет, постель мягкая, комната достаточно чистая и не грозит рухнуть на голову. С бытовой техникой полный порядок – даже стена-экран есть. Красота.

К стажировке я подошел ответственно. Не ожидал этого от самого себя. За короткое время прослыл прямо-таки образцово-показательным работником. Приходил заранее, не опаздывал. Не пил.

Я серьёзно.

Даже не тянуло. Наверное, отшибло после того случая с «Городом счастья», за который Рутланд крупно поимел Глазастика, а тот не упустил случая подписать меня на очередное задание, с которого я имел все шансы не вернуться. Ах, как жаль, что не получилось пристрелить Рутланда, когда был шанс…

- Привет, парни! – поздоровался я с охранниками, сидевшими в «аквариуме» возле входа.

- Ага, и тебе, – кивнул один из них – толстый и сварливый, с непроизносимым именем, которое я, в принципе, и не собирался запоминать. - Переодевайся поскорее.

По пути в раздевалку я прошёл через несколько рамок-сканеров, никак на меня не отреагировавших. Спустя десять минут после того, как я сменил повседневную одежду на белую рубашку с жетоном службы безопасности «Эйч-Е» и быстренько покурил, за мной и напарником закрылись двери «аквариума». Смена началась.

Ничего сложного – сиди себе, смотри на мониторы, куда выводится картинка с камер наблюдения и датчиков движения, пей кофе литрами и раз в час прогуляйся по этажу с фонариком. Почти всё было автоматизировано – датчики, сигнализация, камеры и ещё бог знает что. Казалось, что люди тут были явно лишними.

- Первый этаж, час ночи. Всё спокойно, через минуту пойдём на обход. – Передал напарник центральному посту.

Молодой хлыщавый блондинчик, какой-то спортсмен. Кажется, рукопашник. Не служивший в полиции, а получивший лицензию после обучения в одном из частных «центров

подготовки охранного персонала». Никогда не воспринимал подобные конторы всерьёз – один мой знакомый, чей IQ был равен размеру ноги, закончил подобное заведение едва ли не с отличием. Уж не знаю, чему там учили. Возможно, правильным позам для сна на столе, алгоритму включения фонарика и разгадыванию кроссвордов.

- Кто пойдет? – спросил напарник, желая услышать в ответ: «Я пойду. Протирай штаны дальше».

- Я пойду. Протирай штаны дальше, – улыбнулся я, вызвав у Крутого Профессионала кривую ухмылку.

Да, приятель, тебе придётся проглотить это. Так что сиди тут и смотри в Сети видео вроде «Десять лучших боёв Крутого Каратиста». А когда вернусь, косись на меня, типа, вот какой я молодец, вот чем я интересуюсь, ты заметил? Заметил. Точно так же, как и то, что ты слишком выпячиваешь своё увлечение напоказ, а следовательно, не достиг в нём никаких успехов. Сраный малолетний показушник.

Да, я накручивал себя, потому что сегодня, скорее всего, мне придётся его убить. Как и многих других охранников, что встанут на пути между мной и прототипом скелета Mark-1114.

Я взял фонарь, включил его (зачем я это делаю, когда у меня есть встроенный ПНВ? Кто-нибудь знает?) и направился мерить шагами стерильно-белые коридоры, своей чистотой больше похожие на больницу, чем на офис.

- Глазастик, я на обходе. Как слышишь? – пробубнил я, едва скрывшись за углом и оставив напарника наедине со столь обожаемыми им видео спортивного мордобоя.

- Прекрасно слышу, – прозудела кость в районе уха. Микропередатчику не требовалось звучать в привычном понимании – я «слышал» бессмертного через вибрации черепа.

- Как дела? Как погода? Почему так долго не звонил? Мы соскучились!

- Смешно, да. Видишь меня? – я поискал глазами ближайшую камеру видеонаблюдения.

- Ага. Можешь помахать нам ручкой.

- Обойдёшься. Веди меня, – пробурчал я, раздражаясь от острот Глазастика.

- Вперёд по коридору и направо. Сколько времени пройдёт, прежде чем тебя потеряют?

- Где-то сорок минут. Пока ещё этот идиот отлипнет от Сети… Кстати, там, куда ты меня направил, ничего, кроме кладовки, нет.

- Не волнуйся, сладенький. У меня всё под контролем.

- Надеюсь на это, – буркнул я, представляя, как Глазастик

прямо сейчас скалит жёлтые зубы и легонько трясёт дредами в беззвучном приступе злорадного хихиканья.

Как и ожидалось, ничего кроме кладовки я не нашёл. Тёмный и тесный закуток, забитый робопылесосами, выключенными андроидами-слугами, швабрами, тряпками и чистящими средствами.

- Ну? И куда дальше, умник? – процедил я сквозь зубы, борясь с желанием бросить всё, вернуться на пост, доработать смену и исчезнуть.

- А теперь вверх.

- В смысле? – я инстинктивно поднял глаза, посветил фонарём на потолок и увидел там вентиляционную решетку.

- Ага, верно смотришь. В вентиляцию.

- Ты с ума сошел что ли? – прошипел я. - Какая к чертям вентиляция?

- Странно. А в старых фильмах, которые ты так любишь, почти все копы лазают по вентиляции, – голос невинный-невинный. - Я думал, что вас этому учат.

- Вот же… - только и смог я выдавить.

Залезть в вентиляцию оказалось не так уж и трудно. Стремянка хоть и была кривой до невозможности, но всё-таки вознесла меня к потолку. Вырвать решетку и подтянуться – только и всего. Внутри меня встретили тучи пыли и паутины. Я мигом перемазался с головы до ног.

- Прекрасно… - произнес я вслух, дав Глазастику лишний шанс пустить мне шпильку:

- Я рад, что тебе там нравится. Ползи вперёд.

И я пополз. Сперва старался двигаться тихо, но потом, вдоволь надышавшись пылью и чихнув во весь голос, понял, что это бесполезно. Шорох и шевеление в коробах и без того наверняка было слышно на всём этаже.

- Впереди шахта лифта. Смотри не грохнись. Датчики движения и сигналку я отключил.

- Спасибо, Глазастик. Ты сама любезность! – рыкнул я, более всего на свете желая оказаться где-нибудь, где можно нормально дышать.

Не прошло и пары минут, как я выбрался в шахту. Фонарь остался в кладовке, так что теперь мне приходилось пользовался исключительно «ночником», окрашивавшим мир во все оттенки зелёного цвета.

- Вверх по лестнице, – последовала следующая команда. - Тебе нужен тринадцатый этаж.

- Охренеть! – не сдержался я. - Ты серьёзно?

- Хватит ныть! – прикрикнул Глазастик. - Давай там, двигайся

активнее. В твоём возрасте нагрузки полезны. Вернёшься – куплю коробку шоколадок и лично в тебя засуну. А то будешь стонать: «Злые дя-ядьки, заставили потруди-иться, голодом замори-или»…

Выругавшись, я всё-таки полез наверх, с наслаждением вдыхая гулявшие в шахте сквозняки.

- А почему бы мне просто не вызвать лифт?

- Если хочешь, чтобы тебя на тринадцатом этаже поставили раком и отымели во все дырки, то вызывай, пожалуйста.

- Слишком много гейских шуток, Глазастик. Это наводит на мысли…

- И правильно делает, я на тебя уже давно засматриваюсь. Хватит болтать, береги дыхание.

Промокшая от пота грязная рубашка липла к телу, заставляя его зудеть. Я ежесекундно чертыхался, но упрямо лез вверх.

- Я на месте. Что дальше?

- Давай снова в вентиляцию.

- О, чёрт! – пробурчал я. - Скажи, что ты шутишь.

- Я – сама серьёзность, – ответил Глазастик. - И да, кажется, я просил тебя перестать ныть.

- Сам бы попробовал. Козёл.

- Рекомендовать тебя Рутланду для этого задания уже не кажется мне такой хорошей идеей. Ты мне уже почти весь мозг съел. Ещё немного – и я активирую чип в твоей шее.

Последнюю фразу я услышал, когда уже просунул голову в вентиляцию, и дернулся так сильно, что стукнулся о короб затылком.

- Заткнись, клоун, – попытался я сделать как можно более безразличный голос. - Чтобы Рутланд доверил управление глушилками такому раздолбаю?..

- Может, поспорим? – шею ощутимо кольнуло разрядом. Я едва удержался от вскрика.

Вот же сукин сын! Моя охота на Рутланда была обречена с самого начала – как минимум ещё одна волшебная кнопка всё это время была рядом и ждала своего часа. Рутланд не блефовал. Отличные новости, что ни говори. Впрочем, об этом я собирался подумать позже, когда выполню задание и выберусь из этой помойки живым. А также обязательно после того, как приму душ и переоденусь в чистое.

- И долго мне ещё ползти? – спросил я, пыхтя и чихая. После путешествия на тринадцатый этаж ныло всё тело. Мышцы дрожали от перенапряжения - даже те, что были искусственными.

- Нет. Уже скоро придётся вылезать.

Жаль. Было бы очень здорово уничтожить тот чёртов прототип и уйти незамеченным.

- Скоро ты должен будешь увидеть решётку, ведущую вниз.

- Ага, она на месте, – я как раз к ней подползал.

- Давай вниз.

Даже не пришлось бить – лёгкая и хрупкая металлическая конструкция рухнула, стоило мне положить на неё руку. Разумеется, упала она не беззвучно: шума и лязга было предостаточно, но меня это уже не волновало – так хотелось поскорее выбраться и нормально вдохнуть. Я сгруппировался и хотел спуститься красиво – повиснув на коробе, но он такого обращения не понял и, жалобно заскрипев, рухнул вместе со мной и куском фальшпотолка.

Ещё в полёте у меня включилась боевая программа – самопроизвольно, и мне не пришлось долго думать над тем, почему это произошло. Не успел я долететь до пола, как в бедро и грудь ударили пистолетные пули, опрокинувшие меня на спину.

Не успев даже толком испугаться, я вскочил на ноги и, оставляя за собой пыльный шлейф, рванулся к нападавшим. Здесь, на тринадцатом этаже, дежурили ребята посерьёзней. Это было заметно с первого взгляда, хотя бы по тому, что они были вооружены и носили пусть и легкую, но всё же броню.

Вопреки ожиданиям, дуэт охранников не отступил и продолжил по мне стрелять, не давая подойти. Пули из старых кольтов не пробивали субдермальную броню, зато делали очень больно. Решив пойти другим путём, я рыбкой нырнул назад и, падая на пол, успел подхватить кусок короба, закрутиться винтом для лучшего броска и со всей силы швырнуть тяжелую металлическую хреновину в противников.

Их буквально снесло прилетевшим обломком, а я, упав на осколки штукатурки, ободрал всю спину и ощутимо стукнулся об пол затылком.

- Что у тебя там? – спросил Глазастик.

- Погоди, занят, – рявкнул я в полный голос и тут же, поднявшись на ноги, несмотря на протесты во всём теле, прыжками помчался к охранникам – добивать.

Два удара – два размозжённых черепа.

- Тебе же не надо объяснять, что охранники поднимут тревогу?..

- Спасибо, не стоит. Догадался, – ответил я, лихорадочно расстёгивая бронежилет на теле одного их охранников.

- Тогда какого хрена ты там делаешь вообще? – рыкнул Глазастик.

- Ничего особенного… - я надел броню, резонно предположив, что защиты много не бывает, и забрал один из пистолетов. В подсумках на бронежилете лежали два дополнительных магазина,

так что о патронах можно было пока что не беспокоиться.

- Теперь у меня есть пистолет. Хо-хо-хо.

- Смешно, да, – похоже, Глазастик не понял отсылки к старому фильму. - Вперёд и направо!

Я со всех ног помчался по коридору, чувствуя, как болит спина.

- Из-за угла! Справа! – крикнул Глазастик, однако я и без него расслышал топот и замедленные из-за боевой программы крики.

Не прекращая бежать, я поднял оружие и выпускал пулю за пулей в коллег, выскакивавших мне навстречу из-за угла. Это нетрудно – прямо как слоу-мо в старых играх. Было достаточно времени на то, чтобы как следует прицелиться и нажать на курок.

Прямо по головам. Бах! Бах! Бах! – и мозги красиво вылетают с другой стороны черепа, оседая на белых стенах и идеально отполированном полу.

- За углом ещё! – в этот раз Глазастик опоздал.

Я не успел затормозить. Слишком увлёкся, почувствовал себя неуязвимым и теперь был вынужден поплатиться за это, выскочив прямо на пистолетные стволы. Теперь «бах!» раздавалось уже в мою сторону. К счастью, ребята стреляли навскидку, неприцельно, и всё обошлось одним попаданием в бронежилет. Болезненным, но терпимым, если очень хочется жить. Я заорал и набросился на противника с голыми руками, поняв, что в ближнем бою от моего пистолета теперь толку мало и он сойдёт разве что на роль кастета.

Первый вставший на моём пути охранник был отправлен в дальний полёт по коридору могучим апперкотом. К счастью, на нём был бронежилет, иначе я пробил бы его плоть насквозь, и пришлось бы сильно повозиться, прежде чем удалось бы стряхнуть его с моей руки.

Второй получил пистолетом в лицо. Наотмашь – так, что его нижнюю половину лица как корова языком слизала.

Потом я окончательно перестал думать – так бывало в особенно экстренных ситуациях, когда программа брала управление полностью на себя, дабы я не отвлекался на лишние мысли и переживания. Я пропал, растворился в смерче из крови, костей и выстрелов, окружавшем меня и творимом мной.

Когда всё было кончено, я осознал, что коридор выкрашен в красный цвет, а вокруг валяются уродливые комья, в которых лишь с большим трудом можно было опознать людей.

- Эйдер?.. – вкрадчиво спросил Глазастик. - Ты как?

- Цел, – прохрипел я, уставившись в пол и приводя дыхание в порядок.

- Всё нормально?

- Ага…

- Как противник? Тебе что-нибудь нужно?..

- Половая тряпка… - пробубнил я себе под нос и добавил: - Веди меня, пока ещё кто не прибежал!

- Да-да… - опомнился Глазастик. - Вперёд. Тебе нужна комната тринадцать-тринадцать. Судя по плану, это двойная дверь в конце коридора. Кстати! – окрик Глазастика заставил меня застыть с занесённой для шага ногой. - Тебе нужна будет карта доступа. Она есть только у начальника смены.

- Где он?

- Рядом с местом назначения. Кабинет тринадцать-двенадцать. Его охраняют. Так что приготовься стрелять.

- Принял, – я снова сорвался с места со скоростью хорошего рысака и помчался по коридору, оставляя за собой кровавые следы на мягком белоснежном полу. Мимо меня проносились двери кабинетов, но до главного я всё ещё не добрался. Внезапно взревела сигнализация, заставив меня дёрнуться от испуга.

- Я больше не могу её контролировать, – сказал Глазастик, чертыхнувшись. - Извини. Меня выперли из системы. У тебя мало времени.

- Ага, я понял.

Обострённые чувства позволили буквально увернуться от пуль, полетевших в меня из-за двери с номером 1312. Забавно, я даже не успел взяться за ручку. Автоматная очередь прошила пластик, нарисовав на нем загогулину, похожую на букву J. В двух шагах справа от меня был искомый кабинет «тринадцать-тринадцать» - массивные однотонные стальные двери шириной и высотой во весь коридор, с небольшим квадратиком считывателя карт доступа.

Я отшатнулся, завалившись на спину, отозвавшуюся жгучей болью, и поднял пистолет. Противник не заставил себя ждать – хлипкая белая дверь вылетела с одного удара и разбилась вдребезги о противоположную стену, обдав меня целым дождём из осколков, и следом выскочил мой босс – начальник смены.

Он двигался быстрее подчинённых – наверняка тоже бывший коп. Поджарый, черноволосый, одетый в такую же, как у меня, рубашку. Мы были очень похожи. В руках у босса была штурмовая винтовка, которая, несмотря на древность, на таком расстоянии вполне могла прошить мою броню.

Я успел выстрелить всего два раза, попав только единожды – зато в голову. Её дернуло в сторону, шеф начал заваливаться на бок, что, впрочем, не помешало ему кое-как на одних инстинктах направить в мою сторону автомат и нажать на спуск.

- Дерьмо! – вскрикнул я и откатился вправо, пытаясь избежать неизбежного и вжаться в стену.

От грохота выстрелов заложило уши, пули прочертили пунктирную линию по полу и моему телу. Чуда не случилось – броня не спасла. Перед глазами заплясали красные пятна – это виджет показывал, что именно у меня повреждено, но рассматривать подробности не было времени. Шеф всё-таки упал, ударившись головой о дверь кабинета «тринадцать-тринадцать» со звуком упавшего на асфальт жестяного ведра.

В другое время я бы посмеялся над этим, сказав что-нибудь вроде «пустая голова», но сейчас было не до шуток. Буквально взлетев с пола так, что взвыли разом все мышцы, я рванулся к шефу, который уже поднимался на ноги, и сбил его, навалившись всем весом.

Кричал я, хрипел шеф, горло которого я сдавил изо всех сил, не обращая внимания на боль в израненной левой руке. «Если я выживу, - мелькнула мысль, короткая как искра, - то этот момент будет являться мне в кошмарах».

Вой сирены, деморализующий и бьющий по ушам, боль во всём теле. Я изранен, с головы до ног в крови и внутренностях врагов, сижу верхом на начальнике, чьё лицо обезображено попыткой сделать вдох и уже приобретает синеватый оттенок… Нечеловеческая картина, из тех, что ломают психику. К счастью, моя уже сломана двухсотлетним пребыванием в тюрьме, поэтому бояться нечего.

Я вдавливал голову противника в пол раненой рукой, а здоровой, всё ещё сжимающей пистолет, превращал его лицо и лоб в кровавое месиво.

Сперва шеф пытался ухватить мои руки, затем, поняв, что это бесполезно, принялся в панике колотить по бокам, стремясь скинуть, но я стерпел всё, хоть и ценой нескольких сломанных рёбер. Начальник смены затих. Я рухнул на его тело совершенно без сил, тяжело вдыхая запахи пота, крови и пороха. Какое-то время мне пришлось провести в полубессознательном состоянии – тяжело дыша, приходя в себя.

Карта нашлась в кармане брюк – обычный кусок пластика с металлическим брелком в виде логотипа компании – хитро переплетённых букв «Эйч» и «Е». Приложив её к считывателю и услышав доброжелательный «пик», я увидел, как двери хранилища прототипов открываются.

Кабинет «тринадцать-тринадцать» занимал половину этажа. Зрелище что надо – огромное помещение, конца которому не видно, с идеально белыми стенами и потолком. Оно было буквально заставлено стеклянными коробами, которые так и

тянуло назвать хрустальными гробами. В некоторых лежали обнажённые прекрасные принцессы и принцы, в других – их запчасти.

Я стоял на пороге сокровищницы. Окровавленный, оборванный, избитый и изломанный, сжимающий оружие. Слабо представить что-нибудь более чуждое для этого стерильного мира?

- Глазастик! – попытался я вызвать напарника, дабы узнать, где находится искомый скелет. - Глазастик!!!

Ответа нет. Чёрт. Ладно, будем смотреть. Здесь в любом случае должна быть какая-нибудь система, как в музее. От старых моделей к новым, либо отдельно запчасти, а отдельно целые тела. Дверь закрылась за моей спиной, и я очень надеялся, что карта доступа была только одна – та, что сейчас у меня в руке. К слову, в жутко болящей и кровоточащей руке. Однако, как заметил я, грустно усмехнувшись, на фоне всего остального тела она не особенно выделялась. Боль пришлось отключить, и я почувствовал себя лучше. Вот только виджет пришлось оставить перед глазами, дабы не проворонить в своём организме какой-нибудь процесс, грозящий привести к летальному исходу.

Как я и предполагал, в расположении «гробов» была некая система. От старых имплантатов, разработанных ещё Нейрокорп, ко всё более совершенным системам, сначала разработанным на основе железяк Компании, а затем и собственных моделей.

От простого к сложному. Это значило, что мне придётся двигаться к самому концу зала.

«Электросистемы Холла» отпочковались от Нейрокорп сравнительно недавно – около пяти лет назад, но за это время сумели проделать огромную работу. О них мало кто знал – в основном толстосумы, что могли себе позволить отвалить огромную сумму за новое тело и операцию по пересадке мозга. Интересно, чем они насолили Рутланду?

Бегом, бегом, бегом. Когда я пролетал мимо «гробов», над каждым из них загорались оранжевые голографические таблички с названием, предназначением, характеристиками и историей создания лежащей внутри железяки.

В другое время я бы с удовольствием прочёл всё это, но не теперь, когда за спиной раздавался вой сирен.

Глазастик не выходил на связь, и это можно было расценить двояко. Либо меня уже списали, либо отключились, чтобы нельзя было отследить местоположение штаба Организации по исходящему сигналу. В любом случае, задание всё ещё нужно было выполнять. И молиться, чтобы Рутланд и Глазастик не пустили меня в расход.

Ага, вот и скелет. Я остановился у очередного хрустального гроба, в котором покоилось нечто, напоминавшее Терминатора из старого фильма.

Мощная штука даже с виду – это вам не обычное замещение костей. Бронирование, усиленные сочленения, толстая шея, руки и ноги с разъёмами для подключения мышц… Странные, кстати, разъёмы, я таких никогда не видел. Наверное, их ещё разрабатывают.

Оранжевая голографическая табличка, всплывшая на уровне глаз, гласила, что это и есть Mark 1114, новейший прототип скелета, созданный специально для силовых и охранных структур. Забавно, если учесть, что единственной легальной силовой структурой в мире могла считаться только Служба Безопасности Нейрокорп.

А, к чёрту…

Я ударил уже изрядно покорёженной рукоятью пистолета по стеклянной крышке. Она поддалась только с четвёртого удара – до этого только трескалась, хрустела, но разбиваться не хотела никак. Завтра я буду выть от боли в ладонях, но до того момента ещё нужно было дожить.

Теперь самое неприятное.

Два пальца в рот – и меня бурно тошнит прямо на скелет. Я ничего не ел целый день, поэтому маленькие капсулы термита хорошо видны в воде, слизи и желудочном соке. Я подбираю их, едва сдерживая новые спазмы – на этот раз от отвращения, закрепляю в ключевых точках скелета, отхожу на безопасное расстояние, отворачиваюсь и привожу в действие.

Ослепительная вспышка и волна жара могли бы меня ослепить и сжечь, стой я чуть поближе. Громкое «фш-ш-ш-ш», фонтан белых искр, голубое пламя – и скелета больше нет. Он плавится и испаряется, так что о восстановлении речи не идёт.

Теперь осталось самое важное. Выбраться отсюда живым.

20.

Задачка та ещё – прорваться обратно, зная, что охрана стянута к дверям хранилища. Сигнализация сработала, а это значит, что сюда на всех парах мчится группа быстрого реагирования и (сплюнуть три раза через левое плечо) новокопы.

Первым делом я разбил крышку ещё одного короба и вытащил оттуда обнажённое женское тело. Модель «Венера», как сказала голограмма.

- Простите, мисс… – я взвалил её себе на плечо и понёс к дверям.

Дым дошёл до датчиков, сверху хлынула вода. Ледяная,

освежающая, приводящая в сознание. Она струилась по моему телу и приятно охлаждала раны и царапины. Боже, какой кайф.

Сигнализацию и не подумали выключить. Она всё ещё выла по ту сторону металлических двустворчатых дверей, где лежал труп начальника смены и ощетинились стволами оставшиеся охранники, ждавшие, когда же я выйду.

Я весь сжался в предвкушении боли, пробормотал: «Боже, только не это опять…» - и, приложив карту к ридеру, снова активировал боевую программу.

Я подхватил «Венеру», согнулся в три погибели, прикрываясь ей, как щитом, и помчался вперёд, даже не глядя на то, что меня там ждёт. Однако слух работал как надо и подсказывал, что дело дрянь – судя по частым выстрелам, я крупно встрял.

Засада была устроена в конце коридора – тактически правильное решение, за которое охрану можно только похвалить. Я мог лишь мечтать о том, чтобы оказаться посреди нападавших и устроить грязную драку.

Тело в моих руках вздрагивало от попаданий, голова разлетелась, брызнув на меня осколками металла, пластика и текстолита. Я сорвал голос от крика и молился, чтобы мне не размозжило ладони.

С утробным «Гр-ра-ар!» я бросил искалеченную «Венеру» вперёд, а сам нырнул в один из кабинетов, выбив своим весом хлипкие двери. Судя по крикам боли и ругательствам, искусственная девушка попала в цель.

- Эйдер! Эйдер! На связь! – панический голос Глазастика заставил меня вскрикнуть от радости.

- Слушаю, – просипел я, удивляясь, что всё ещё могу членораздельно говорить.

- Что ж ты молчал, идиот?! – прикрикнул бессмертный на меня и добавил, тут же взяв себя в руки: - Точка рандеву номер два. Синий «Раннер». Давай быстрей, к тебе уже копы едут!

- Ага… - обалдело пробубнил я, оглядываясь. Из хранилища удалось вырваться, и это было прекрасно. Плохо было то, что меня теперь зажмут в этом чёрто… Стоп!

Воспоминание о современной офисной архитектуре и материалах было очень кстати – можно было лишь похвалить мои мозги, не растерявшие умения быстро соображать в экстренной ситуации.

Кабинет, в котором я находился, принадлежал, наверное, каким-нибудь офис-менеджерам – индивидуальные рабочие места-«клетки», отделённые друг от друга пластиковыми перегородками, телефоны, терминалы, экран во всю стену, интерактивная доска, массивный овальный стол для совещаний

посреди комнаты.

И чарующая своей красотой панорама ночного Нейро-Сити за окном. Бескрайнее море огней.

К дверям кабинета уже подбегали охранники, раздумывать было некогда.

Я поднялся на ноги, проскулил: «Только бы не несущая…», разогнался изо всех сил, перед самой стеной повернулся полубоком, подпрыгнул, зажмурился и… Пробив тонкую стену из гипсокартона, оказался в соседнем кабинете.

Вокруг оседало целое облако пыли и штукатурки, прилипая к моему мокрому телу и одежде.

- Что это было?! – закричал кто-то в коридоре, а я, не дожидаясь нападавших, уже мчался, снося всё на своём пути, дальше – к следующей стене.

За спиной кто-то стрелял из пистолетов, слышались редкие очереди штурмовых винтовок и гавканье дробовиков, а я всё бежал и бежал, как какой-нибудь неуязвимый герой комиксов. После очередной пробитой стены я нырнул вправо и затаился, стараясь не закашляться в облаке асбестовой и гипсовой пыли.

Топот и выстрелы приближались, запыхавшиеся охранники ворвались в комнату, паля на ходу куда-то вперёд даже не целясь.

Я подождал, пока последний войдёт в комнату, и набросился на него со спины, оторвав голову голыми руками. Туловище еще стояло, фонтанируя кровью из сонной артерии, а я уже бросился на второго, третьего, четвёртого… Короткая схватка закончилась почти полностью в мою пользу – за исключением того, что я поймал животом выстрел из дробовика и какое-то время лежал, пытаясь вдохнуть. Да, боль была отключена, но удар в солнечное сплетение такой силы никого бы не оставил равнодушным. Хорошо, что броня выдержала, иначе каюк. Ранение, заражение крови - и прощайте, офицер Морт.

«Подняться!» - командовал я самому себе.

«Встать! Немедленно! Давай! Ну!!!» - прокричал я беззвучно, и это помогло. Через какое-то время я уже был в шахте лифта.

«Интересно, сколько килограммов я сбросил за время работы боевой программы?» - вертелась в голове мысль во время спуска. Немало – это точно. Я прямо чувствовал, что стал легче. Кроме того, с меня спадали брюки, а броня болталась как на пугале. Голода я пока не ощущал, но это временно. Надеюсь, Глазастик не соврал и припас для меня достаточно шоколада.

Больше меня никто не преследовал – охранники с первых этажей были не особенно умны, но им хватило мозгов не соваться с дубинками туда, где не справилась вооружённая группа быстрого реагирования. «Аквариум», в котором я сидел ещё

полчаса назад, пустовал.

На улице оказалось неожиданно холодно – впрочем, возможно, мне так померещилось из-за того, что я был мокрый и почти голый – от рубашки остались только манжеты и воротник.

Тёмно-синий «Нейро-раннер» подъехал, взвизгнув тормозами, едва водитель заметил, как я выбегаю из здания, пуская облачка пара от дыхания и дрожа.

Красивая и мощная спортивная машина, которая стоила намного дороже, чем моя жизнь. За рулём сидел Азимов и махал руками, призывая залезать как можно быстрее.

- Копы на подходе, живее! – сказал он и, едва дождавшись пока я сяду, сорвался с места так, что меня вдавило в сиденье.

- Откуда такая тачка?

- В кредит взял, – огрызнулся робот. - Глянь вниз.

Я послушно опустил взгляд и увидел, что у меня под ногами лежит целая россыпь шоколадных батончиков и лёгкий пулемёт. Новый, не архаика, той же серии, что устанавливали на полицейские бронетранспортёры, только предназначенный для стрельбы с рук. Красивая игрушка для спецподразделений.

- Умеешь обращаться? – спросил Азимов.

- Ага, – кивнул я. - Надеюсь, он не понадобится.

- Уже понадобился! – Азимов вывернул руль, я качнулся и на мгновение прилип к стеклу, увидев, как мимо с огромной скоростью проносятся небоскрёбы. Мы мчались по самому верхнему ярусу Нейро-Сити, под нами было ещё почти четыреста метров города: жилых зданий, транспортных развязок, коммуникаций, мостов и эстакад.

- Стреляй! – Азимов как-то изменил голос, вмиг ставший из приятно-синтетического металлически-командным.

Я подхватил пулемёт, бросил взгляд на патронную ленту, уже заряженную, и, размахнувшись, выбил стволом заднее окно. Жаль было портить такую классную машину, но делать было нечего: перспектива того, что испортят мою драгоценную шкуру, была намного менее привлекательной.

Я сразу же увидел то, от чего так убегал Азимов и почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом.

Серебристые вертолёты. Новокопы всё-таки нас настигли. Прицелиться в них было очень трудно, а попасть - лишь случайно, но я всё равно палил в воздух, отгоняя троицу мелких назойливых машин, то и дело тянувшихся к нам пулемётными очередями.

Подавляющее большинство моих пуль уходило к багровым небесам, затянутым тучами. Встречные машины предпочитали свернуть к обочине, дабы не попасть под огонь вертолётов.

Водителя-человека новокопы играючи загнали бы в угол и

расстреляли, но мне повезло, что Азимов человеком не был. Он вилял, поворачивал, тормозил и ускорялся, казалось, в совершенно хаотичной последовательности, и только потом я с удивлением понял – он просчитывает ситуацию на шаг вперёд. Очевидно, в его стальной башке сидел и впрямь чрезвычайно мощный искусственный интеллект.

Меня болтало по всей машине, что не лучшим образом сказывалось на меткости. В горячке боя я забыл про то, что несколько раз ранен, что мне холодно и силы почти на исходе. Мной владела лишь едва сдерживаемая паника, возникавшая каждый раз, когда я видел перед собой серебристый вертолёт или новокопа.

- Стреляй, кусок мяса! – кричал Азимов.

- Пытаюсь, железяка! – болтаясь по всему салону, отвечал я.

Было бы очень здорово съехать на уровень ниже – тогда вертолёты изрядно потеряли бы в маневренности.

Стоило мне подумать об этом, как Азимов, заложив крутой вираж и подрезав просигналившую легковую машину, устремился к развязке, ведущей на нижний ярус. Вертолёты по инерции пролетели дальше, но быстро развернулись, сделав в воздухе красивую петлю, и помчались следом, изредка постреливая короткими очередями, разбивавшими асфальт и бетон в крошку.

Центробежная сила прижала меня к левой двери, не давая даже нормально пошевелиться – о прицельном огне даже речи не шло.

Мы миновали ещё одну развязку, уводившую нас ниже, а у меня кончились патроны. Перезаряжать ленту в постоянно дёргающейся машине – удовольствие ниже среднего, но я всё-таки справился и снова открыл огонь по преследователям, которые теперь стали не такими шустрыми.

Броня у них хороша – лёгкое стрелковое оружие было совершенно бесполезно; я видел искры и рикошеты при попаданиях по угловатым корпусам. Поэтому приходилось целиться по уязвимым (в моём понимании) местам – винту и хвосту.

Небо над нами уже давно уступило место переплетению дорог и эстакад, в котором противнику приходилось лавировать, теряя изрядную долю маневренности. Но и тут они действовали с дьявольским изяществом, вовремя выбирая направление, свободное от бетонной паутины и моих выстрелов. Впрочем, я всё ещё не был уверен в том, что мог хоть как-то повредить эти чёртовы вертолёты.

«Нейро-раннер» всё так же вилял, съезжал всё ниже и ниже, до тех пор, пока ночное небо не пропало окончательно – теперь

над нами была лишь «крыша» из асфальта, стекла и стали. Машин становилось всё больше – чем ниже уровень, тем дешевле квартиры, и теперь нашему «Раннеру» приходилось ювелирно маневрировать, ныряя в «окна» между машинами, в то же время уклоняясь от вражеских выстрелов, которые становились всё более меткими. Вертолёты уже не мазали – очередь пробарабанила по крышке багажника, пронзила машину насквозь, пройдя через крышу, пассажирское сиденье и пол так, будто это была сигаретная бумага.

Не уверен, но однажды мне показалось, что Азимов матерится. В иной момент это меня очень заинтересовало бы, но сейчас я был занят тем, что пытался отстреливаться и держать равновесие. Причём, делать две эти вещи одновременно было просто невозможно при том стиле вождения, который избрал робот.

Вертолёты немного отстали, запутавшись в паутине эстакад, труб и проводов, и мы затормозили на самом нижнем ярусе у огромного кондоминиума наподобие «Вольфрамового древа». Он перемигивался тысячами огней и огоньков, неоном вывесок, лампами дневного света и голографической рекламой. Пронзал город насквозь, вздымаясь из самой адской глубины ввысь, на добрую сотню метров над самым верхним ярусом.

- Вылезай! – лязгнул Азимов, и я снова поразился переменам в его голосе.

Схватив пулемёт и быстро распихав по карманам шоколадки, я выскочил на улицу.

- Сюда! – на глазах изумлённой толпы людей Азимов отшвырнул в сторону крышку канализационного люка, вырвав её вместе с креплениями, и спрыгнул вниз, в темноту. Я последовал за ним. Правда, намного медленнее, что вызвало недовольное бурчание робота о неповоротливых кусках мяса, которым уже давно пора отправиться на свалку эволюции.

- Бегом! – снова скомандовал робот, отобрал у меня пулемёт и припустил вперёд, задавая пример.

Я распечатал один из батончиков и жевал его на бегу. Стоило шоколаду коснуться моего языка, как я тут же почувствовал жуткий голод, который, казалось, нельзя было утолить ничем. Мы мчались по канализации. Снова стали туннельными крысами, вернулись туда, откуда вылезли на свет.

Бежать было сложно – рот был занят, а от дыхания носом не хватало воздуха. Я часто давился и спотыкался, вызывая новую порцию причитаний Азимова.

- Всё! Хватит! – он резко остановится и обернулся. - Ты мне надоел.

С этими словами робот подхватил меня, закинул на плечо так же, как я совсем недавно тащил искусственное женское тело, и понёсся по туннелям так, что у меня ветер засвистел в ушах.

Двух шоколадок было мало, однако я полностью сосредоточился на еде и не успел заметить, как мы вышли из туннелей и снова оказались в подземном городе. Я включил ПНВ и рассмотрел окружающий пейзаж – почти такой же, как и под «Древом», - высотные дома, на крышах которых покоился фундамент кондоминиума, исполинские сваи, поддерживавшие его, и широкие трубы, низвергавшие потоки нечистот прямо на улицы. Мы стояли на крыше апартаментов, и я испытал дежа вю. Туннель начинался прямо за нашими спинами. Из него вытекал ручей грязной воды, затопивший крышу и изливавшийся мутным водопадом вниз. Но здесь, в отличие от района, погребённого под «Вольфрамовым древом», чем-то отвратительно воняло – и я, во избежание тошноты, не особенно хотел разбираться, чем именно.

Азимов раздумывал около пяти секунд, а затем, не сказав ни слова, вновь сорвался с места, заставив меня ойкнуть. Он понёсся по лестнице, превратившейся из-за сточных вод в какой-то авангардистский фонтан. Я видел похожий – там вода точно так же стекала со ступеней-уступов, красиво блестя на солнце и успокаивающе журча. Тяжёлый робот так бухал ногами, что я боялся, как бы размокшая лестница не провалилась под нами.

Мы выбежали на улицу, ставшую рекой, текущей в неизвестном направлении, и помчались по её берегам-тротуарам. В тишине, заполненной лишь шумом срывающихся с крыш зданий потоков воды и гулким буханьем шагов Азимова, нельзя было различить звуки погони – например, характерное жужжание коптеров-разведчиков я бы точно не расслышал.

- Нужно уйти с открытого пространства! – прохрипел я, на что робот раздражённо меня встряхнул и лязгнул:

- Сам знаю!

Ну что ж, попробовать всё равно стоило. Каким бы умным ни был Азимов, никто не отменял поговорку про то, что две головы лучше, чем одна.

Робот замер, прислушиваясь, и помчался с ещё большей скоростью, что очень негативно сказалось на моём комфорте. В живот, и без того настрадавшийся за сегодня, ритмично упирались какие-то острые железки, а сам я трясся так, будто мчался на машине по полностью разбитой дороге. Каждое движение отзывалось болью – я не чувствовал её, но небольшие красные вспышки на виджете покрывали почти всё моё тело. При виде них становилось жутко. Бедная моя тушка…

- Что происходит? – крикнул я туда, где по моим

соображениям у Азимова должно было находиться ухо.

- Коптер! – последовал короткий ответ.

Что-то щёлкнуло внутри робота – я скорей почувствовал это, нежели услышал, и вокруг нас заструился хорошо знакомый мне тёмно-серый драный саван, медленно принимавший раскраску окружающей среды.

«Не поможет, - подумал я, - у новокопов и разведчиков тепловидение, ПНВ и бог знает что ещё. Как бы мы ни прятались – всё это бесполезно». Однако делиться своим ценным мнением я с Азимовым не стал, памятуя о том, что он постоянно пребывает в депрессии. Кто его знает – может быть, он сейчас сядет на землю, обхватит голову руками и заплачет машинным маслом? Ситуация показалась мне настолько глупой, что я усмехнулся, вызвав этим недовольное бурчание Азимова.

- Берегись! – с этими словами робот неожиданно отбросил меня в сторону, лёгким и чуждо-грациозным движением обернулся, одновременно перехватывая пулемёт, и нашпиговал пулями полицейского дрона, находившегося метров за пятьдесят до нас.

Я наблюдал за этим, лёжа на земле и не понимая, что вообще происходит. Наверное, я ударился затылком, и мозги соображали хуже обычного.

- Кус-сок мяса… - презрительно бросил Азимов и, снова подхватив меня одной рукой, помчался по лужам, громко лязгая металлическими пятками по асфальту и разбрызгивая мутную пахнувшую испражнениями воду из луж.

Я уже ни черта не понимал. Даже страх перед новокопами куда-то делся. Впереди показалось жерло туннеля, ведущего куда-то вверх. Мы уже вбежали в него и отдалились метров на сорок-пятьдесят, когда услышали знакомое скрежетание металла о камни.

- Дерьмо! – ругательство, произнесённое роботом, было похоже на удар молотка по листу железа.

- Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо! – бежал он, крепко ухватив меня угловатой стальной ладонью за задницу. - О, нет! Нет! – робот затормозил и сбросил меня на пол, прямо в стекавшую вниз струю воды.

- Грёбаные строители! Грёбаные инженеры! Грёбаные архитекторы! – Азимов, отчаянно ругаясь, стоял возле прочной стальной решётки, за которой начиналась корявая и неказистая с виду бетонная пробка. Вода вытекала из отверстия внизу – небольшого, но, очевидно, достаточного для того, чтобы не задерживать всё то, что лилось с верхних ярусов.

- Держи! – Азимов кинул мне пулемёт. Я поймал его, откинул

сошки, перекатился туда, где меня не омывал поток воды, и установил оружие, взяв туннель на прицел. Датчик движения – микроскопический синий экранчик слева от прицельной планки – сходил с ума и не выдавал ничего, кроме помех и статики. Видно, новокопы могли глушить подобные игрушки, так что я был практически слеп.

Хоть боевая программа и была включена, я лежал без движения, напряжённо всматриваясь в сырую вонючую темноту передо мной.

Мир вокруг привычно замедлился, один лишь Азимов быстро-быстро лупил по решётке кулаками, пытаясь деформировать и оторвать хотя бы один из прутьев. Стук металла по металлу был оглушительным, поэтому приближение новокопов я пропустил.

Они выскочили из темноты. Быстрые и мощные тёмно-серые тени, сжимавшие оружие в стальных пальцах. Меня они не видели – да и не было у копов никаких глаз, - но стволы навели с похвальной скоростью. Я не заметил, как нажал на курок, и первая очередь, трассирующим пунктиром пронзившая темноту, стала сюрпризом для меня самого.

- Уже почти, – сказал Азимов. Лязг прекратился, рядом со мной в воду упал толстый, почти в руку диаметром, изогнутый стальной прут. Судя по звукам за спиной и летевшей в меня каменной крошке, робот принялся колотить по бетону.

Новокопы отступили под защиту стен и затихли, а я продолжил до рези в глазах пялиться во тьму, не чувствуя ничего – даже ледяного холода, источаемого камнями, на которых лежал.

- Дым! – крикнул Азимов, оборачиваясь, хоть я пока ничего и не видел. - Стреляй в дым!

Действительно, не прошло и нескольких мгновений, как омерзительно завоняло гарью и в наш туннель поползли плотные клубы удушающего дыма. Я выпустил в него длинную очередь и успел заметить, что как минимум две пули достигли цели – судя по искрам.

Холод всё-таки пробрал меня и тем самым привёл в чувство. Вместе с ним и запахом дыма я ощутил хорошо знакомый липкий страх. Волосы на загривке зашевелились, я дрожал, лёжа за пулемётом, но не от отдачи или лихорадки – всепоглощающий ужас пожирал моё сознание шаг за шагом. Скоро патроны кончатся. Две сотни – это не так уж и много, в сущности. О том, что будет дальше, я старался не думать. Очередь просвистела мимо моего уха, заставив вскрикнуть и прижаться к каменному полу. Где-то за спиной выругался Азимов, в которого едва не попали.

Я не успел и глазом моргнуть, как увидел тёмно-серые тела,

выскальзывавшие из дыма с оружием наперевес. Тогда я не думал, что они могут играючи меня пристрелить. Инстинкт выживания заставил меня лишь крепче сдавить ладонью рукоять оружия и зажать спуск, поливая туннель длинными крупнокалиберными очередями. Ужасные и омерзительные машины отбрасывало в стороны и разрывало пулями. Точно так же пули свистели и над моей головой. Нападавшие были уже близко. Пулемётный огонь недолго будет сдерживать их, вскоре мне предстоит рукопашная схватка. Безнадёжная. Последняя.

- Держись! – прокричал Азимов и нанёс последний могучий удар по бетонной переборке. Он прыгнул, оказавшись между мной и полицейскими, и, приземлившись на пол туннеля, впился исцарапанными пальцами глубоко в бетон. Я обернулся для того, чтобы посмотреть, чем всё это время был занят Азимов, и это сыграло со мной злую шутку.

Короткая очередь, прилетевшая из темноты и сырости, попала в цель. Три пули прошили поочерёдно правое плечо и ключицу, а последняя перебила мне шею. Прошла сквозь плоть и усиленный стальной позвоночник, оставив голову безвольно висеть на остатках мяса, кожи и кровеносных сосудов.

Последним, что я увидел перед тем, как упасть во тьму, стала плотная волна застоявшегося дерьма, выплеснувшаяся из-за разбитой Азимовым пробки.

Она прокатилась по туннелю, полностью поглотив меня и робота, не давшего мне уплыть по течению, и смела штурмующих новокопов.

Но мне было уже всё равно.

21.

- Как он? – знакомый шелестящий голос.

Перед глазами помехи и белый шум, лишь изредка прерываемый какой-то картинкой, которую я никак не могу толком рассмотреть. Всё в красных тонах. Какие-то тени. Ни черта не понятно.

На какое-то время я снова отключаюсь, но потом опять прихожу в себя.

- Что ты от меня-то хочешь? – голос раздражён. - Скажи спасибо, что я вычистил его от дерьма, иначе он давно бы уже сдох от сепсиса! Если ты… - снова обрыв сознания.

Шипение, переходящее в тончайший писк, и чьи-то голоса. Какой-то звук, похожий на работающую дрель. Стук металла по металлу. Короткие команды:

- Зажим! Спирт! Клей! Он приходит в себя, дайте еще анестезию!

Я не почувствовал укола или ещё чего-нибудь подобного – просто снова провалился в сон. Что было наркотической галлюцинацией, а что – реальностью? Никак не разобрать. Слова, видения, образы - яркие и живые. Казалось, к некоторым я мог прикоснуться – и прикасался! Ощущал ладонью сухую шероховатость драконьей чешуи, прохладу и гладкость металла.

Слышал чьё-то бормотание.

- Он не вытянет… Не вытянет…

- Спокойно. Это коп, а они ребята крепкие.

«Включиться».

«Провести диагностику».

«Вывести информацию с внутренних виджетов на подключённое устройство вывода».

Эти команды поступали извне. Я не мог им сопротивляться, да и не хотел. Собственно, «я» не было. Оно теплилось где-то на задворках сознания, еле живое, смирившееся со своей нелёгкой участью – быть застреленным новокопами и похороненным в канализации, под тоннами грязной воды и чужого дерьма.

«Перенос станции администратора на сторонний терминал».

«Отключение нижних конечностей».

«Отключение почек».

«Отключение печени».

«Отключение сердца».

«Отключение автоматических лёгочных фильтров».

«Отключение мозгового бустера».

«Отключение боевого контроллера».

«Ошибка: отключить невозможно».

Так-то, золотые мои. Боевое железо не выключить так вот запросто, и из тела не выдернуть. Проще уж всего меня отправить на свалку.

Ох уж это чувство, когда кто-то хозяйничает у тебя в голове. Ощущение было знакомым – виртуальная тюрьма. Ты – это уже не ты, и по-настоящему личное пространство, на которое никто не сможет посягнуть, равно размеру жалкого пучка нейронов, неподконтрольного снаружи. Только здесь ты свободен. Остальное тело кажется ужасно огромным. Как будто тебя поселили в пустой и тёмный дворец, а ты, от страха перед неизвестностью и фамильными привидениями, забился в самую маленькую комнатку под лестницей, сидишь при свечах и с надеждой ждёшь утра. Но оно всё никак не приходит.

Можно как угодно фантазировать. Создавать целые иллюзорные миры и жить в них. Править могучими империями или путешествовать с мечом на боку и жаждой приключений в сердце. Можно философствовать и сочинять книги, не имея возможности ничего записать – даже самую мудрую мысль.

Можно всё.

Но рано или поздно ты возвращаешься в ту же каморку под лестницей и понимаешь – за то время, пока ты построил могучую империю и привёл её к процветанию, прошло всего несколько минут. И утро не стало ближе.

Я открыл глаза.

Никакой красноты, никаких помех. Изображение чёткое. Виджеты, отслеживающие моё состояние, всё также «висят» перед глазами. Правда, картину они показывают какую-то совершенно нереальную. Почти всё тело желтое, в красный окрашена только шея, в том месте, где…

Боже! Я делаю первый судорожный вздох. Меня же убили. Чёрт подери!

Я полулежу на металлическом столе. Комната, в которой я нахожусь, стерильна. Белый потолок, плитка на стенах, капельницы, столы с инструментами, какие-то странные приборы, перемигивающиеся огоньками.

Три человека, внимательно рассматривающие меня. Двое – в зелёных робах, забрызганных кровью, медицинских масках и шапочках, а третий – полностью металлический… Металлическая. Точно, Азимов.

- Что… Как? – я пытаюсь хоть что-то сказать, но гамма охвативших меня эмоций настолько огромна, что ничего не выходит. В голове вертится уйма вопросов, одновременно бросает в жар и холод.

Где-то рядом ускорилось пиканье какого-то прибора,

вероятно, отслеживающего мой пульс.

- Спокойно, – поднял ладонь Азимов. - Ты жив и почти здоров. Разве что вправо голову не сможешь поворачивать. Как себя чувствуешь?

Самым точным ответом было бы «никак», поскольку болевые ощущения я обратно не включал и пока не собирался.

- Нормально.

Один из врачей усмехнулся:

- Да ничего он не чувствует.

- Тогда нам пора. Давай на ноги, дружище. Спасибо, док, вы нам очень помогли.

- Он слаб, - попытался воспротивиться врач, но робот его не слушал, - вряд ли сможет идти…

- Сможет, доктор, – уверенно прошелестел Азимов. - И идти сможет, и бежать сможет, и даже отстреливаться. Жить захочешь – и не на такое пойдёшь.

- Куда вы его поведёте? – спросил второй врач, судя по голосу, молодой.

- Ты не хочешь этого знать, – отмахнулся робот. - Вставай, – это он уже мне. - За одежду поблагодаришь позже.

Меня поставили на ноги, предупредив:

- Возможно головокружение. Держись за что-нибудь.

И правда, ноги меня почти не держали. Всё тело ходило ходуном, было как чужое – неповоротливое, тяжёлое. Я сообщил об этом врачам, но они лишь развели руками:

- Тебе почти оторвало голову, приятель. Мы сумели восстановить только основные нервные центры и проводку – были и другие заботы, знаешь ли. Позвоночник, например, вообще собрали заново. Так что привыкай. Попозже можешь прийти, мы починим тебя полностью, – их доброжелательность показалась мне фальшивой. За ней явно что-то стояло.

На стуле возле выхода лежали какие-то вещи, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся брюками, майкой, свитером и тонкой курткой из неизвестного мне материала, отдалённо похожего на кожу.

Возле дверей, в коридоре и у входа в операционную стены и пол были заляпаны кровью, в которой валялись обрывки одежды.

- Что тут было? – шёпотом спросил я у Азимова.

- Ну, у тебя же не было страховки, – робот пожал плечами. – А у меня не было денег. Пришлось пойти на конфликт с местной охраной.

Мы вышли из клиники, провожаемые взглядами врачей, и оказались в хорошо знакомом мне месте. Красные бумажные фонарики, освещавшие подножия высотных зданий, терявшихся в

темноте, лотки и палатки с товаром, криминальные рожи вокруг, ароматы специй и благовоний, гул множества голосов.

- Это тот же самый рынок? – спросил я. - Рядом с нашим участком?

- Нет, – ответил робот. - Таких мест много, и все они похожи друг на друга. Пойдём!

Я последовал за Азимовым, двигаясь так, как будто был марионеткой, управляемой пьяным кукловодом. К собственному телу нужно было приноровиться, как к новой машине, и это очень отвлекало, не давая нормально осмотреться вокруг и поискать возможные угрозы. Кстати, Азимов был прав, и я не мог повернуть голову вправо – как будто её там что-то стопорило.

- Это штифт, - пояснил робот, заметив мои попытки осмотреться. - Пока не заживёт, придётся ходить так. Потом вытащим. Если нас до этого не убьют.

- А что, могут?

- Разумеется. Ты почти сутки валялся в отключке, пока тебя собирали по кусочкам. За это время многое успело произойти, – люди расступались перед мощной фигурой Азимова, а я ковылял позади.

- И что именно? – для того, чтобы расслышать робота, приходилось напрягать слух, а чтобы докричаться – сильно повышать голос, ибо гомон вокруг стоял жуткий.

- Похоже, нам конец.

- В смысле? – удивился я.

- Организацию раскрыли. Окружили и уничтожили больше половины. Вырваться удалось единицам, но и это ненадолго. Копы идут по пятам. Конец близок.

- Так может быть… - я остановился. - Нам не идти туда?

Азимов обернулся и посмотрел на меня своими флуоресцентными синими глазами. Прекрасное металлическое лицо ничего не выражало.

- Я бы сделал это с огромным удовольствием, - шелестящий голос снова сменился лязгом металла. - Если бы не приказ Рутланда, за нарушение которого он меня уничтожит.

Я едва не ляпнул: «В тебе тоже есть эта штука?», но вовремя спохватился, испугавшись, что Азимова настигнет та же догадка, что и меня.

Шея.

Чёртова шея, сшитая заново из оставшихся лоскутов. Она была совершенно новой. Да, обычно я туго соображал, но когда дело касалось жизни и смерти, мой мозг проявлял чудеса изобретательности. Пуля новокопов едва меня не убила, но в итоге лишь сделала сильней. Совсем как говорил какой-то

древний философ.

Я поплёлся за Азимовым, изображая покорность и смирение. В конце концов, можно будет отстать где-нибудь по дороге и потеряться. Дело житейское.

Ну или, если совсем припрёт, как-нибудь убить собственного спасителя, что теперь тащил меня на верную смерть. «Ничего личного, железяка, - подумал я, - в конце концов, я лишь оказываю тебе услугу, избавляя от вечной депрессии».

- Зачем ты потащил меня сюда? – спросил я, чтобы как-то поддержать разговор.

- Рутланд приказал.

Исчерпывающий ответ. Мне осталось лишь пожать плечами и дальше семенить за Азимовым, что пробивал себе путь в толпе как атомный ледокол. В принципе, приказ логичен. Организация в полной заднице. Копов осталось очень мало, а тех, что служили в отделе внутренних расследований, – и того меньше. Я был представителем вымирающего вида. Старого, но очень нужного Рутланду для продолжения его войны с Нейрокорп. Особенно теперь, когда Организация разгромлена и бежит, сломя голову, сама не зная куда. Скорее всего – в очередную ловушку Нейрокорп.

- А куда мы идём?

Азимов ответил не сразу:

- Увидишь. И не пытайся потеряться. Найду и снова оторву голову. В этот раз окончательно.

Чёртова железяка.

- Откуда такое недоверие к людям? – спросил я, скрывая досаду за ухмылкой. - Из-за депрессии?

- Нет у меня никакой депрессии.

Сперва я подумал, что мне послышалось, и переспросил.

- Всё верно, – сказал андроид. - Депрессии у меня нет. Я имел в виду той, что задана программно.

- То есть, ты хочешь сказать, что она твоя собственная? Приобретённая?

Азимов издал какой-то непонятный звук, который лично я определил как усмешку.

- Человек не воспринимает мир таким, каков он есть. Во-первых, не осознаёт всю картину, поскольку крупное его взгляд просто не может охватить, а мелочи ускользают. Во-вторых, человеческие органы чувств несовершенны. Вы не видите весь спектр цвета, не слышите ультра- и инфразвук, а некоторые явления Вселенной вообще почувствовать не в состоянии – поскольку нет соответствующего органа. И в-третьих, восприятие очень сильно зависит от внутренних факторов. Гормоны,

физическое состояние и прочее.

Я плёлся сзади, напрягая слух и стараясь уловить каждое слово, произнесённое Азимовым.

- А у меня этого нет. Моё восприятие ничем не ограничено и не замутнено. Я есть абсолютно свободный разум. И я пребываю в постоянной депрессии из-за того, что вижу этот мир таким, каков он есть на самом деле. Без прикрас.

Для того, чтобы переварить эту фразу, потребовалось время. Азимов молча топал вперёд, пробираясь сквозь толпу. Мы миновали последних торговцев – каких-то жалких голодранцев, разложивших товар прямо на асфальте, и вышли за пределы рынка.

Снова пришлось вступить в туннели. Я привычно берёг ноги от промокания. Одежда была немного великовата, сырые холодные сквозняки продували её, создавая ощущение, будто я раздет. Темнота и тишина способствовала размышлениям.

Да, чёртов робот не врал. Если действительно увидеть всю картину целиком, то захочется лечь и умереть. Всё потеряет смысл. Вселенная бесконечна, и мы в ней даже не атомы – нечто ещё меньше самых фундаментальных частиц. Над нами лишь жалкая плёнка атмосферы, за которой пустая бесконечность, огромная настолько, что попытка осознать её приведёт к сумасшествию.

Путешествуем сквозь Вселенную, но смотрим под ноги, такие напыщенные и важные, уверенные в том, что наши решения что-то могут кардинально поменять.

Да, теперь я понял Азимова. От таких мыслей хотелось остановиться, сесть прямо посреди туннеля, закрыть глаза и ждать неизбежного. В конечном счёте, мы все умрём, даже Глазастик, намеренно отказавшийся от бессмертия и ввязавшийся в убийственную авантюру Рутланда. На меня навалилась усталость – как огромная пуховая подушка, взваленная на плечи.

Ничего не имеет значения.

- Брр! – я вздрогнул. Усталость отступила.

- Хм? – как-то по-кошачьи мурлыкнул Азимов.

- Нет, ничего… Всё нормально. Мне не дает покоя только одна вещь.

- Какая? – наконец-то мне не приходилось напрягать слух. Журчание мутной жижи нисколько не убавляло громкости голоса Азимова, а туннельное эхо наоборот – лишь усиливало.

- Как ты вообще можешь что-то чувствовать?

- Я и не чувствую. Депрессия – просто термин для людей, которые хотят понять, что со мной происходит. «Апатия» было бы вернее. Я могу выполнять миллиарды миллиардов простых

арифметических операций в секунду. Поэтому ради экономии энергии в меня вшита программа-блокировщик, оценивающая важность той или иной задачи. Она принимает решение, выполнять её или нет. И поскольку в масштабах Вселенной любая земная проблема ничтожна, я делаю всё через силу. Чувствовать я не могу по определению. Только эмуляция определённых эмоций. Но это не по-настоящему.

Что тут ещё скажешь?

Я начал оглядываться в поисках подходящего ответвления в туннеле, куда я мог бы свернуть. Отставал, ссылаясь на то, что болит нога, но Азимов был настороже и иногда даже подхватывал на плечо, когда я ему особенно надоедал. Путь к Рутланду мы проделали не торопясь, не в пример дикой скачке сутки назад, когда мы убегали от полиции. Да-да. Убегали. А теперь снова идём к ним в лапы.

За несколько часов блуждания по подземельям я, вроде как, приноровился к телу, правда, удобство всё равно страдало. Рефлексы не уходят просто так, и это было проблемой, поскольку в бою я буду действовать как раз на автомате, что может стоить мне жизни. Азимов, зараза такая, так и не дал мне шанса сбежать. Упрашивать его было бы глупо. Не для того робот тащил меня по канализации и рвал на части охрану подпольной клиники, чтобы я вот так вот просто сделал ручкой. Рутланд бы этого не понял, и тогда апатичному роботу светило строгое наказание. Уверен, Морган сейчас на нервах, поэтому может и показательно пристрелить – за неповиновение.

Идти в западню было страшно. Колени предательски подрагивали, заставляя замедляться, и тогда Азимов поворачивался ко мне и подгонял:

- Давай быстрее. У нас ещё есть пара часов до точки невозврата, но лучше поспешить.

Рутланд обозначил конкретные сроки, в которые я должен был быть доставлен к нему. В противном случае, нам обоим (а учитывая открывшиеся обстоятельства, то одному Азимову) грозило обвинение в измене и казнь через чип в шее.

Ну что ж, ничего страшного.

Терпение и ожидание никого никогда не подводили. Рано или поздно я останусь в одиночестве, и тогда приложу все усилия для того, чтобы оказаться подальше от Рутланда и его команды самоубийц.

22.

- Здесь, джентльмены… - Рутланд посмотрел на Азимова и добавил с кривой улыбкой: - И, конечно же, леди, мы и дадим

последний бой тирании. Не питайте иллюзий, не выживет никто. Разбирайте оружие. Это всё, что осталось. Стройте баррикады – они помогут нам продержаться подольше. Когда закончатся патроны, подбирайте камни и арматуру, бейте копов руками, грызите зубами. Сегодня – наш последний бой, и Компания должна его запомнить.

Горстка уцелевших бойцов против диктатуры выглядела так себе. Грязные, помятые, сонные, раненые.

Даже Глазастик как-то насупился, сжимая винтовку, от которой разило порохом. Он где-то потерял свою знаменитую рубашку и был одет в пуховик на голое тело. Кстати, пуховик не помешал бы и мне. Я кутался в тонкую куртку, не дававшую ни грамма тепла. Лучше бы мы остались в канализации. Глупо было пытаться превратить в крепость очередное заброшенное здание, населённое лишь крысами и бездомными, но кто знал, что за мысли бродили у Рутланда в голове? Может быть, он собирался умереть красиво, а может просто съехал с катушек окончательно. Однако здание он выбрал хорошее – тут никак не подкопаться. Оно было зажато с трёх сторон исполинским серым фундаментом кондоминиума, переплетением коммуникаций и огромной кучей ломаного железобетона, оставшейся от сноса соседнего здания. Сверху нас прикрывала огромная эстакада, по которой днями и ночами мчались машины. Нападавшим пришлось бы напирать только с одного направления – прямо на фасад здания, сквозь «бутылочное горлышко» из руин здания и серой стены с трубами. Стреляй – не хочу. День обещал быть жарким.

- Разбирайте! – Рутланд махнул рукой в сторону картонных коробок, чехлов и металлических ящиков, сваленных в абсолютном беспорядке. - Не стесняйтесь. Хватит всем.

В ящиках оказалось полицейское снаряжение. Списанное, старое, потёртое, но, несмотря на это, не растерявшее своей надёжности и смертоносности. Я взял тяжёлый бронежилет, который обычно носили сапёры, противоосколочный шлем с забралом, пару осколочных гранат и лёгкий пулемёт. Патронов было почти неограниченное количество, поэтому я утащил к себе целый цинковый ящик на десять тысяч.

Заброшенный дом преображался. Окна и двери заваливали строительным мусором, собранным на руинах снесённого дома, устанавливали пулемёты в окнах верхних этажей. Рутланд, казалось, был одновременно везде. Носился по зданию, проверял, советовал, приказывал, кричал и то и дело срывался на долгие вдохновляющие монологи о том, что в последнем бою нужно проявить себя доблестными воинами и сражаться до последней капли крови. Люди слушали его вполуха и ругались сквозь зубы,

стоило Рутланду скрыться. Умирать никто не хотел – все тут были невольниками.

Даже я, подыскивавший момент для того, чтобы покинуть здание, и никак его не находивший.

Подвалы и нижние этажи намертво забаррикадированы, а попытка выйти через «горлышко» закончится выстрелом в спину – это и к гадалке не ходи. Снайперы уже заняли позиции на верхних этажах, и винтовки у них были что надо. У всех нас оставалась только одна возможность выбраться. Я вовсю прикидывал шансы на её осуществление, но меня опередили.

Я не успел заметить, как Рутланда окружила кучка криминального отрепья. Бывшие байкеры из клуба ветеранов войн, грабители, убийцы. Их было немного, но они прочно взяли нашего Че Гевару в полукольцо и, вроде как невзначай, поудобнее перехватили штурмовые винтовки и дробовики. Я решил не вмешиваться, поскольку не видел ничего плохого в том, что кто-то сделает за меня всю грязную работу.

- Эй, Морган! – прокричал тощий и жилистый латинос с цветными татуировками на лице. Я смутно его помнил: кажется, у него был незаконный имплантат. Подлая штука – как раз для бесчестных и жарких схваток на нижних ярусах и в подземном городе.

Рутланд обернулся, уже открывая рот для ответа, в то время как ладонь латиноса раскрылась, словно бутон цветка, и оттуда, сопровождаемый громким звуком, вылетел рой крупной дроби.

Он попал Моргану прямо в пасть, отчего тот завалился назад, и для остальных это послужило сигналом. Они вскинули оружие и принялись палить в нашего босса, пытаясь нашпиговать его обеднённым ураном прежде, чем он сумеет что-нибудь предпринять.

Я скривился, как будто стреляли по мне. Шутка ли, пять стволов, в упор! Я отвернулся, чтобы не смотреть на происходящее, и дождался, когда винтовки нападавших щёлкнули вхолостую. Кончились патроны. Вот теперь можно было взглянуть на то, что осталось от Рутланда. Я заранее напрягся, предупреждая возможный рвотный спазм, и перевёл взгляд на останки Моргана.

Я ожидал увидеть кровавое месиво: от ста пятидесяти патронов, выпущенных в упор, любое тело развалилось бы на куски так, что на опознание надо было бы вызывать не друзей и родственников, а стоматологов и генетиков, но Рутланд стоял, привалившись спиной к стене, как ни в чем не бывало. Весь покрыт кровью, дышит тяжело, да одежда превратилась в изорванные тряпки.

Так же, как и я, головорезы были дьявольски удивлены. Настолько, что никто из них даже не потянулся за запасным магазином.

- Мой черёд, – прорычал Рут и поднял лицо, на котором почти не осталось плоти. Строго говоря, лица как такового не было - я видел покрытый слоем металла череп, с которого свисал на полоске кожи чудом уцелевший нос.

«Что же это за сплав?» - подумал я тогда, внутренне сжавшись от ужаса.

Обычная субдермальная броня на таком расстоянии не выдержала бы огонь даже из архаичного автомата, а тут полицейские штурмовые винтовки…

Морган рванулся вперёд так быстро, что я едва успел уловить движение. Мятежники потянулись к запасным магазинам, но было поздно – они уже были мертвы. Рут, как супергерой Флэш из старого комикса, пронёсся полукругом, сбивая головы с такой лёгкостью, словно они были мячиками для гольфа. Тела не успели среагировать: мятежники стояли обезглавленные, всё ещё пытаясь перезарядить оружие мёртвыми руками. Они упали только через пять секунд: я зачем-то считал их про себя, застыв от леденящего страха.

- Кто-нибудь ещё? – прорычал Рутланд, оглядываясь. - Ты?! – он притянул к себе завопившего от страха старого полицейского.

- Нет, сэр! – кричал тот. - Не я! Не я!

- Кто тогда?! – старик улетел в обшарпанную кирпичную стену, едва не пробив её своим телом, и мешком свалился на пол, потеряв сознание.

- КТО-О-О?! – Рёв был слышен, наверное, во всём районе.

Я сжимал оружие занемевшими от ужаса пальцами и не мог пошевелиться. По спине у меня заструился ледяной пот.

«Не я, Рутланд, - билась в голове мысль, - не смотри в мою сторону. Меня здесь нет».

Наверное, помогло. Морган успокоился так же резко, как и завёлся. Выпрямился, поправил кровоточивший нос, висевший на честном слове, и, пробурчав: «Занимайтесь», куда-то удалился.

Только когда он скрылся за углом, я понял, что мне не хватает воздуха. Оказывается, всё это время я провёл, не сделав ни единого вдоха.

Снова я в полной заднице. Впрочем, как и всегда. Небольшой взлёт и грандиозное падение. И чему я так удивляюсь? Давно пора научиться предугадывать такие моменты. Рутланд оказался слишком крепким и быстрым парнем. О субдермальной броне, способной выдержать шквальный огонь из автоматов, я даже не слышал никогда. А ещё и скорость…

Слишком круто даже для SWAT.

Впрочем, с его связями в криминальном мире и финансовой подпиткой, Рутланд мог себе достать всё, что угодно, вплоть до армейских прототипов, не пущенных в массовое производство. Достать или выкрасть. Теперь я очень хорошо понимал, что небоскрёбы частных компаний Нейро-Сити неприступны только с виду. На деле группе вооружённых людей не так уж и трудно туда ворваться и выбраться живыми.

Чёрт, как было бы хорошо, если бы те ублюдки пристрелили Рутланда.

Босс мёртв, в здании скандал со стрельбой, снайперы отвлекаются, перепуганный Глазастик «глушит» всех подряд… Самое то для побега. Но, видимо, судьба решила, что такая развязка была бы слишком простой.

Я присмотрел себе позицию на левом фланге – в тесной комнатке на пятом этаже. Тут даже кое-где сохранились обои, выцветшие и пожелтевшие. На полу валялись пустые бутылки, шприцы и одноразовые ингаляторы – видно, это место уже давно было облюбовано окрестными наркоманами.

Стандартный притон, каких я перевидал великое множество. Пустое здание, до которого никому нет дела, молодая банда, его охраняющая. В подвале расположена «кухня», где варят наркоту, которой торгуют и ширяются на верхних этажах.

Кстати, как ни парадоксально, но подобные здания были самыми безопасными во всём районе. Никто не хотел пугать и терять клиентов. Если ты забрёл в подобный притон, совершил покупку и захотел ширнуться, будь уверен, тебе не перережут глотку, не обчистят карманы, не похитят и не продадут на органы. Вооружённые гориллы будут следить за твоим спокойствием так, как не следят портье в дорогих гостиницах.

По крайней мере, во время оргии в комнату точно не зайдёт робот-уборщик.

Глазастик вызвался быть моим вторым номером. Он взял с собой штурмовую винтовку, тяжёлый бронежилет SWAT и какой-то странный шлем. Напарника трясло от страха, как в лихорадке. Не спасала ни желтозубая улыбка, ни показная бравада – я видел его страх. Он был почти осязаем. Ещё немного - и в него можно было бы вляпаться.

Потянулось томительное ожидание. Пару раз к нам входил Рутланд с неизменным вопросом:

- Ну как вы тут?

Мы делали лицо утюгом и отвечали, что готовы давить и сокрушать проклятых цепных псов Корпорации, хотя поджилки мелко дрожали у нас обоих.

- А где наша депрессивная железяка? – поинтересовался я, осматривая окрестности в прицел.

- Где-то наверху. Он у нас теперь снайпер.

- Да-а… - протянул я и зачем-то добавил: - Распалась команда.

Глазастик усмехнулся.

- Что? – я покосился на него.

- Ты сказал «команда». И это смешно.

- Неужели?

- Конечно, – Глазастик снова растянул губы в фальшивой улыбке. - Чёрт, да ты, наверное, прикалываешься надо мной!

- Как-то сейчас не до шуток, – насупился я, снова приникнув к прицелу. - Что бы ты ни думал, мы действовали вместе. Следовательно, мы – команда.

- Хах! – этот звук был больше похож не на смех, а на кудахтанье. - Мы пауки в банке, Эйдер. И то, что случилось сегодня, это только доказывает. Тоже мне, команда… Не знаю, что ты себе напридумывал, но Балу точно не хотел спасать никого, кроме себя. Ему просто не повезло. Малой, - Глазастик неопределенно хмыкнул, - тем более. А я всё это время держал палец на кнопке и был готов убить любого из вас. Даже Рутланда, если его возьмут в плен.

- Отличное напутствие перед боем, напарник, – я отвернулся.

- Иди к чёрту. Напарник, – оскалился Глазастик и принялся вставлять патроны в магазин.

Мы пялились в сторону «горлышка», периодически меняясь, дабы дать отдохнуть уставшим глазам. Люди боялись даже громко говорить. Я был напряжён до предела. Мог сорваться и побежать прямо сейчас – лишь бы оказаться подальше от этого чёртового дома, в котором меня совершенно точно пристрелят.

В предвкушении встречи с созданиями из ночных кошмаров я цепенел.

«Ничего-ничего. У меня хотя бы есть оружие», - пытался я успокаивать самого себя.

Помогало слабо. Страх и отчаяние никуда не девались. Мучительно хотелось жить. Я лихорадочно продумывал все возможные варианты бегства, рассматривая место грядущего сражения в прицел пулемёта. Рвануть вперёд, понадеявшись на удачу? Просто глупо, учитывая то, какой я везунчик. В меня одновременно выпалит пара десятков стволов. Как бы быстро я ни бежал, какие бы петли ни закладывал, это не поможет.

Попробовать убить Рутланда? Самоубийство. Мне удастся ему, разве что, нос окончательно оторвать, причём это его не особенно побеспокоит.

Я покосился в сторону Глазастика, который откровенно скучал.

Ключ к моей свободе был у него. Вот только как он выглядит? Вряд ли это штуковина, похожая на пульт от телевизора. Скорее всего, какой-то имплантат. Не тратя сил на моральные дилеммы, можно было сказать с уверенностью: убить Глазастика не составило бы труда. Трудность заключалась в поиске той самой волшебной кнопки.

Но как узнать? Полагаю, вариант «спросить» не прокатывал ни в одном из случаев. «Прости, приятель, а где та самая штука, которая держит всю организацию в страхе? Мне просто интересно, я ни в коем случае не собираюсь тебя избивать, пытаясь ее отнять. И стрелять тебе в голову после получения ответа тоже не буду».

Вот, кстати. Скорее всего, штука, управляющая чипами, находится у бессмертного засранца в голове. Я был уверен, что это не программа, а какая-нибудь железка. Скорее всего, небольшая и имеющая стандартные разъёмы. Глазастик говорил, что уникален и к нему не подходит стандартное железо производства Нейрокорп; но такой же управляющий чип был у Рутланда, и я очень сомневаюсь, что он стал бы сильно заморачиваться и изобретать для бессмертного отдельное устройство.

Это давало надежду на то, что я смогу это устройство вытащить и использовать самостоятельно. Как именно – это уже другой разговор. Кругом одна неизвестность. Впрочем, у меня была одна идея касательно того, как её развеять. Только бы не опоздать…

И тут же, по закону подлости, стоило мне пожелать ещё немного времени, как оно резко закончилось.

- Готовность! – прошептал Рутланд по общему каналу связи. Я прислушался и испытал огромное желание закричать. Это жужжание я узнал бы из тысячи. Началось.

Полицейские коптеры, три штуки. Они прошмыгнули мимо «бутылочного горлышка». Казалось, что адские машинки не обратили на нас никакого внимания, но я был уверен, что их спокойствие – показное. Нас уже засняли. В прекрасном разрешении и нескольких диапазонах, включая тепловой.

Это давало новокопам информацию практически обо всём: сколько нас, чем вооружены, где расположены огневые точки. Сейчас этот информационный поток обрабатывается главным полицейским сервером, который, мгновениями позже, примет решение об атаке и передаст необходимые данные стальным исполнителям.

Копы всегда на шаг впереди, и когда они пойдут в атаку, то пули полетят точно в цель, с заранее просчитанным упреждением и точным осознанием того, какие именно точки нужно давить в первую очередь, а какие – попозже.

Механизм сработает чётко и безукоризненно. Никаких сбоев. Никакого спасения.

Я ждал хорошо знакомого звука винтов серебристых вертолётов и ругался про себя последними словами, чувствуя, как разум сползает в пучину паники. Не так всё должно было быть, детектив Морт, ой не так…

Слева от меня что-то шептал себе под нос Глазастик. Я пытался успокоиться и украдкой посматривал на него, просчитывая все свои действия, вплоть до самого незначительного. Тяжёлая броня и тело, к управлению которым я так и не смог приноровиться, могли всё испортить.

Время ещё было, пусть и немного. Надо лишь взять себя в руки.

- Смотри! – внезапно ткнул я пальцем в сторону «горлышка». Глазастик вздрогнул и подался вперёд, а я, ухватив его за затылок, хорошенько приложил лбом о подоконник.

Напарник обмяк и сполз вниз. Я нагнулся следом за ним, и тут же над моей головой просвистели первые пули. Кто-то громко закричал «Контакт!» и выстрелил в ответ. Полицейские, вопреки ожиданиям, высадились далеко от нашей крепости и подобрались незамеченными.

Нужно было торопиться: отобрать у Глазастика его долбаный чип, узнать, как он работает, и уже потом со всех ног бежать к Рутланду. Сейчас самое безопасное место – рядом с ним. Его не берут пули, а сил хватит для того, чтобы рвать полицейских голыми руками.

Я не видел того, что происходило снаружи – был слишком занят рассматриванием головы Глазастика. Перебирал сальные дреды, в которых было полно всякого сора, разыскивая разъём для подключения.

Со стороны улицы вёлся плотный огонь – копы не жалели патронов. Им отвечали из здания – частые и длинные очереди, истеричные, почти неприцельные, пытавшиеся «нашарить» противника. Со временем такие вещи начинаешь воспринимать на слух. Крики, команды Рутланда. Наверное, ещё и первые погибшие – копы ведь открыли огонь внезапно и, я был в этом уверен, хоть кого-то да зацепили. Мне просто повезло, что я согнулся: в противном случае, мои мозги расплескались бы по всей комнате, несмотря на шлем.

- Чёртов хиппи!.. – прорычал я, устав копаться в волосах

Глазастика, и почти тут же заметил в районе левого виска тонкие тёмные полоски – почти не выделявшиеся на фоне грязной кожи головы. Я поддел ногтем тонкий «язычок»: небольшая крышечка из металла, выкрашенного в телесный цвет, отвалилась и явила мне то, что я и искал. Несколько стандартных разъёмов. Планка была заводской, а вот вживляли её явно кустарным способом – об этом свидетельствовали кое-какие мелкие детали. Над моей головой свистели крупнокалиберные пули. Они бились в стены, обдавая меня осколками битого кирпича и штукатурки, но мне было не до них. Бой начался, и это значило только одно – времени не осталось совсем. Я лихорадочно вытащил короткий шнур с разъёмом-иглой из-под ногтя безымянного пальца и воткнул его в самый узкий слот.

Разумеется, игла не подошла, хоть разъём и был стандартным, но в том и была вся суть: эта хитрая штуковина подключалась напрямую к проводам. Я как-то поинтересовался у одного из знакомых технарей принципом её работы. Он тяжело вздохнул и сказал, что намного проще послать меня к дьяволу, чем объяснить. Поэтому я представлял себе всё в духе сотен микроскопических гномиков-монтажников в красных касках. Они носили в руках охапки электронов и таким образом устанавливали надёжную связь, подсоединяя моё сознание к чему угодно.

То, что Глазастик - особенный, становилось понятно сразу же после первого взгляда на его операционную систему. Да, у него в мозгах стояла самая настоящая операционка – древняя, тяжеловесная, графическая, со старым дизайном, который сейчас смотрелся как какое-нибудь произведение искусства в жанре ретрофутуризма.

Обычно, если мне приходилось подключаться к мозгам другого человека, это было больше схоже с телепатией и путешествием в астрал. Обмен мыслями в чистом виде, когда внешние органы чувств полностью отключаются. Нечто вроде быстрого невесомого полёта между исполинских цветных облаков: образов, воспоминаний и прочей информации, среди которой надо было ещё сориентироваться. В какой-то старой песне я слышал фразу «обрывки снов», и, наверное, они так и выглядели – цветастые лоскутки сознания, то пахнущие чем-то на удивление знакомым, то дающие тебе возможность почувствовать прикосновение, то показывающие картины из прошлого. Это решение было выбрано для того, чтобы максимально затруднить получение информации из человеческого мозга – в противном случае, хакеры играючи могли бы взломать любого человека, подключённого к Сети через бустер и приложение для Brains.

Мозг Глазастика был совершенно не таким. Систематизированный, линейный, похожий одновременно на древний бумажный лист в клетку и огромный белый склад, кажущийся бесконечным, простирающийся во всех направлениях сразу. Мне хватило ума догадаться, что огромные серые кубы с всплывающими названиями - это что-то вроде старых папок-каталогов. Я скользил взглядом по этим бесконечным полкам, выискивая то, что мне нужно, и, наконец, нашёл. Отличная видеозапись. В прекрасном качестве.

Загрузка, обработка, готово.

Жаль, что было слишком, чересчур мало времени для того, чтобы выдернуть из мозгов Глазастика побольше информации. Я был уверен, что воспоминания этого бессмертного сукина сына могли бы очень многое рассказать. Например, о том, что же такое приключилось с Рутландом, что превратило его в машину смерти.

Я отключился и вытащил иглу из головы Глазастика.

Прислушавшись, я понял, что первую атаку полицейских нам удалось сдержать – стреляли теперь только с нашей стороны. Наверное, копы понадеялись на свою огневую мощь и слаженность действий. Решили не блокировать нас, а атаковать малыми силами. Я знал, что вертолёты патрулируют небо над центром. Наверное, к нам вызвали пару ближайших машин и несколько троек копов-патрульных с верхних ярусов. Не так уж много, если подумать. Зато теперь, после понесённых копами потерь, пощады ждать было бессмысленно.

Глазастик всё так же лежал без сознания, присыпанный красной кирпичной пылью. Похоже, я полностью пропустил первый бой. Из здания вели огонь несколько пулемётов – короткими очередями по два-три патрона. Стрелки радостно кричали что-то нецензурное. Пули летели и в нашу сторону, но похоже, что новокопы просто тянули время и стремились к тому, чтобы мы потратили как можно больше боеприпасов. Скорее всего, укрывались за обломками снесённого здания и палили вслепую.

Мне нужно было убить Глазастика и вырвать чёртову железяку из его головы, но я почему-то застыл без движения, глядя на свои руки, присыпанные красной пылью и кусками штукатурки.

Убить бессмертное существо, единственное в своём роде, оказалось сложно. Не физически – я мог бы размазать его тонким слоем по полу в любой момент. Барьер, в который я упёрся, был моральным.

Нет времени ждать. Разозлившись, я ударил кулаком в стену, и боль в содранных костяшках пальцев меня отрезвила.

«Хотите остаться в живых, детектив?»

Разумеется.

«Тогда действуй, сукин ты сын. Он бы не стал долго думать перед тем, как превратить твои мозги в пережаренный паштет и жжёную проводку. Время на исходе».

Кажется, всё дело было в том, что он был совершенно беззащитен – это и придавало мне острое чувство неправильности происходящего. Я взял Глазастика за голову, замер на секунду в замешательстве и, глухо зарычав для придания себе уверенности, словно шагнув в пропасть или заставляя себя нырнуть в холодную воду, одним движением свернул бессмертному шею.

На мне было очень много смертей, которые я совершал, в том числе, и голыми руками, но сейчас я чувствовал себя просто отвратительно. Не знаю, почему. Глазастик не был мне другом, не был и по-настоящему напарником. Даже не знаю, почему я так называл его в собственных мыслях. Просто восьмидесятилетний подросток, возжелавший однажды скоротать жизнь, пытаясь совершить невозможное.

Что ж, эпилог был позади, нужно было действовать. Некогда было открывать и разбирать его череп как надо, поэтому я просто выдрал крышку над левым ухом, пробив тонкие кости черепа пальцами. Это оказалось неожиданно легко. Мои руки дрожали, пальцы перепачканы в грязи, крови и мозгах Глазастика. Нащупать имплантаты оказалось простым делом – толстая пластина текстолита была больше похожа на музейный экспонат из каменного века. В самом деле, они бы ещё из дерева имплантаты ему сделали. Экологически чистые.

Резкое движение, обрывающее хрупкую связь плоти с металлом – и электронная сущность Глазастика в моих грязных скрюченных пальцах. К пластинке прилип кусок мозга, похожий на красно-серую мочалку. Когда я увидел его, меня едва не вывернуло наизнанку. Мелкий чип, размером с ноготь, вставлялся в специально припаянный современный разъём. Обычно туда подключали бустер, вынося основное устройство наружу – на висок - в качестве украшения.

Вид у разъёма был уродливый. Он выглядел, как монстр Франкенштейна, и держался, такое ощущение, что на соплях. Как будто деталь от звездолёта установили на биплан. Впрочем, если что-то выглядит глупо, но работает – это не глупо.

Я спрятал чип и отсоединил от мозга Глазастика всё, что мог. Пригодится. Возможно, я забрал носители информации, и у меня всё-таки будет время как следует их посмотреть. Я готов был спорить на деньги, что Рутланд установил себе нелегальные имплантаты с помощью Глазастика. Другого медика в

Организации, насколько я знал, просто не было.

Наскоро распихав по карманам железки, выковырянные из мозгов мёртвого напарника, я засунул в его голову остатки платы, на которой всё держалось. Оглядев дело своих рук, я решил, что сойдет. Всё равно времени на полноценный осмотр тела у Рутланда не было.

Выстрелы почти прекратились, зато усилились радостные вопли защитников. Особенно выделялся низкий голос, кричавший что-то про мужские половые органы и предлагавший кому-то там снаружи эти самые органы попробовать.

- Доложить о потерях! – гаркнул Рутланд по общему каналу.

Оказалось, что всё прекрасно: всего трое покойников да несколько легких ранений. Я доложил о том, что Глазастик убит, боясь, что Рутланд примчится посмотреть на тело лично, но, похоже, ему было наплевать.

Что ж, тем лучше. Если Рутланду было всё равно, то мне тем более.

Глазастик погиб очень некрасиво и глупо. В его смерти, точно так же, как и у моего бывшего напарника когда-то, не было какой-то... Драмы, что ли?.. Впрочем, я достаточно проработал в полиции для того, чтобы знать: не всем дано погибнуть красиво и осмысленно, так, чтобы смерть была чем-то вроде сюжетного поворота. Логично проистекала из каких-то событий и становилась причиной других. Была воздаянием за грехи или принесением себя в жертву.

Иногда ты просто дохнешь, и это происходит совершенно напрасно.

Аминь.

Я откинул в сторону прядь волос с левой стороны головы (и когда только успел отрастить такие патлы?), надавил ногтем на микроскопическую крышечку и, когда она отъехала в сторону, торопливо вставил чип, опасаясь, что кто-то заметит мои манипуляции и доложит Моргану. Драйвер для устройства установился сам - я увидел лишь всплывшее перед глазами уведомление об успешном завершении операции.

Наш великий лидер развил кипучую деятельность и перебрасывал людей на другие точки: я слышал его резкие обрывистые команды.

- Эйдер! Ко мне! - крикнул он, вырвав меня из глубокой задумчивости. Мне никак не удавалось придумать, что делать дальше. Несмотря на то, что теперь я мог убить Рутланда, ситуация не стала менее тупиковой. Я по-прежнему заперт в здании, окружённом копами, которые не допустят ещё одной ошибки.

- Да, сэр, - на автомате ответил я, подхватывая пулемёт и, бросив прощальный взгляд на Глазастика, потрусил к основной группе, что держала центр и понесла максимальные потери от огня железяк-полицейских. Похоже, босс определил меня в смертники, но я с этим был категорически не согласен и теперь мог в полной мере это несогласие выразить.

Впрочем, с несогласием можно было и повременить. Я был уверен, что у этого сукина сына определённо есть план. Не может не быть. С первого взгляда, затея с обороной этой развалюхи до последнего патрона выглядела сумасшествием. Это понимали все. Но в то, что Рутланд - псих, лично я уже не верил.

Во всех его действиях была своя безукоризненная логика.

Например, момент, когда он поднялся в атаку на кинжальный огонь охранников «Диджитал Динамикс», в свете новых возможностей Рутланда вовсе не выглядел глупостью. Моргану было наплевать на пули, и он воспользовался этим преимуществом для того, чтобы поднять нас на прорыв.

Так что, скорее всего, у этого хитрого подонка был туз в рукаве, и не один.

Оглушающий хлопок за моей спиной и волна раскалённого воздуха, сбивающая с ног.

Взрывом меня опрокинуло на живот. Я рухнул лицом прямо на пулемёт, как следует приложившись об него зубами. Во рту тут же появился отвратительный железно-солёный привкус.

- Техника! - заорал Морган. Я лежал на полу широкого коридора, где совсем недавно разыгралось кровавое представление с участием Рутланда и шайки отморозков. Их тела всё ещё валялись неубранные, под ними натекли кровавые лужи.

Рядом с оконными проёмами, укрываясь за стенами, стояли последние члены Организации. Напуганные, раненые, бледные, перемазанные в кирпичной пыли и крови. Трассирующие пули, влетавшие в окна, не давали им даже высунуться для ответного выстрела - настолько плотным был огонь с улицы.

Вновь громыхнуло - в районе первого этажа. Наверное, копы готовили себе проходы в здание. Я поднялся, но тут же снова споткнулся, рухнул на пол, усыпанный щебнем, и, неуклюже перекатившись из-за громоздкой сапёрной брони, уселся под окном, притянув пулемёт к груди и дрожа от страха. Спиной я чувствовал, как в стену бьют тяжёлые пули: ощущение, вовсе не добавляющее спокойствия и уверенности в себе.

Рутланд возник рядом со мной - разъярённый, с перекошенным лицом. Он метался между огневых точек, не страшась летящего с улицы обеднённого урана, брал за шкирку своих струсивших бойцов и рывком швырял из уютных укрытий

на подоконник – прямо под пули.

- Огонь! Огонь, уроды!!! – вопил он, перекрывая грохот выстрелов.

Многие из числа тех, кого он таким образом мотивировал сражаться, тут же получали пулю в голову. Бойцы падали навзничь и, несмотря на каски и бронежилеты, больше не поднимались.

Мне не удалось отсидеться в стороне. Морган схватил меня за грудки и лёгким движением поставил на ноги, рявкнув прямо в ухо:

- Стреляй! По центру! Давай! – он хлопнул меня по плечу и, развернув, бросил грудью на подоконник. В шлем тут же прилетела пуля, едва не сломавшая мне шею. Запаниковав, я снова откинулся назад, но Рут не дал этого сделать: толкнул обратно и понёсся дальше по коридору, организовывая оборону и подбадривая оробевших.

Сжавшись за пулемётом как можно сильнее, я стрелял, склонив голову, не глядя на то, куда летят мои пули. Видел перед собой только изуродованный пластиковый подоконник и кирпичи. Посмотреть наружу не было сил. Слишком уж боялся увидеть железяки из ночных кошмаров.

Я даже не успел заметить, как включилась боевая программа. Пулемёт дрожал в руках и плевался огнём. Запах пороха щекотал ноздри. Выстрелов с нашей стороны стало значительно больше – подход Рутланда по организации обороны оказался действенным.

Я перевёл взгляд на улицу, уговаривая себя не думать о том, что увижу.

В «бутылочное горлышко» вползало нечто, сильно напоминавшее танк. Я никогда не видел подобных машин: колёсно-гусеничная платформа, низкий угловатый силуэт, серо-чёрная броня, изменяющая цвет, подстраиваясь под окружающий ландшафт, изогнутая под интересными углами. И орудие – длинный ствол, который, похоже, не нуждался в башне и заряжался через массивный чёрный «рукав». Калибр пушки явно не впечатлял, но что-то мне подсказывало, что его будет вполне достаточно для того, чтобы сравнять с землёй нашу халупу.

Рядом с танком вальсировали – по-другому и не скажешь - тонкие тёмно-серые фигуры с потёртыми смайликами на стальных лицах. Они прикрывали громоздкую машину и быстро продвигались к дому. Чётко, быстро, безошибочно, прижимая нас огнём и перемещаясь короткими перебежками.

Я резанул длинной очередью по полицейским, которые ближе всего подобрались к нашему зданию. Трассера полоснули по серым телам, разрывая их на части – какими бы ни были

крепкими хвалёные новокопы, пулемёт есть пулемёт.

Я кричал, поливая огнём ненавистные железки: от страха, от ярости и ещё бог знает из-за каких эмоций, полностью потеряв себя в этой бойне, растворившись в ней до самого конца. Огонь! Огонь! Пуля за пулей. Можно даже не смотреть в прицел – трассирующая очередь и без того прекрасно видна, так что можно целиться, как говорил мой инструктор в полицейской академии, «по струе».

Остальные бойцы тоже не давали новокопам спуску – «бутылочное горлышко» стало настоящим кладбищем металла, однако сзади напирали другие машины. Пусть они стреляли не так метко - короткоствольное оружие, предназначенное для схваток на короткой дистанции, по определению не могло быть особенно точным, но плотность огня делала своё чёрное дело. Мы несли потери и, в отличие от полицейских, восполнить их уже не могли.

Из орудия танка вырвалось мутное облако газа. Я едва успел заметить вылетевшую из ствола неуправляемую ракету, как тут же раздался мощный взрыв где-то слева. Меня снова сбило с ног и обдало раскалённым воздухом.

С незабываемым звуком крошащегося камня и рвущейся арматуры обрушилось всё левое крыло нашего здания. Комнаты, в которой осталось тело Глазастика, больше не было. Солидный кусок коридора, в котором я находился, просто осел вниз. В десятке метров от меня начиналась улица – остатки снесённого здания и фундамент кондоминиума, к которому мы прилепились. В лицо ударил первый порыв холодного ветра с редкими снежинками. Из разорванных водопроводных труб на пол нашего коридора хлынул поток ледяной воды.

- Противотанковая! – заорал Рутланд по рации. - Не спать! Давай!

Я увидел, как Морган подскочил к одному из бойцов и швырнул его в сторону ящиков со снаряжением, беспощадно нами разграбленных. Рутланд тут же оказался рядом и, после недолгих поисков, толкнул ногой в сторону «добровольца» увесистый на вид тёмно-зелёный ящик. Наверняка, я не смог бы его так легко подвинуть, но Руту это не доставило особых проблем, а сам он, проконтролировав бойца, тут же испарился, матерясь на все лады в командирском канале.

Я видел, как выбранный Рутландом боец достаёт из ящика старую противотанковую ракетную установку. Да-да, тоже полицейскую, поскольку одно время в трущобах Нейро-Сити действовал очень изобретательный наркокартель, клепавший самодельные танки на основе бульдозеров, грузовиков и прочей

тяжёлой техники. Полиция вела с ними настоящую войну, которая, разумеется, была выиграна, после чего неиспользованные игрушки отправились на бессрочное хранение на склады Департамента Полиции. Впрочем, чему я удивляюсь? Рутланд ухитрился выкрасть вертолёт и кучу нового оружия, что уж говорить о каких-то древних ракетных установках…

Я не стал подниматься с пола: снова дал о себе знать страх. Пули били в стену напротив моего окна с завидной регулярностью, и, если уж мне сегодня повезло один раз выжить после попадания в голову, то второго шанса судьба мне точно не даст.

«Доброволец», пригибаясь под тяжестью огромной тёмно-зелёной трубы с массивной чёрной системой наведения, подбежал к окну и, прицелившись за долю секунды, выстрелил. Поток чёрного дыма вырвался с другой стороны его ракетного комплекса, а сам стрелок, тут же бросив ставшую ненужной трубу, уже согнулся для того, чтобы броситься на землю, но не успел.

На улице что-то громко ахнуло, стены озарила оранжевая вспышка, а стрелку прямо в голову прилетела запоздавшая очередь, разбрызгавшая голову неудачливого борца с танками по полу и части стены напротив.

«Хорошо, что он успел выстрелить до того, как его пришили, - цинично подумал я. - Иначе ракета улетела бы чёрт знает куда, возможно, что и ему под ноги».

Я почувствовал, как к моим лодыжкам прикоснулось что-то холодное, и, оглянувшись, увидел, что валяюсь в луже ледяной воды, которую извергала развороченная труба. Рутланд уже не бегал между последними защитниками: я видел, как он забрал пулемёт из чьих-то мёртвых рук и стрелял, стрелял, стрелял, пока ствол не раскалился докрасна.

Оскалившийся, яростный, окровавленный, то и дело получавший попадания, но всё ещё стоявший на ногах, он был по-настоящему страшен.

«Вот он – момент», - подумал я и тут же, перекатившись и то и дело оглядываясь на Рутланда, короткими перебежками, опасаясь окон, направился в сторону рухнувшего крыла. Наплевать, на всё наплевать. Добраться до улицы, спрятаться в руинах, а там посмотрим. Главное – выжить. Даже если у Рутланда и был план, то до его осуществления ещё надо было дожить, а моя тушка не была настолько крепкой.

Я уже добрался до края, за которым начиналась пустота, и взглянул вниз, прикидывая, как мне спускаться, но вдруг заметил что-то серебристое, присыпанное бетонной крошкой и осколками

камня. Оно лежало там, между сломанными панелями, битым кирпичом, щебнем и арматурой.

Прекрасное серебристое лицо, совершенное тело – шедевр инженерной мысли… Однако теперь всё это было изломанным и покорёженным. Глаза больше не светились, а из расколотого черепа вывалились пучки обгоревших проводов и куски плат.

Да, это был Азимов. Рядом с ним валялась изогнутая в бараний рог снайперская винтовка. Видно, когда танк обстреливал левое крыло, ему не повезло оказаться рядом со взрывом.

Мне было искренне жаль эту железяку, даже больше, чем по-настоящему живого Глазастика, но времени на оказание последних почестей, к сожалению, не было. Быстрый взгляд и мысль вроде: «Покойся с миром» - всё, что я мог для него сделать.

Отношение к Азимову вообще было двояким. Если бы не он, я бы погиб после того, как меня подстрелили новокопы, и, в то же время, именно он отвёл меня сюда, как быка на заклание.

К чёрту. К чёрту все мысли до тех пор, пока не закончится бой и я не обнаружу, что мне каким-то невероятным чудом удалось уцелеть. Я уже морально приготовился спрыгнуть вниз, когда за моей спиной раздался ещё один взрыв.

- Дерьмо-о-о!!! – закричал я, когда взрывная волна обдала меня жаром и вышвырнула из здания. Меня изо всех сил шарахнуло о битый кирпич, по всему телу забарабанили куски камня, летевшие следом. Снова тот самый звук: я в ужасе обернулся, но только для того, чтобы увидеть, как на меня рушится центральное крыло.

Крик не помог, выставленные вперёд руки – тоже.

Реально выручило только забрало шлема, благодаря которому моё лицо осталось цело, и броня, смягчившая удар больно попадавших по телу обломков кирпича и арматуры. А вот конечностям повезло намного меньше – в ближайшем будущем из них могли бы получиться прекрасные отбивные. Я находился в чём-то вроде небольшого «кармана» - узкого углубления между двумя крупными кусками железобетона. Действуя исключительно на инстинктах и стремясь спасти хоть что-нибудь, я вжался в получившуюся траншею так, будто желал слиться с обломками.

Левую руку до локтя пронзила острая боль, которую тут же заглушила боевая программа. Я вскрикнул бы, если бы всё моё тело сейчас не получало порцию мощных тупых ударов.

В качестве финального аккорда меня окатило струёй ледяной воды.

Какое-то время я лежал, пытаясь прийти в себя и не захлебнуться. Выстрелы сместились в сторону здания – наверное,

полицейские уже вплотную к нему подошли и готовились войти. Для Рутланда и Организации всё было кончено. Ещё пара минут – и конец.

Разумеется, если у Моргана не было плана, как предполагал я изначально.

С левой рукой можно было попрощаться – её придавило рухнувшей бетонной плитой, остальные конечности, несмотря на общую потрёпанность, функционировали более-менее нормально. От холодной воды я начал замерзать, по телу пробегала дрожь. Разум затуманился, мозг отказывался соображать.

Найдя щель между плитами, я выглянул наружу.

Точно как я и предполагал. Ещё один танк протаранил своего сгоревшего собрата и миновал «горлышко». Запереть полицейских не получилось – они бежали волна за волной, стреляя в сторону здания. Ещё один взрыв, плита, лежавшая надо мной, вздрогнула.

Новокопы вышли из моего поля зрения, танк остановился. Судя по звуку, бой кипел уже в оставшейся части здания, и он обещал быть недолгим. Это уже было не полноценное боестолкновение, а зачистка. Более-менее серьёзное сопротивление полиции мог оказать только Рутланд. Если он ещё был жив, разумеется.

Поток воды, льющийся на меня, закончился: то ли взрыв постарался, то ли просто больше не было воды в трубах, но дрожь не прекратилась. На этот раз её причиной была паника и отчаяние. В первые минуты после того, как меня зажало, я был занят более важными вещами – попытками прийти в себя, например. Сейчас же я полностью осознал своё положение. Безо всяких прикрас.

Я лежал, застрявший между плитами и облитый ледяной водой. Очень скоро новокопы начнут зачистку, и тогда меня обнаружат. Сопротивляться я не смогу. Чёрт побери, да я ничего не смогу, даже застрелиться. Пулемёт лежит рядом, но что с него толку, когда мои движения скованы? К тому же, даже если бы я и смог его взять, стрелять с одной руки из этой здоровой дуры – та ещё задачка. Явно не для избитого, замёрзшего и еле живого старого неудачника.

Ко всему прочему ещё и клаустрофобия обострилась: внезапно начало казаться, словно плита придавила меня ещё сильнее. Очень захотелось пошевелиться хоть как-нибудь, лёгкие сводило от недостатка воздуха, хотя я вполне мог дышать полной грудью. На меня будто нашло помутнение. Я понимал, что ни в коем случае нельзя шевелиться и привлекать к себе внимание, но, тем не менее, как мне казалось, шуршал на весь квартал, заглушая рычание танкового двигателя, и испытывал огромное

желание закричать. Пусть придут копы, пусть они меня пристрелят, лишь бы не оставляли умирать тут от потери крови или переохлаждения. Интересно, что доконает меня быстрее?..

Лишь титаническое усилие воли помогло мне взять себя в руки. Серьёзно, почти всё полицейские-люди умели превозмогать: могли работать сутками без сна и еды, могли, если нужно, совершить невозможное, но все эти случаи меркли и бледнели в сравнении с тем, что только что сотворил я.

Спокойно. Я закрыл глаза и задышал ровно, чувствуя, как ноздри щекочет пыль. Полцарства за возможность почесать нос… Я молчу. Меня здесь нет. Железяки, проходите мимо, тут ничего нет. Совсем ничего.

Я ничего не вижу и не слышу. Не слышу того, что выстрелы уже прекратились. И особенно не слышу лязгающих металлических шагов. Шкрябающий звук стали по бетону никак не достигает моих ушей. Я просто кусок камня. Нет, даже не так, я пустота. Вакуум между обломков. И того, кто шагает ко мне, царапая битый кирпич и бетон железными ступнями, пустота не волнует.

Меня здесь нет… Меня здесь нет…

И у новокопов нет всяких хитрых датчиков. Нет ночного и тепловидения.

Они слепы и глухи.

А я – просто пустота.

Господи, помоги мне.

Кто-то спрыгнул сверху: я почувствовал, как земля вздрогнула оттого, что на неё рухнуло тяжёлое тело.

- Привет, железяка, – я вздрогнул, услышав этот голос.

Рутланд. Я не мог его видеть, поскольку был полностью засыпан строительным мусором, но он совершенно точно был где-то рядом. Разумеется, не стоял прямо на мне, но...

- Доброй ночи. Всё готово?

Так, наверное, мог бы говорить металлообрабатывающий станок. То ли создатели новокопов сэкономили на синтезаторах речи, то ли специально постарались сделать голоса своих творений как можно более устрашающими. Если второе, то у них получилось – слова, состоявшие полностью из лязга, скрежета, скрипа и стука, чертовски пугали. Хотя, кажется, я упустил главное. Говорящий новокоп – это явно что-то новое. Ни разу не слышал от этих металлических болванов никаких звуков, кроме тех, что они производили во время движения или стрельбы.

Я застыл, стараясь производить как можно меньше шума, даже дышать перестал и глазами не двигал. Липкий страх снова завязывал кишки в моём животе узлами.

- Конечно, готово, – раздражённо ответил Рутланд. - Иначе я бы здесь не стоял.

- Я хотел бы быть уверен в этом.

Мне показалось, или в «голосе» полицейского присутствовало нетерпение?

- Да-да. Сейчас, – где-то рядом я услышал хорошо различимый звук электрического разряда. Как раз с той стороны, где, по моим прикидкам, лежало тело Азимова. Наверное, это сработал его чип.

- Вот теперь точно всё.

- Отлично! – лязгнул новокоп. Его металлические ступни проскребли по бетону. Наверное, он поворачивался, осматриваясь. - Ну что ж, тогда прими мои поздравления. С вами было приятно работать, детектив. Вы точно не хотите остаться?

- Не-ет уж, – протянул Рутланд. - Спасибо. Я устал кошмарить ваших конкурентов и посылать на пулемёты всякое отродье. Контракт выполнен, и я хочу к тёплому морю, подальше от этой помойки.

- Что ж, понимаю, – в глотке новокопа что-то скрипело и стонало. - Тогда можете быть свободны. Гонорар уже на счёте.

- Да, я в курсе. Спасибо.

- Тогда всего доброго, детектив. Было приятно с вами работать, – безразличные интонации говорили о другом.

Рутланд засмеялся.

- Что-то не так?

- Нет, сэр. Просто я когда-то смотрел несколько старых фильмов, и по законам жанра вы должны в меня сейчас выстрелить или что-то вроде того.

- Полагаю, это было бы бесполезно, – тот, кто говорил от лица новокопа (а я был уверен, что говорит не сам полицейский, а один из «кукловодов» в Нейрокорп), оценил шутку.

- Думаю, да, – судя по голосу, Рутланд улыбнулся. - Наверное, пожимать руку смысла нет. Прощайте.

- Всего доброго, детектив. Карибы ждут.

23.

Несколько кошмарных часов я провёл, лежа без движения и слушая, как «похоронная команда» новокопов прочёсывает руины. Они собирали тела и бросали в огромный оранжевый мусоровоз. Не знаю, что подействовало – ледяная вода или молитвы, но меня не обнаружили. Кровотечение также остановилось - в который раз меня выручали полицейский имплантаты. Сколько раз они уже спасали мне жизнь? Со скуки я пытался сосчитать, припоминая все случаи, когда в меня стреляли, сбивали машиной, сбрасывали

с высоты, но очень быстро сбился. Цифра получалась внушительная. Работа в полиции никогда не была лёгкой.

Рутланд.

Сукин же ты сын.

У тебя всё-таки был план – в этом я оказался совершенно прав, но никак не мог подумать, что план до гениального прост – взять и слить всю Организацию в одном безнадёжном бою. Разыграть кровавый спектакль, который потом можно будет показать общественности, как долгожданную победу над террористом. Противники Нейрокорп в ужасе, простые люди, наконец-то, могут вздохнуть свободно. Ещё бы – больше никто не заложит бомбу в урне рядом с их супермаркетом.

Боже, какой же я дурак!.. Надо было насторожиться ещё тогда, когда Рутланд приказал громить здание «Диджитал Динамикс».

Тело вконец окоченело, я забросил любые попытки пошевелиться, дабы не привлекать внимание новокопов. Если они пометили мою груду обломков, как обследованную и не представляющую угрозы, – тем лучше, я не видел ни единой причины менять их мнение. Зато я чувствовал, как машины ходят туда-сюда. Ощущал любые вибрации, даже самые незначительные, каждый раз замирая от ужаса и задерживая дыхание, когда какая-нибудь из этих адских игрушек приближалась.

Наконец, трупы были погружены. Мусоровоз тронулся с места, подбитый танк затянули в трейлер и увезли, новокопы, выстроившись в колонну, покинули поле боя и, судя по недалёкому свисту вертолётных винтов, улетели прочь.

Самое время для небольшой разминки. Я начал поочерёдно напрягать мышцы, пытаясь хотя бы таким нехитрым способом разогнать кровь.

Левое бедро.

Правое бедро.

Правая рука.

Правый кулак.

Половина левой руки.

Снова и снова я повторял эти нехитрые действия. Тело плохо слушалось, а первые несколько раз вообще не реагировало, заставив меня изрядно понервничать, но со временем я начал чувствовать мышцы и даже немного согрелся. Конечности скрутило судорогой от того, что кровь вновь по ним побежала, но и с этим я справился. Стиснув зубы повторял снова и снова.

Левое бедро.

Правое бедро.

Правая рука.

Правый кулак.

Половина левой руки.

Я думал над тем, что произошло, и пытался строить планы. Нейрокорп отлично поработали, тут уж сказать нечего. Подставная организация, в которой одни противники Компании будут грызть других – это в духе Совета Директоров. Просто и изящно. Одно из тех самых шедевральных решений, что вывели Нейрокорп в лидеры. Прекрасная программа реабилитации асоциальных элементов.

Отлично, разминка завершена. Я мог шевелить конечностями, не опасаясь судорог, и это было просто прекрасно. Надеюсь, упражнялся я не напрасно и смогу приподнять плиту, которой меня придавило.

Такие вещи было бы лучше делать при помощи двух рук, но выбора у меня не было. Я пытался хоть как-то высвободить левый локоть, но получалось плохо – в отличие от плиты, лежавшей сверху, что хоть как-то поддавалась, кусок бетона, раздавивший мою конечность, был недвижим как скала.

Я видел только один вариант. Омерзительный, бесчеловечный, но всё же дарующий освобождение.

Кажется, крысы отгрызают себе лапу, когда попадают в ловушку?.. Значит, я окончательно стал крысой. Слишком уж долго бегал под землёй.

Какое-то время ушло на то, чтобы вытащить правую руку из кирпичного плена. Я ухватился за левое предплечье и прикусил губу, готовясь к неизбежному. По лбу снова заструился пот, я знал, что мне предстоит, но никак не мог решиться.

Да, я мог отключать болевые ощущения либо выборочно, в конечностях, либо полностью во всём теле, но сейчас мне предстояло разорвать нерв – и над ним хитрая полицейская электроника была не властна.

«Ничего, старина, - пытался я себя успокоить, - скоро всё кончится. Немножко больно, но это же не в первый раз. Не будь девчонкой!»

Хорошо… Не буду. На счет три. Согласен? Вполне. Раз… Два… Нет, чёрт!

Я отпустил руку.

«Давай, слабак!» - прикрикнул мой внутренний Эйдер.

Повторяем! На три!

Я снова положил ладонь на обрубок левой руки, закрыл глаза, отвернулся и приготовился считать. На этот раз чётко и уверенно. Боли не будет. Боли не будет. Боли не будет.

Раз. Два. ТРИ!!!

Я дёрнул изо всех сил - и тут же пришла боль. Нет, БОЛЬ. Словно ядерная бомба взорвалась у меня в районе локтя. Сознание затопил огромный белый шар страдания – абсолютного, всепоглощающего, невозможного.

Меня согнуло в дугу, изо рта рвался наружу крик, но я сдержал его с помощью колоссального усилия воли и обломка кирпича, в который вцепился зубами.

Протезы были очень хорошими – в своё время я потратил на них кучу денег, но они не были предназначены для разгрызания камней и потому крошились и ломались, но мне было всё равно – эта боль не шла ни в какое сравнение с той, что жгла руку.

Наконец, я пришёл в себя. Неприятные ощущения притупились, и можно было выбираться из этой могилы. После недолгих усилий плита, накрывшая меня, поддалась, и я вылез наружу, обдирая колени, локти и пальцы на уцелевшей руке. Панели обрушились, но между ними было достаточно пустот. Я находился в чём-то вроде карточного домика – только наполненного изогнутой арматурой, бетоном и битым облицовочным кирпичом. Пулемёт я взял с собой: он должен был стать моим билетом на свободу.

На улице было совершенно темно - какой-никакой свет пробивался только с верхних уровней, но его было недостаточно для того, чтобы осветить поле прошедшей битвы.

Люк. Мне нужен был люк. От любой разновидности канализации: сточной, ливневой, трубопроводной, телекоммуникационной – плевать. Лишь бы убраться подальше от поверхности, снова ощутить знакомую тесноту стен, согреться в клубах горячего пара и уползти подальше.

Я вылез из обломков, постоянно озираясь, боясь услышать знакомое жужжание сервомоторов и увидеть смайлик на стальном лице. Только не сейчас. Не после того, что я пережил.

Люк нашёлся совсем рядом. Я играючи отбросил его в сторону и спустился вниз, волоча за собой пулемёт, который постоянно обо что-то цеплялся и бился.

В тот момент я не чувствовал ничего, кроме огромного облегчения и восторга, от которого хотелось визжать. Я был жив! Боже мой, несмотря на всё, что произошло, Я. БЫЛ. ЖИВ. Крыса возвращалась домой.

Уже в тоннеле я снял и выбросил покорёженную каску. Броню после недолгих колебаний было решено оставить. Там, куда я направлялся, защиты много не было. Я уверенно, но в то же время осторожно направился вперёд по туннелю. Жив! Я жив!

Непередаваемое чувство, не омрачённое даже тем, что я лишился руки.

Дорогу я хорошо запомнил ещё тогда, когда Азимов тащил меня на смерть. Теперь всё нужно было повторить в обратном порядке. Конечно, на том рынке я рисковал нарваться на врачей, запуганных андроидом, и их новых охранников, но искать ещё один подобный подземный базар – простите, нет. Поиски могли затянуться навечно.

Спустя некоторое время я выбрался из туннеля и потопал к рынку, по пути подобрав какую-то вонючую тряпку и завернув в неё пулемёт, дабы не привлекать лишнего внимания. Однако всем было плевать на меня – тут и без того было полно грязных бродяг, и я спокойно шёл сквозь толпу. То, что на мне был надет бронежилет, ничего не меняло: все взгляды проходивших мимо людей были безразличными и не задерживались дольше, чем на полсекунды.

Магазин с корявой неоновой вывеской «Оружие» располагался в здании бывшего продуктового супермаркета. Возле него, освещаемые мигающим фиолетовым светом, дежурили трое шкафоподобных ребят. У двух из них искусственные руки были мало того, что не скрыты под кожей, но ещё и покрыты хромом – мода такая сейчас что ли?

- Куда? – преградил мне путь один из громил, остальные двое обошли меня по бокам. На их фоне я смотрелся совсем невыгодно, но, тем не менее, пошёл напролом. Время сейчас было самым бесценным ресурсом, и я не собирался тратить его на каких-то дуболомов.

- У меня шикарное предложение для твоего босса. И я не сдаю товар шестёркам. Пропусти.

- Какое у тебя, - громила презрительно выделил последнее слово, - может быть предложение? Давай ствол и вали отсюда. А не то… - он потянул руку к моему свёртку, но тут же взвыл от боли.

Я не хотел его убивать, но руку всё-таки сломал. Остальных вывел из строя в течение одной секунды, громилы даже подумать ничего не успели, как уже валялись на земле, скуля и угрожая. Я подобрал свёрток с пулемётом, взял его под мышку и вошёл в здание.

Внутри было темно, освещение почти не работало, но когда глаза привыкли, стало прекрасно видно, что тут повсюду стоят стеллажи, на которых вместо еды навалено различное оружие. Одного такого арсенала хватило бы для того, чтоб организовать переворот в какой-нибудь африканской стране.

Неведомый хозяин разместил пистолеты в отделе бытовой химии, автоматы – в кондитерском, а гранаты и прочие взрывные штучки валялись в ящиках под табличкой «свежие фрукты».

В магазине тоже стояли несколько охранников, державших наперевес старые автоматы.

- Ты кто, мать твою, такой? – спросил один из них, выступая вперёд.

Я слово в слово повторил то, что говорил ребятам на улице, и добавил:

- Я не хочу причинять никому вреда.

Громила ухмыльнулся, его дружки тоже.

- А ты можешь?

- Чёрт! – не выдержал я. - Я сюда не членами меряться пришёл! Времени нет, и если ты не позовёшь босса, то я просто пойду в другой магазин, и там мой ствол с руками оторвут.

Не знаю, что именно подействовало на этих имбецилов – может, моя уверенность в себе, а может, вид свёртка, но к боссу они меня всё-таки проводили.

Магазином рулил огромный мужик, покрытый татуировками. У него не было левого глаза, который заменял здоровенный имплантат. На левом плече я рассмотрел интересную татуировку – скалящегося тигра и кинжал. Тату была красивая, разноцветная, детальная. Такие любили делать наёмники, побывавшие на заработках в Африке.

- Что у тебя? – пробасил он, глядя на меня сверху вниз.

Я приоткрыл тряпку.

Единственный глаз хозяина полез на лоб.

- Выйдите. Все, – сказал он своим громилам, и те быстро покинули тесный и тёмный кабинет, заставленный старой мебелью и патронными ящиками. - Откуда у тебя это?

- А тебе не всё равно? Берёшь или нет?

- Я не хочу, чтобы меня отправили лет на пятьдесят в виртуалку.

- И как тебе поможет знание того, откуда я взял этот ствол? – фыркнул я. - Это же не архаика, а новодел, за него гарантированная тюрьма. И плевать, где ствол был засвечен.

- Ты коп? – громила угрожающе навис надо мной.

- Господи, да какая тебе нахрен разница? – я закатил глаза. Этот шкаф меня нисколько не пугал. - Я же не заставляю тебя пересказать всю родословную, мне просто нужно продать этот грёбаный пулемёт. Время дорого, приятель. Бери или я пойду.

- Не так быстро, – набычился хозяин и, задумавшись на пару мгновений, спросил: - Сколько?

- Миллион.

- Что-о? – притворно удивился татуированный амбал. - Слишком много.

- А ты иди, поброди по рынку, поищи дешевле, – я заранее

настроился на торг, поэтому специально завысил цену. Миллион – это было слишком много, даже в обесценившихся старых деньгах.

- Триста.

- Семьсот.

- Я сказал «триста», и я не торгуюсь, – наёмник сделал вид, что непреклонен, но я не собирался ему верить.

- Не трать моё время. Мы же оба знаем, что ты его продашь минимум за два миллиона. Так что нечего ломать комедию. Семьсот.

- Пятьсот, – назвал хозяин новую цифру.

- Шестьсот и какой-нибудь пистолет. Но учти, ты - долбаный грабитель. И да, давай обойдёмся без глупостей. Половина мне нужна прямо сейчас наличными, а половину перебрось на счёт. И не шали. Пулемёт останется у меня в руках до тех пор, пока я не получу все деньги и не выйду отсюда живым.

- Расслабься. Я веду бизнес честно, – ухмыльнулся хозяин, но доверия к нему это не прибавило.

- Вот и хорошо. Не порть собственную репутацию.

Через час я уже вышел из магазина с небольшим кейсом, заполненным потрёпанными купюрами, и старым «Кольтом», раскрашенным в цвет песка, – наверное, раритет времён какой-нибудь «Бури в пустыне».

С хозяином оружейного супермаркета мы распрощались едва ли не лучшими друзьями. Я был уверен в том, что он слышал про случившийся неподалёку бой и понял, что с парнем, прошедшим через такой ад, лучше быть честным.

Я собирался выполнить все пункты моего нехитрого плана, не выходя с рынка, и мне это удалось. Пару раз, правда, я замечал парней, хищно глядевших на мой чемоданчик, но они не лезли на рожон, предпочитая крутиться вокруг и присматриваться.

К вечеру я был абсолютно другим человеком. Правда, дьявольски уставшим.

Новая одежда прекрасно сидела. Я избавился от бронежилета и тряпок, купленных мне Азимовым и безнадёжно испорченных во время боя, поменяв их на добротное чёрное пальто, брюки и свитер. Наконец-то я не мёрз.

Новые документы были выполнены по самому высокому классу – не подкопаться. Что ни говори, а прорабатывать личности эти ребята умели. Теперь меня звали Геспер Редман. Дурацкое имя, но ничего, сойдёт. В конце концов, моё старое было ничуть не лучше.

Новая левая рука побаливала, отходя от наркоза. Я разрабатывал кисть, ещё не откалиброванную как следует. Мне

подлатали и старые нервные узлы, повреждённые новокопами, причём операцию проводили те же врачи, что и вчера. Деньги способны наладить любые отношения, даже безнадёжно испорченные. Тело вновь ощущалось как надо, я шёл по полутёмному рынку, заполненному народом, и душа моя пела.

Однако расслабляться не стоило.

Из города нужно было бежать, притом как можно скорее. Рано или поздно (учитывая моё феноменальное везение, скорей, рано) слухи о том, что кто-то выжил в Той-Самой-Бойне, дойдут до полиции, и меня из-под земли достанут. В самом буквальном смысле. Не то чтобы я так уж уверовал в собственную важность – просто чересчур уж много знал и видел для того, чтоб оставлять меня в живых. Лично я на месте неведомых кураторов Рутланда приложил бы все усилия для того, чтобы меня найти и стереть в порошок, а значит, нужно бежать. Чем дальше – тем лучше.

Для начала – куда-нибудь в Европу, а там – как пойдёт. Я вспомнил хозяина магазина. Да, беглецу вроде меня прекрасно подошла бы Африка. Какой-нибудь глухой край, где до самого зачуханного офиса Нейрокорп надо ехать неделю по раскалённой саванне. Да, там то и дело вспыхивали войны и эпидемии всякой гадости, но даже это сейчас казалось мне меньшим из зол в сравнении с попаданием в лапы Нейрокорп.

Я выбрался на поверхность через канализационный люк, даже почти не испачкавшись.

Постоял в небольшой толпе людей на светофоре. Бросил пару баксов в чехол музыканту, меланхолично игравшему «Strangers in the night» на старом ободранном саксофоне. Добрался до ближайшей станции монорельса. Пополнил счёт проездного билета.

Все эти действия, до невозможности простые и повседневные, теперь были в новинку – настолько я отвык от нормальной жизни. С неба падал снег вперемешку с дождём, изредка задувал холодный порывистый ветер. Крыши домов терялись в низких серых облаках. Я смотрел вверх: на здания, эстакады, подсвеченные неоном мосты, коммуникации и транспортные развязки, таявшие в серой мгле, и на моё лицо, закутанное шарфом, падали снежинки, приятно охлаждавшие кожу.

Нейро-Сити жил своей жизнью, такой же, как и всегда: серый, холодный, суетливый, монструозно-величественный, как какое-нибудь киношное чудовище. Толпы людей, вечно куда-то спешащих, движущихся в одном и том же ритме даже ночью. Отсветы от неоновых и голографических реклам в лужах. Вязкая серо-коричневая каша под ногами. Пар от изношенных труб и запахи китайской еды. Падающие за шиворот холодные капли.

Всё это было хорошо знакомо, но сейчас я чувствовал себя туристом и пытался снова подстроиться под Нейро-Сити, поймать его ритм.

Привычная давка в вагоне монорельса. Какая-то истеричная женщина, одетая и накрашенная слишком ярко даже для клоуна, отдавила мне обе ноги и назвала хамом. Всё как всегда. Это нормально. Я смотрел в её пустые глаза и не видел ничего, кроме суеты, усталости, ненависти к этому городу и вплотную подобравшегося сумасшествия.

Первое время я косился на миниатюрные полицейские камеры, висевшие буквально на каждом углу, но потом просто наплевал на всё и шёл, ни о чём не задумываясь и создавая максимальную видимость того, что тороплюсь куда-то по Очень Важному Делу.

В Нейро-Сити было множество аэропортов.

Они располагались на окраинах и имели свои отдельные транспортные связи с центром. Например, было выстроено несколько линий монорельса-экспресса и дорог-эстакад. Всё для того, чтобы толстосумы, не дай бог, не оскорбились видом замусоренных трущоб и не вляпались в переделку по пути на отдых.

Я сошёл с обычной пассажирской станции и, пешком пройдя по стеклянной трубе-переходу, висевшей в доброй паре сотен метров над землёй, добрался до остановки монорельса-экспресса.

Там было очень людно. На идеально чистой платформе толпился народ с огромными чемоданами на колёсиках и нетерпением на лицах. Много маленьких детей, несмотря на возраст, уже обзаведшихся дорогими моделями бустеров. Они стояли неестественно смирно, почти не шевелились и смотрели в пространство пустым взглядом – наверняка во что-то играли. Высокий выпуклый стеклянный потолок был усыпан мокрым снегом, что копился на нём и медленно сползал вниз большими плотными комьями.

Я оглядывался вокруг и не верил своим глазам. Какой-то совершенно другой мир – кристально чистый, успешный, изящный, солидный. Я настолько притерпелся жить в дерьме, что успел к нему привыкнуть и стал воспринимать как норму.

Состав плавно подкатил к платформе – новенький, без граффити, битых стёкол и изрезанных сидений. Люди не бросались в вагон, ругаясь и толкая в спины впереди идущих, наоборот, проходили спокойно и без суеты, рассаживались по местам, которых – вот чудо – хватило на всех. Не стояли над душой инвалиды, старики и беременные женщины. Не бродили по вагонам попрошайки с одинаковыми во все времена

легендами.

Поезд тронулся и покатил по эстакаде, похожей на мост из какой-нибудь волшебной сказки. Длинный-предлинный, вздымавшийся над городом изящной дугой.

Я смотрел в окно на то, что происходит внизу. Там, в глубине, кипела жизнь. По переплетениям дорог мчались машины, сновали люди, занятые своими самыми важными в мире проблемами. Работали, играли, спали, сидели в Сети, ели, пили, совокуплялись, продавали и покупали… Такие уверенные в собственном величии и такие микроскопические, если смотреть отсюда.

«Я пребываю в постоянной депрессии из-за того, что вижу этот мир таким, каков он есть на самом деле» - вспомнил я слова Азимова, уже, наверное, отправленного в переплавку. Скоро его уникальные мозги разберут на запчасти, тело превратят в пару сотен баллончиков для освежителя воздуха, а наш холодный камень под названием Земля всё также будет лететь с огромной скоростью, прокладывая себе дорогу в бесконечной равнодушной вселенной. Его жизнь и смерть, если к роботам применимы эти термины, ничего кардинально не изменили. Программа-блокировщик, из-за которой он постоянно пребывал в апатии, на все сто процентов права. В масштабах Вселенной всё ничтожно.

Состав прибыл в аэропорт на удивление быстро - я, занятый своими мрачными мыслями, даже не успел заскучать.

Мне раньше не приходилось бывать в аэропортах – на зарплату копа особенно не полетаешь, и огромное светлое здание из стекла и бетона меня приятно удивило.

Покинув состав вместе с остальными пассажирами, я подошёл к кассам-терминалам и взял билет на ближайший междугородний рейс. Новые идентификаторы сработали как надо, я услышал короткий одобрительный «пик», увидел всплывшее перед глазами сообщение о снятии денег со счёта и получил свой билет – небольшой глянцевый буклет, девяносто процентов площади которого занимала реклама авиакомпании и её партнеров.

Регистрация на рейс прошла как надо. У меня не было с собой никакого багажа, и это избавило от процедуры взвешивания и досмотра вещей. На меня не обратили никакого внимания сверх положенной меры. В аэропорту дежурили не новокопы, а люди – какая-то частная охранная контора. Тамошние бравые ребята меня только смешили – ходили в мрачной чёрной форме, беретах и разгрузочных жилетах. Последние меня особенно повеселили – неужели у их резиновых дубинок могли закончиться патроны? Показуха, да и только. Даже «Кольт» мой не нашли, клоуны. Хотя,

думаю, в этом была, скорей, заслуга хирургов, что оперировали меня несколькими часами ранее.

Объявили посадку. Я поднялся с жёсткого металлического сиденья и прошёл в самолет по длинному телескопическому трапу, в конце которого встречал вежливый андроид-бортпроводник, учтиво приветствующий пассажиров и объясняющий, как пройти на место.

Самолёт был небольшим и, судя по всему, далеко не новым. В принципе, я не ждал ничего другого от обычного междугороднего рейса. Половина мест пустовала.

Казалось бы – самое время облегчённо вздохнуть, но нет. С каждым шагом по мягкой ковровой дорожке моё напряжение только нарастало. Я уселся в кресло рядом с проходом и, опустив взгляд в пол, вцепился в подлокотники и с нетерпением ждал последние минуты перед взлётом. Несмотря на огромный соблазн расслабиться, я понимал: по-настоящему в безопасности я окажусь, только когда самолёт наберёт высоту.

Мы выехали на взлётную полосу, двигатели загудели и тут же выключились.

- Уважаемые пассажиры! – голос пилота заставил меня вздрогнуть. - Наш взлёт задерживается на некоторое время из-за осложнения погодных условий. Сохраняйте спокойствие и не вставайте со своих мест.

Отлично! Просто замечательно.

Я негромко выругался. Как всегда, всё сорвалось в последний момент. Погода? Да бросьте, я не верю. И бравые ребята в чёрной форме, что шли к моему месту, неумело делая вид, будто их интересую вовсе не я, это только подтверждали.

Я крепко сжал зубы и зажмурился, стараясь успокоиться.

- Простите, сэр, - сказал один из охранников, встав рядом с моим креслом. - Разрешите посмотреть ваш…

Он был готов к нападению. Держал ладонь на своей замечательной дубинке, внутренне собрался, но, тем не менее, я не дал ему договорить. Если меня заметили, значит, счёт времени уже пошёл на секунды, и промедление не было подобно смерти: оно и было ею.

Стерильная сказка кончилась. Начиналась грязная реальность.

Мир вокруг замедлился, и охране аэропорта это не сулило ничего хорошего. Я просто прошёл сквозь них, превратив чистый и уютный салон самолёта в декорации к фильму ужасов. Со всех сторон раздавались крики, кого-то тошнило, а я уже летел в сторону кабины пилота.

Дверь туда я просто выломал – это было на удивление легко.

Пилоты сидели в креслах, уже готовые к полёту – громоздкие чёрные шлемы с кучей шлейфов на головах, к конечностям напрямую подсоединены приборы управления самолетом.

- Взлёт! – прорычал я, срывая с себя окровавленное пальто и доставая «Кольт» песочного цвета из тайника в имплантате левой руки.

- Не стреляйте! – взмолился второй пилот. Его голос из-за шлема звучал гулко, как будто он кричал в жестяное ведро. - Прошу!

- ВЗЛЕТАЙ!!! - я представлял собой оружие намного более страшное, чем древний пистолет, но пилотам нужен был чёткий и хорошо знакомый образ для того, чтобы испугаться. - А то мозги вышибу!

Впрочем, пилоты ничего сделать не могли. Я посмотрел на взлётную полосу и увидел, что она перегорожена двумя огромными оранжевыми грузовиками-бензовозами.

- Я не… - заговорил командир судна, но я его перебил.

- Сам вижу. Связь! – ткнул под ребра стволом пистолета. - Связь с диспетчером, живо! И ещё, у вас есть доступ в Сеть?

Массивная чёрная голова со шлейфами торопливо кивнула:

- Да, конечно.

- Тогда мне нужна ещё и прямая трансляция.

«Отлично, офицер. Теперь вы докатились до захвата заложников».

Однако для самоедства не было времени, нужно было действовать. Нейрокорп вполне могла уничтожить самолёт вместе с пассажирами только для того, чтобы разделаться со мной. Это не паранойя, а вполне реалистичная оценка возможностей Компании.

- Говорите, – пробубнил капитан. - Камера вон там, вверху.

- Самолёт захвачен! – проговорил я, выразительно жестикулируя пистолетом. - У меня заложники! Я требую немедленно разрешить мне взлёт! Если вы через пять минут не уберёте со взлётной полосы те два долбаных заправщика, я начну убивать заложников. Если кто-то попробует пойти на штурм, я взорву самолёт! – блефовать так блефовать. - Напоминаю, пять минут. Время пошло. Если бензовозы к тому времени не очистят полосу, то гибель заложников будет не на моей совести. Отключайте камеру! - кивнул я пилотам. - Можете поставить музыку.

В первые же секунды трансляции к нам присоединилось несколько десятков человек. Ещё бы – канал с красноречивым названием «ШОК!!! Захват самолета в Нейро-Сити ПРЯМО СЕЙЧАС!!! Террорист в прямом эфире!!!» привлекал внимание

даже самой искушённой публики. Это вам не очередная шлюха, трясущая грудью перед камерой и собирающая похотливые восхваления от истекающих слюной мужчин. Это настоящее кровавое реалити-шоу. Подобные зрелища в Нейро-Сити обожали.

- У вас есть гарнитура?

Пилот кивнул.

- Давайте сюда.

Мне передали неестественно огромные наушники с микрофоном. Судя по весу и массивности, их конструкция не менялась со времён двадцатого века. Я вышел в салон и показал пассажирам пистолет:

- Все в нос самолёта! Живо! - поскольку летающая машина была небольшой, салон отлично просматривался и я был уверен, что никто не спрятался под сиденьем. - Поздравляю, сегодня вы все летите в бизнес-классе.

Ожила гарнитура:

- Добрый день. Могу я узнать, с кем говорю? – уверенный мужской голос звучал так, словно хотел подружиться.

- Нет, – грубо отрезал я. Верить переговорщикам, психологам и прочим мозгоправам ни в коем случае нельзя.

- Ничего страшного, – быстро согласился собеседник, а я путём нехитрых манипуляций вывел наш с ним разговор на онлайн-трансляцию, уже чувствуя, как сотни (если уже не тысячи) человек замирают, вслушиваясь в каждое слово и ожидая чего-нибудь необыкновенного.

- Ага. Вот и я о том же. Бензовозы уже отъезжают, да?

- Простите, мы как раз связались с вами для того, - затараторил переговорщик, - чтобы сказать, что нам нужно ещё немного времени. Просто ребята из аэродромной обслуги от усердия пробили грузовикам колёса, ну вы понимаете, чтобы они крепче стояли на асфальте…

Я пытался вставить слово, но этот чёртов придурок не прерывался. Поняв, что со мной играют, я закричал:

- Заткнись! Заткнись нахрен! – и когда, наконец, услышал тишину, добавил: - Не думай, что я поверю твоему вранью. Не пытайся заболтать меня, урод, иначе за это кто-то тут поплатится. Клянусь, я на взводе, не заставляй меня стрелять! У вас осталось, - я вызвал виджет-часы, - три с половиной минуты. Если бензовозы не уберут, кто-то за это ответит.

Переговорщик отключился, а я посмотрел на пассажиров, сжавшихся на своих сиденьях. Человек тридцать, вряд ли больше. Пара-тройка семей с детьми, мужчины, женщины. Явно не верхушка Нейро-Сити. Обыкновенный средний класс. Сидят, трясутся от страха, но не смотрят в глаза и закрывают рты

скулящим детям. Эти люди прекрасно знают, как вести себя во время подобных ситуаций – Нейрокорп хорошо постаралась раздуть террористическую угрозу, создала настоящую массовую истерию, и листовки в духе «Что делать во время нападения Страшных Ужасных Террористов» висели на всех углах.

Чёрт. Не так всё должно было быть. Я скривился и покачал головой. Ну, извините, ребята. Придётся вам немного понервничать. Это не страшно – полицейские психологи живо заглушат все плохие воспоминания, а СМИ превратят вас в героев. Кто-нибудь даже сможет написать мемуары или сняться в документальном фильме.

Я уселся в пассажирское кресло и осмотрел терминал. Ничего особенного – небольшой экран, проектор голограмм, подключение к сети. Я ненадолго «ушёл в себя», отыскивая самые «вкусные» записи с глаз и скидывая их на пару независимых друг от друга сетевых файлопомоек. Доступ заблокировал при помощи пароля, но простенького – на его расшифровку у взломщика уйдет пара минут простого подбора.

- Бензовозы убраны, – доложил переговорщик. - Простите, не могу ли я попросить вас…

- Погоди, – перебил я его и отключил трансляцию. - Мне есть, что сказать. Лови ссылку на файлы, – я продиктовал адрес сайта и десяток цифр. - Пароль взломаете сами, пусть вам тоже будет интересно… И прощай. Думаю, после того, как твои боссы увидят, что именно лежит на том сайте, я буду говорить с кем-нибудь другим.

Я поднялся с широкого и уютного кресла и встал в проходе, слушая, как самолёт разогревает двигатели.

- Пока не взлетать! – передал я пилотам. - Спокойно, - это уже пассажирам. - Я не буду убивать никого из вас. Это всё просто недоразумение.

Не знаю, зачем я это говорил. Перед кем, спрашивается, оправдывался? Окажись сам в такой ситуации, вряд ли бы я улыбнулся и сказал: «А, ну окей, чувак, тогда буду спокоен. Ну и напугал же ты меня!»

Прошло несколько минут.

- Мистер Морт, я полагаю? – вот оно. Настоящее шоу только начинается. Голос нового переговорщика совершенно спокоен.

- Да, это я, – скрываться не было нужды, тем более, что меня, скорее всего, раскрыли ещё в аэропорту. Не помогли ни новые документы, ни шарф. Даже обидно, столько денег впустую.

- Не будем отнимать время друг у друга. Чего вы хотите?

Ах, как много людей отдали бы всё на свете ради того, чтобы шишка из «Нейрокорп» задала им этот вопрос.

- Я хочу уйти.

- Боюсь, это невозможно, – голос непреклонен, торговаться бессмысленно: это было ясно сразу. Ну что ж, он хотя бы был честен. Впрочем, для меня это было лишь знаком того, что меня постараются обмануть в чём-то крупном.

- Уж позвольте мне постараться, – я вложил в эту фразу весь свой сарказм. - В любой момент я могу включить трансляцию на весь мир, так что давайте не будем делать глупостей. Я готов отпустить почти всех своих заложников.

- При условии?.. - видеть всюду подвох – это отличная черта характера, которая всегда вызывала у меня уважение.

- Именно. При условии, что взамен мне доставят Рутланда.

Собеседник на пару мгновений замолк, раздумывая, где я попытаюсь его обмануть.

- Надеюсь, вы понимаете, что он для нас не будет представлять ценности, как заложник? Он отставник, отработанный материал. И вы точно также не будете представлять ценности, если ваши… материалы появятся в Сети.

- Прекрасно понимаю. Я сам хочу жить и, в свою очередь, не стану дергаться. Вы деловой человек, я тоже. Так что просто доставьте мне Рутланда, а я отпущу большинство заложников.

- Не боитесь, что вместе с ним придёт полиция?

- Нет, не боюсь. Насколько я понимаю, взрыв самолета и гибель заложников никому не нужна. Даже наоборот, Компании нужен повод для того, чтобы в очередной раз прокричать о том, как круто она борется с террористами и защищает жизни простых граждан.

- Взрыв… - фыркнул переговорщик. - Послушайте, мистер Морт, перестаньте ломать комедию. Мы прекрасно знаем, что никакой бомбы у вас нет.

Он переиграл. Совсем немного, но этого хватило. Я включил трансляцию.

- Уж поверьте, бомба у меня есть. Не заставляйте меня доказывать это. Жизни заложников в ваших руках. Я жду. Не приближайтесь к самолету до тех пор, пока не приведете своего человека на обмен, – я сознательно не называл имя Рутланда. - Даю вам полчаса. Не успеете – я взлетаю вместе со всеми, кто сейчас на борту.

Я оставил заложников сидеть и дожидаться освобождения, а сам прошёл в кабину для того, чтобы взглянуть на приборы и проконтролировать, не приближается ли к нашей птичке штурмовой отряд полиции.

Было скучновато.

Пилоты сидели без звука и движения, боясь меня

потревожить, а пространство вокруг самолёта оставалось совершенно пустым. Время подходило к концу, когда меня снова вызвал переговорщик.

- Персона для обмена уже на подлёте. Высматривайте в небе полицейский вертолёт.

- Пусть сядет подальше и высадит… э-э, персону, - я едва успел спохватиться, чуть не назвав фамилию. – Прогуляется по полосе, ничего ему не будет. Я начну освобождать заложников, когда он окажется в самолёте. Но не всех! Потом сразу же взлетаю.

- Хорошо-хорошо, – слишком уж кроткий голос, это неспроста.

Я повернулся к пилотам:

- Вы слышали про взлёт?

Те закивали.

- Отлично, тогда готовьтесь.

Рутланда высадили метров за триста от нашей машины. Серебристая капля полицейского вертолёта зависла над взлётной полосой и, выгрузив Моргана, улетела прочь, как будто её тут и не было.

Бывший лидер сопротивления шёл, пряча лицо за шарфом, как и я когда-то. Чёрное пальто развевалось от порывов ветра, приносивших с собой капли дождя и мокрый снег. Надо будет подготовить ему достойный приём. Я вышел в салон.

- Обращаюсь к женщинам и детям. Встаньте и подойдите к дверям. Скоро они откроются и я разрешу вам выйти.

Они повиновались без малейшего звука, как будто были не людьми, а машинами. Ни единого всхлипа или косого взгляда, что мог бы спровоцировать меня распсиховаться и открыть огонь. Молодцы, что сказать…

- Теперь мужчины. Встать! – скомандовал я.

Мне нужно было выбрать несколько заложников, которые должны будут остаться. Кто у нас там летел один?.. Вот этот холёный красавчик в модном костюме, толстый итальяшка с горбатым носом и старик с массивным золотым браслетом на запястье. Простите, ребята, это лотерея, и вы проиграли.

- Ты, ты и ты, – я ткнул пальцем в намеченных мной людей, заметив, как те вмиг вспотели и задышали чаще. - Ближе ко мне. Остальные – свободны.

Вздохи облегчения, всхлипы, тихое поскуливание… Отобранные мной мужчины уставились на тех, кто готовился покинуть самолёт, с откровенной завистью, от которой был всего один шаг до ненависти, а счастливчики прятали глаза, делая вид, что троицы неудачников и вовсе не существовало.

К самолёту подъехал грузовик-трап. Двери открылись, я напрягся, приготовившись «глушить» Рутланда, если тот захочет решить проблему радикальным путём, но тот не выказывал никакой агрессии.

Морган зашёл, заложники торопливо покинули борт. Я видел, как они бежали по взлётно-посадочной полосе к красному автобусу, который их уже ожидал. Трап убрался восвояси, двери закрылись.

- Взлетаем! – скомандовал я пилотам, когда трап отъехал, и самолёт тут же тронулся, набирая скорость. Синтетический голос попросил проверить, пристёгнуты ли ремни безопасности. Заложники уже расселись по мягким креслам в бизнес-классе.

- Сукин же ты сын! – раздражённо сказал Рутланд, снимая шарф, под которым скрывалось гладкое лицо без единого шрама, способного напомнить о том, что совсем недавно произошло. - Из-за тебя я точно опоздаю на рейс.

Он был удивительно спокоен для человека, который оказался в заложниках. Я ждал, что он будет угрюмым или, наконец, агрессивным, но нет: мой бывший босс вёл себя так, будто я был его другом, не вовремя позвавшим занести рояль на пятый этаж.

Я указал пистолетом в направлении четырёх кресел, стоявших друг напротив друга. Их разделял небольшой столик. VIP-места для больших шишек, не желающих тратить время полёта впустую.

- Сядь и пристегнись.

- Ай, убери ты эту пукалку, – отмахнулся он, присаживаясь напротив меня. - Сам же зна…

- Да,– отрезал я. - Знаю.

Самолёт разогнался и оторвался от земли. Большой экран в салоне показывал удаляющуюся взлётную полосу и крыши домов, уменьшающиеся с каждой секундой. Перед камерой проплывали серые полупрозрачные ленты облаков.

- Куда лететь, сэр? – уточнил пилот.

- Кружись над городом, пока я не скажу.

- И что ты задумал? – спросил Рутланд. - Разоблачение? Кстати, ты в курсе, что трансляция всё ещё идет?

- Конечно, – кивнул я.

Самолёт завалился на правый борт, поворачивая.

- Ты не мог бы её отключить?..

- Нет.

- Страшно, да? – ухмыльнулся Морган.

- Нисколько.

- Знаешь, я вот сижу и думаю, – Рутланд подался вперёд, облокачиваясь на стол, и презрительно усмехнулся, заметив, как

я дернулся. - Что, кроме этих грёбаных ремней, мешает мне сейчас одним движением свернуть тебе шею?

- Например, - я старался не потерять лицо, хоть это было и сложно, ибо Рутланд меня пугал, - та информация о тебе и Нейрокорп, что попадёт в Сеть после моей смерти. Боссы будут очень недовольны, если плебс узнает о твоих играх и истинной цели Организации.

- Ты не мог бы всё-таки отключить трансляцию, чтобы я говорил без намё…

- Я же сказал, нет. Так что сиди и не дёргайся.

- Что тебе нужно?

- Ещё больше информации. Видишь ли, чем больше я знаю, тем дольше живу.

- И как ты собираешься её добыть? – спросил у меня Рут.

- У тебя, разумеется.

- Отключи трансляцию, и я…

- Всё расскажешь? Не верю. Мне нужна твоя голова.

- Может, тебе ещё задницу подставить? – ощерился Морган.

- Если скажу, то подставишь, – я нарочно бесил Рутланда, как когда-то Глазастика. - Либо твои боссы тебя поставят в позу и…

Рутланд рванулся на меня, вырывая с корнем ремни безопасности. Очень вовремя. Морган был быстр, дьявольски быстр, но всё-таки я был наготове и сам провоцировал его начать драку. Чип в его шее был мгновенно активирован, и бывший лидер Сопротивления, содрогаясь от ударов тока, рухнул прямо на журнальный столик, сминая его так, будто тот был игрушечным.

- Т-с-с, – я подскочил к нему, немного ослабляя напряжение и вынимая «иглу» из пальца. - Ты почти ничего не почувствуешь…

24.

«- Ваше имя.

- Морган Рутланд, с-сэр… - я видел перед собой абсолютно тёмную комнату. Единственным источником света была настольная лампа, чей ослепительный белый луч бил прямо в глаза и, казалось, выжигал сетчатку. Я не видел даже того, кто говорил, но мог представить, что это наверняка какой-нибудь уверенный в себе сукин сын с тёмными волосами, зачёсанными назад, одетый в строгий чёрный костюм.

- Статья и срок.

- Д-двести пятьдесят вторая, с-сэр.

Рутланд дрожит, сидя совершенно голым на холодном металлическом стуле.

- М-м… - невнятно мычит себе под нос невидимый

собеседник. - Понятно. Приговор?

- С-сто лет виртуальной тюрьмы, с-сэр.

- Ого! – притворно удивляется следователь. - Сто лет – это не шутки. Ты, наверное, был крутым парнем. Что ты натворил?

- Н-ничего, сэр.

- НЕ ВРИ МНЕ!!! – невидимка резко срывается на крик, вскакивает и бьёт Рутланда по лицу так, что у того мутнеет в глазах.

- Не смей мне врать, – спокойным голосом повторяет он, снова садясь за стол. - Так вот, что ты натворил?

- С-суд квалифицировал мой поступок, как активное участие в мятеже, сэр, – Рутланд всхлипывает.

- Активное? Надо же… - следователь снова замолкает. Не видно, что он делает, но, скорее всего, либо записывает, либо читает материалы дела.

- …И зачем тебе это только надо было?

- Простите? – Морган не расслышал вопроса.

- Я говорю, зачем тебе только нужен был этот мятеж?

- Я… - Рутланд замолкает и мнётся. - Я просто хотел жить, сэр...

- Это понятно… - притворно вздыхает следователь. - Все хотят. Сколько уже отсидел?

Морган медлит с ответом.

- Я… Простите, я не знаю, сэр.

- Ну, а если предположить? – спрашивает собеседник, ухмыляясь.

- Пятьдесят?.. Может, семьдесят лет? Когда меня вывели из стазиса, я подумал, что срок закончился.

- Пятьдесят! Ха-ха-ха! – заливается смехом следователь. - Семьдесят! Ха! Боже! Ты серьёзно?

- Да, сэр, – Морган опускает взгляд. - Простите, сэр.

- Да ничего, приятель, тебе не за что извиняться… Знаешь, сколько ты просидел? – невидимый следователь наклоняет лампу, и та освещает металлический стол и сидящего за ним. Всё как я и предполагал. Чёрный костюм и тёмные волосы, зачёсанные назад.

- Сколько, сэр?.. – затаив дыхание, спрашивает Рут, заранее боясь ответа.

- Десять. Судя по часам твоей тюрьмы, ты просидел десять лет.

С губ Моргана срывается стон.

- Де… Десять?.. Как же так, сэр? Этого не может быть! Это невозможно! – его голос дрожит, он едва удерживается от истерики. Не хочет верить. - Нет, вы обманываете меня, это не десять лет! Они не могли тянуться так дол…

- Я ОБМАНЫВАЮ?! – снова фальшиво злится следователь. - ДА КАК ТЫ СМЕЕШЬ?!

Короткая процедура избиения повторяется, Рутланду расквасили нос, и теперь он, опустив глаза, смотрит, как кровь капает на его гениталии.

- Да, приятель, ты отсидел всего десять лет. И отсидишь ещё девяносто. Без права на амнистию.

Морган мотает головой, его глаза застят слезы. Следователю даже не потребовалось особенно его ломать - подопечный уже был сломлен тюрьмой и, что более важно, осознанием собственной вины. Да, он помогал мне, но так уж он привык – не быть лидером, а следовать за более сильным. Актёр, не полицейский.

- Но-но, приятель, не будь размазнёй. Прости за то, что бил – работа такая. Слушай, я вижу, что ты хороший парень, и этот чёртов - как его? Морт? - просто запудрил тебе мозги. Серьёзно.

Следователь подаётся вперёд и переходит на доверительный полушёпот.

- Я сам не вижу никакой причины держать тебя тут. Но для того, чтобы тебя вытащить, мы должны быть в одной команде. Ты поможешь мне, а я помогу тебе. Я из службы безопасности Нейрокорп. И у меня есть полномочия для того, чтобы ты больше не сходил с ума в виртуалке. Однако для боссов, - следователь указал пальцем куда-то вверх, - нужно достойное обоснование для того, чтобы тебя выпустить. Всё, что потребуется – это какое-то время поработать на нас. Как в полиции. А потом – пенсия и заслуженный отдых. Ты был когда-нибудь на Карибах, приятель?..

- Н-нет… - Рутланд продолжает наматывать сопли на кулак. - Не был.

- Ну вот, в контракте сможешь прописать себе домик на Карибах после завершения миссии. Ну как? По рукам?..»

Я видел всё.

Видел то, как Рутланд стал фальшивым лидером фальшивого Сопротивления, цель которого была в том, чтобы одни враги Нейрокорп грызлись с другими, а человеческие отходы утилизировались самостоятельно. Узнал о том, что Организация сама послужила во благо Компании, которой террористическая угроза была просто необходима для того, чтобы легально контролировать все информационные потоки в городе.

Я слышал, как Рутланд получал свои задания от кураторов – неприметных личностей в тёмных костюмах, что были больше похожи на мелких клерков, чем на представителей самого могущественного и таинственного департамента Нейрокорп.

«Диджитал Динамикс» действительно тайно разрабатывала

хакерское программное обеспечение, но не по указке Компании, а для собственного пользования, и в Нейрокорп решили задавить строптивую контору.

Бомба в «Городе счастья» была нужна для того, чтобы снизить тамошние цены на недвижимость и скупить весь микрорайон по дешёвке.

«Электросистемы Холла» опередили Нейрокорп в разработке искусственных тел и стали очень опасными конкурентами.

Рутланд сидел в кресле напротив и тяжело дышал, пытаясь прийти в себя.

- Пилот! Курс… На юг. Да, точно на юг. Указания получите потом.

Самолёт развернулся и лёг на курс.

- Я тебя ненавижу, – сказал Рутланд. - И я убью тебя, как только представится возможность. Богом клянусь, я…

- Заткнись, – я устало отмахнулся от человека-фальшивки. - Мне сейчас не до тебя.

Я попытался слить полученные данные в сеть, но не вышло. Трансляция также была заблокирована. Вторая и третья попытки также не дали результата.

- Чёрт! – я выругался, ладони вмиг покрылись холодным потом. - Чёрт! Чёрт! ЧЁРТ!!! – отломанный подлокотник кресла улетел куда-то в эконом-класс, запутавшись в синих шторах с логотипом авиакомпании.

Рутланд хрипло засмеялся. У него в глазах я не видел ничего, кроме безумия.

- Вот теперь, тебе конец, урод. Нам всем конец. И тебе, и мне! И вам троим тоже! Ха-ха-ха! – он наставил указательный палец на заложников. - Бах! Бах! Бах! Ха-ха-ха!..

- Можете поздравить нас, мистер Морт, – тот же голос в гарнитуре, только на этот раз злорадно-торжествующий. - Мы нашли вторую ссылку и заблокировали её. Заметьте, я говорю «вторую», и не говорю, что мы ищем третью и далее. Игра окончена, сдавайтесь! – торжество ушло, уступив место металлу. - К сожалению, ваши данные уже утекли в Сеть и наделали много шума. Да, вы причинили Компании некоторый вред, и мы не позволим этому случаю повториться. Рядом с вами наши беспилотники, можете увидеть их в иллюминатор. Они глушат все каналы связи, кроме моего, и держат вас на прицеле. Даже если вы не освободите заложников, вам конец. Морган прав, мы собьём вас, несмотря ни на что, и ваша смерть не станет такой уж трагедией. Об этом случае все завтра же забудут, поскольку мы инициируем такой информационный шум, что всем будет не до какого-то старого копа, трёх неопознанных трупов и Моргана, уже

давно списанного в расход, – переговорщик Нейрокорп откровенно злился. Это было отлично заметно по голосу. - Кстати о списании, Эйдер, как это – чувствовать себя не уволенным человеком, а кучей имплантатов, списанных по статье «Некондиция», а?

- Пошёл ты! – заорал я, выбрасывая гарнитуру следом за подлокотником.

Когда-то мне не повезло искупаться в замёрзшей реке: я стоял на набережной, и какой-то наркоман выпалил в меня из дробовика. Я отлетел назад, рухнул с двух метров, проломил тонкий лёд и камнем пошел ко дну.

Но даже тогда мне не было так холодно, как сейчас.

Всё-таки достали.

- А вот про кучу имплантатов было реально обидно, – сказал истерически хихикающий Рутланд.

Старая практика – полицейских, увольняемых со службы, было проще убить, чем выковыривать специальные имплантаты, поэтому их списывали по статье «Некондиция». Это было поводом для множества шуток, но сейчас мне было не до смеха.

- Я просто хотел жить, Морт, – взглянул на меня Рутланд. - Там, на мосту. Сукин ты сын, Я. ПРОСТО. ХОТЕЛ. ЖИТЬ!!! – он бросился на меня, в последнем отчаянном прыжке вытягивая вперёд скрюченные пальцы, которыми стремился вцепиться мне в глотку.

В этот раз я не успел среагировать. Моргану удалось сбить меня с ног, и в тот же миг беспилотники открыли огонь. Самолёт прошили разом несколько десятков пуль. Целились в двигатели, крылья и хвост. Я услышал, как заорали заложники, но было не до них: моё горло сдавливал Рутланд. Сидел, оскалившись, брызгал слюной мне в лицо. Лишь каким-то чудом я удержался в сознании для того, чтобы снова, в последний раз, активировать чип.

Удар током получили мы оба. Шарахнуло так, что потемнело в глазах, но всё-таки не убило, чему я был несказанно рад. Морган завалился на бок, и я, проморгавшись, увидел, что у него вместо шеи торчит нечто, напоминающее головешку из костра – оплавленную, дымящуюся и жутко воняющую паленым мясом и пластиком. Куда девалась голова, не хотелось и думать.

Самолёт жутко болтало.

Я попробовал встать на ноги, но не сумел – машина вильнула так, что меня хорошенько приложило сперва об один борт, а затем о второй. Свист ветра в пробоинах и надрывный хрип умирающих двигателей, крики пассажиров. Болтающиеся над креслами кислородные маски.

Каким-то непостижимым образом я всё-таки пробрался в кабину пилотов, работавших не за страх, а за совесть – как-никак себя спасали. Вцепившись в какой-то прибор, казавшийся максимально устойчивым, я, леденея и молясь всем известным мне богам, ждал развязки.

- Тяни! – орал командир. - Сядем на трассе! Планируй, чтоб тебя!!!

- Не могу! – второй пилот, судя по голосу, едва сдерживал панику. - Повреждено хвостовое оперение и левое крыло! Не могу планировать!

Позади нас что-то громко хлопнуло.

- Отказ левого двигателя! – закричал второй пилот. - Теряю контроль! Машина неуправляема!

- Держись! Держись, мать твою!!! – рычал командир.

Земля неумолимо приближалась. Я закрыл глаза и приготовился к скорой мучительной смерти.

Отлично, офицер Морт. Чем выше взлёт, тем глубже падение. Ты же знал это, так какого рожна вообще надо было садиться в самолёт?

Удар, гул, рокот, скрежет металла. Машину трясёт как будто в припадке.

Я молюсь уже вслух, чувствую, что теряю рассудок от ужаса.

Самолёт ударился об асфальт, сломал передние шасси и снова отскочил от земли.

- На брюхо! – орёт командир, а я вижу впереди висящий над дорогой на какой-то решётчатой конструкции большой знак, в который мы обязательно врежемся. Не можем не врезаться.

Мы снова тяжело ахнулись на землю, от скрипа вокруг заложило уши. Внезапное сотрясение бросило меня вперёд – прямо на стекло, в которое я изо всех сил впечатался, переломав себе всё, что можно. Самолёт по инерции продолжал ползти на брюхе дальше.

«Знак!» - запоздало подумал я и тут же получил мощный удар в спину – мы всё-таки врезались. Кабина превратилась в металлическое месиво, мой живот пронзила какая-то стальная труба, которая тут же накренилась. Короткое мгновение скольжения обратно, - я прочувствовал кишечником каждую шероховатость, – и меня бросило на пол, превращённый в какое-то сюрреалистичное произведение искусства - мешанину из стекла, металла, пластика и ещё бог знает чего.

Пилоты мертвы – предположить иное было нельзя, увидев то, во что превратились их рабочие места. Да и мне недолго осталось… Силы покидали, и в этот раз шоколад точно не поможет. Ничто не поможет.

«Нет уж, офицер Морт, - твёрдо сказал внутренний голос. - Если бороться, то до конца».

Я отключил боль и попробовал подняться на ноги. Удалось только с третьей попытки – меня шатало, кишки постоянно выпадали, и мне пришлось придерживать их рукой. Самолёт ровным слоем размазало по дорожному полотну на протяжении пары миль. Солнце клонилось к закату, но его не было видно из-за туч. Чахлый лес у обочин, потрескавшийся асфальт, горящие обломки самолёта и машин, которым не повезло оказаться на пути…

Кровотечение из живота никак не хотело останавливаться. Я попытался перехватить кишки поудобнее левой рукой, но заметил, что её снова нет. Имплантат оказался вовсе не так надёжен, как говорили врачи.

Спуститься из останков кабины на асфальт оказалось несложно – всего один шаг. В голове больше не было ни единой мысли. Просто идти. Даже направление неважно.

Плотные порывы ветра окутали меня со всех сторон. Они охлаждали кожу, брызгали на меня капельками воды и снега, пригибали к земле. Я поднял глаза и увидел, как неподалёку от меня садятся серебристые вертолёты. Даже удалось сосчитать их, несмотря на кровавую пелену перед глазами. Раз, два, три, четыре, пять. Вот видишь, как просто. Только кишки держать, чтоб не упали на землю и не испачкались. И обязательно правой.

Новокопы высадились и быстро окружили меня, подняв оружие и приготовившись стрелять. Ну что ж, кошмарики мои ночные… Я готов.

- Мистер Морт! – знакомый голос, сотканный из сотен оттенков лязга и скрипа. - Пройдёмте с нами!

Новокоп подбегает и подхватывает мои кишки.

- Не бойтесь, вам не причинят вреда. Даже наоборот, хе-хе, подлатают. Я из Нейрокорп, Служба безопасности. Осторожнее. Надо запихнуть эти штуки как-нибудь внутрь…

Эти слова и нарочито дружелюбная интонация, с которой они произнесены, сбивают меня с толку, но разбираться, в чём тут дело, я уже не в состоянии. Подкатывают носилки, на которые два новокопа меня быстро и аккуратно укладывают и куда-то везут. Говорящий идёт рядом и болтает без умолку.

- Всё будет хорошо, приятель. Мы тебя вытащим, но для этого нам надо будет помочь, слышишь? Нужно только дать боссам убедительную причину для того, чтобы тебя помиловать. После всего, что ты натворил, они очень недовольны, очень… Но у меня есть прекрасная идея. Просто помоги мне, и я помогу тебе. Ты же у нас такой молодец. Разоблачил липовую организацию, а теперь

возглавишь настоящую! Ха-ха, ну, если ты понимаешь, о чём я. А Рутланд – чёрт с ним, с Рутландом. Ты же хотел жить, да? Ну, вот и выживешь.

Я смотрю в его улыбающуюся металлическую морду и не понимаю ни единого слова из того, что он говорит. Отключаюсь. Замечаю только то, что на моё лицо падают мокрые снежинки, а верхушки деревьев искривлены, как чьи-то сломанные пальцы.

Меня везут к серебристому вертолёту, а коп всё ещё продолжает говорить, размахивая стальными руками:

- Ничего, приятель, всё нормально. Держись, мы не дадим тебе так просто умереть. Сейчас тебя отвезут в больницу, зашьют как следует, а потом, когда отлежишься, мы с тобой и поговорим. Скандал из-за той съёмки мы, конечно, замнём, а вот тебя ждёт большое будущее!.. Ты был когда-нибудь на Карибах, приятель?.. Ха-ха, знаю, что не был, ты ведь даже за пределы Нейро-сити никогда не выезжал. Ну вот, в контракте сможешь прописать себе домик на Карибах после завершения миссии. Все мечтают там оказаться. Море, солнце круглый год, девочки… А? Ну как? По рукам?..